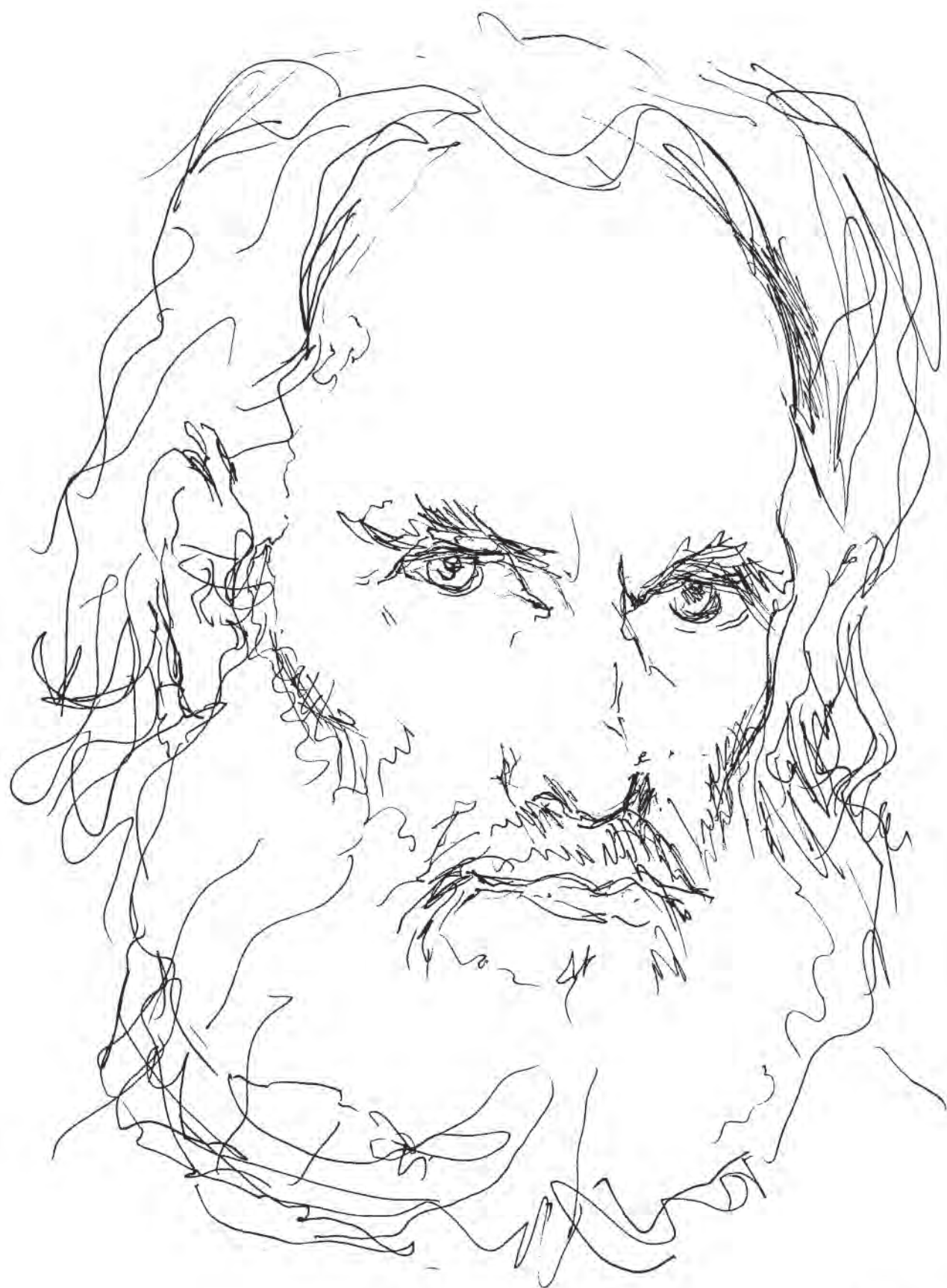

An abstract painting with thick, expressive brushstrokes. The central area is dominated by warm colors like ochre, brown, and green, with a prominent dark brown shape at the top. Below this, there are layers of blue and red, particularly at the bottom and sides. The overall texture is rough and layered, suggesting a long history of work on the canvas.

THE CHETKOV PAPERS: AUTOBIOGRAPHY & INTERVIEW

English ■ Русский

THE CHETKOV PAPERS

28.1.99.
АВТОП.
РЕЛИНО

**THE CHETKOV PAPERS:
AUTOBIOGRAPHY & INTERVIEW**

**THE PUSHKIN GROUP LTD
SANTA FE**

Copyright 2014, Pushkin Group, Ltd. All rights reserved.

PUSHKIN GROUP LTD

pushkin.uk@gmail.com

pushkingallery.com

ISBN: 978-0-9766949-6-0

Cover: *Male Portrait*

1970, Acrylic on Panel, 20 × 16 inches

The John Bufe Family Collection

CONTENTS

Interview with Boris Chetkov, 2009

English	6
Russian	74

In My Own Words: The Autobiography of Boris Chetkov, 2004

English	162
Russian	172

INTERVIEW WITH
BORIS CHETKOV
2009

This document is the literal transcription (from Russian and translated into English) of an interview recorded with Boris Chetkov at his home in Lomonosov, (outside of St. Petersburg, Russia) in December, 2009.

Good afternoon, Boris Aleksandrovich. Please, tell us something autobiographic, something from your past.

First of all I would like to start from the very beginning; I would like to speak about my origins.

My mother comes from the city of Perm, the village Kueda. Before the Revolution she lived there with her brothers, with her family. Her brothers were icon-painters. And her mother and father, her father was a minister. After the whole mayhem – the Revolution – all of them vanished. There were three kids in the family, my mother had to go ‘into the world’, she had to start working, and her younger siblings – sister and brother – were taken into the orphanage. I don’t know the details but somehow she found herself somewhere in Sverdlovskaya Oblast, the town of Novaya Lyalya, and later in the village... what’s its name...

Sultanovo.

The village Sultanovo. At the age of eighteen she got married to my father. He lived in Sultanovo with his family. And the origin of my grandfather is this. In that village of Sultanovo there lived a well-off family. They didn’t have children and according to the local lore even the strangers told them: Take a child – any child – and you will have kids of your own. And one morning they woke up and there was a baby laying right on their porch.

Your grandfather.

Yes. On the porch. The baby was wrapped in a very nice silk blanket with lace trim. And there was a birth certificate saying the baby’s name: Andrei Chetkov. Nothing else is known about his origins. So the people adopted the baby and started raising him. He turned out to be a very smart and hardworking boy. And soon the people understand that he is the one who will continue their family and increase their wealth. So his fate was sealed, they decided to keep the boy and he became a part of the family. Shortly after that they had a daughter. They gave her a Russian name... can’t remember. She grew up to be a very beautiful young woman. Strange but while they were growing up they never gave a second glance to each other, he was forever busy working and she was doing her stuff.

Everyone was on their own.

When she came of age and started to look at young men, her father told her: No, this is your fiancée.

Indeed, it was your grandfather.

It came as a bad shock to her as they grew up together, but she did just as she was told by her father, and they got married.

Well, her name was Apollinaire, a Russian name. She had cried a little but she did as she was told by her father. And she saw him for what he was – a hardworking and industrious man. They prospered and soon they had kids: first came a daughter, then a son – Aleksander, my father, then another son – Volodya, and daughter Tonya. Other men in the village would go and lay on the stove-bench in the warmth of their houses, but my grandfather would take horses and head for the town to earn money giving rides. He would come

back to the village with all kinds of goods, velvet and sugar loaves. And when Apollinaire saw that he was so...

Efficient.

...good man, she fell in love with my grandfather.

In the course of time, right?

There was nobody like him. They had a very good life. And my father told me how it used to be. There were four kids and parents, six people – a whole brigade. The grandfather used to say: Guys, I don't care if you sleep or not, I don't care if you are out and about all night, at four in the morning the horses are harnessed – off to the mowing we go. Well, oftentimes the kids were very sleepy in the mornings. But they went anyway because it was theirs to tend to. It was a huge household with meadows and croplands.

It was a grand household?

Yes. When they arrived at the meadow, the grandfather would assign their places and set himself right behind them. Should anyone get slow – he would get on his heels with a scythe. Do you understand?

(laughing) Scythe!

Yes. No time to spare. My father often said: They didn't bother to be sweet with us, we were taken for granted. So everyone worked hard and the only chance to catch a quick nap was when the mother got busy with breakfast or lunch. After which off to work again. So they lived very good but they worked for it themselves, they never had hired help. So when that whole commotion started, when the well-to-do peasants were named 'kulaks' (*literally fists**), and people started talking about dispossessing the kulaks – those very guys who had been laying on the stove-benches all winter and on holidays accepted pies from those kulaks, my family. Those loafers would come to my grandfather and say, 'We shall dispossess you, Andreitch.' Can you imagine that? And one day the disaster did happen. They all – every single one of them – went to church and left behind only an old lady – their kin – for she was more than one hundred years old. And that woman wanted to put a candle to the icons and fell and dropped the candle. Everything caught fire. It was a huge household by that time, they added to the house because the older sons were expected to get married soon. Everything was on fire. So they were standing in church and the people started talking about a fire and their father said, 'It's our household burning!' And they ran. Only the house was blazing by that time, the fence was on fire. What would you do? They started to lead out the horses. You see, horses do not walk out on their own when the stables are on fire, they are afraid. In the end they managed to save something. Such was the farewell to Sultanovo, they collected their belongings and moved to another village, Novaya Lyalya. It was there that I was born.

In Novaya Lyalya?

Yes. I was born in Novaya Lyalya. So they resumed their life. And once again my grandfather built the household. They had a huge house, grand fence. They had a colossal yard. There was a horse, there were chickens, sheep, and they had a cow. Can't you see? Their household was abundant. I can remember, I was a small kid no more than five, there was a paved yard, and the yard was paved with wood. They had huge gates. I used to go to them and I used to love to lay on the stove-niche – it is a lot like a warm bench above the stove. It was a vantage point from which I could watch all the activities in the household.

What people were up to.

So I was watching them. I could see a big kitchen. There was a bedroom and on the walls there were reproductions of Rembrandt, only I didn't know at first that it was Rembrandt, Rembrandt with Saskia. The one with him sitting like this (shows). I didn't know back then, for me it was just a picture. Also I remember photographs of actors, stills from the play *The Mischief of Being Clever*.

Your grandfather was interested in those things?

Everything belonged to the grandfather, it was him who brought all of it. Also there were books, ancient books bound in leather with copper clasps. And certainly I was fascinated by those books, the books with pictures of horses. I constantly leafed through them, looking at the pictures. It was very fascinating for me. Also I would go out into the yard. Then one day I discovered that the house had an attic.

The attic. It contained everything, the implements that they used to have in Sultanovo. My grandfather brought everything and displayed like it was a museum. There were harnesses, huge wooden *duga* troika harnesses with traditional ornaments, all kinds of troika bells, special ones named *shirkuntchiks* – that's what they are called. He had all sorts of whips from thick to thin, gypsy whips. The grand sleds with ornaments used only on great holidays like New Year or Maslenitsa (*Carnival Season**). The troika was so beautiful, you know. Also there were some decorated antique spinning wheels. It was like a museum. So every time we came there I would sneak out and go to the attic. I liked to admire those things. And the rest of the family were looking for me. And then I would come back and they would say, 'Where have you been? We can never find you.' And later my grandfather did find me. Here you are.

Did your grandfather collect those things for everyone... I mean... For whom did he collect the things, that museum? Was it for all of you or for himself?

He just collected those things, as a memory, for himself. Do you understand that?

That is he did not aim to do that... for his children and grandchildren?

He never talked about it, just collected the stuff. It was important as a memory of the household he used to have, you see.

Arts and crafts, folk art. Of those times.

Yes, it was about the folk art. He had pottery. All kinds of artifacts representing folk art. I have been to museums and looked, none of them have anything like that. They don't have the beauty, they don't have the quantity – they lack what my grandfather's collection had. Where did he get the love for those things – that's what I cannot understand.

And willy nilly, all that stuff, that environment and folk art of those times transmitted to you.

Yes, those things somehow influenced me. They somehow impressed me. Also I did see the Rembrandt reproductions. Only later I learned that those were reproductions. Those expensive books in rich binding with copper clasps, all those photographs – everything. Even though they never talked to me about it, I learned those things later on my own. I little by little absorbed those things and educated myself. And later when we lived in Lyalya village, away from the grandfather, I had to go to him across the railroad, through the station.

So your grandfather lived in a house of his own, right? Separate. And you lived separately.

They lived in a separate house. They owned it. And we lived in an apartment,

Already.

For me living in the apartment wasn't that interesting. I was drawn there, to my grandfather's home, do you understand? And one day I went to the grandfather's place, across the railroad. There was a big embankment. And I wanted to cross. And there was a train coming. The engine driver saw me and he let off the steam! And I went tumbling down the embankment, I fell. After the train was gone I went across and when I came to the grandfather, I said, 'Granny, I was washed by the iron rain!' Iron rain, do you see? I was talking about the train steam. Well, they laughed at me. Thus I was cruising back and forth. And my grandfather loved me; he liked me to be around. For instance, when he slaughtered the cattle for some occasion, he would take me with him. And he had a habit of drinking the slaughtered cattle blood. He would pour the blood into the mug and drink it and gave me to drink. I drank the blood with him.

No kidding!

And after we came home he fried the blood in the skillet and the two of us partook of that dish. Nobody else in the family cared anything about that, only two of us.

Some kind of a pagan tradition, right?

Maybe. I don't even know the roots of the habit, probably there was something pagan in it. And the thing is nobody talked to him about that, he was a very simple country man.

Yes, yes.

Well, he had...

And how old were you back then approximately?

Back then I was probably five or six, no more than that. And one other thing that my grandfather did was he harnessed a gelding, Gnedko, a huge horse, chestnut colored. So he harnessed Gnedko and put me on horseback. The gelding hated that, he hated anyone on his back and pulled me off, he would grab me by the felt boot and pull me off! And the grandfather would say, 'I'll get you!' The grandfather wasn't a tall man – between 5'8" and 5'11" but he was a robust man. And another thing I remember well was for the October revolution anniversary they would fatten a pig. It was an enormous stout pig. It was hard to slaughter and they used to take the pig out and shoot. They would take a rifle and shoot the pig. And then they would carve it up, cut the meat, there was a jamboree, his cousins would come. They were tall husky men. So we were having a great time and at some point they would start a tug of war using shoulder-yoke. Yes, shoulder-yokes. They would pull it – and the one who pulls the other wins. Do you know this trick?

No.

They would sit like this, on the floor.

Yes.

Feet to feet.

Yes.

And start the tug of war! You see, such was a Russian game. And in the process they started slapping each other, going hand-to-hand.

You mean (laughing) gradually it evolves into something else.

Yes. Something else was going on. This (shows – *the universally recognizable gesture meaning drinking**) kind of thing started going, right? Well, there the women would intervene and make it up, all right. Again they would drink. And on and on it went. Afterward they would go home. Such were the holidays that I remembered. And on one occasion on the October anniversary they dressed me warm, coat with a huge collar and scarf. And I went out along the fence and I started to sing the song that goes something like ‘And nobody will ever know where my grave is.’ The gelding came out, grabbed me by the collar and started to lift me up and put me down. Can you imagine that? *(laughing)*

As if you were a kitten.

Yes. Lifting up and putting down. Up and down. My grandmother jumped out, started to shout, ‘Guys, the gelding got Borya by the nape and drags him around!’ They ran out and the gelding kicked his legs and fled.

Was it his response to your song?

What’s that?

Was it because of the song?

I don’t know what got into the gelding. Maybe he didn’t like it that I was strutting around like a boss. He probably believed himself to be one. And it was lucky that the scarf was thick and also the collar. If he grabbed me by the neck, he would have probably bit me in half. You know, horses have a huge maw. Their teeth – oooo.

They have powerful jaws.

Powerful jaws. When they fight – oh my. So he let me go and that was it. They looked me all over, everything was okay.

Safe and sound.

Safe and sound. Yes. And in summer they would let the pigs roam the forest. And the geese too. And my grandmother was a smart and saucy one. She would say, ‘Borya, go drive the geese home! Go!’ And I wouldn’t know any better than to actually go try that. And the gander would run after me! I ran and the gander was in hot pursuit! We were flying! And he was going to get me any moment and there was a hole under the fence that the dogs use, and I ducked into it. And he was too big for that. And she would laugh and laugh, ‘So did you get them?’ She had fun and I had none, you see? It is not fun to escape that gander.

Granny entertained herself.

And I don't remember what exactly happened but my family moved to the city of Krasnouralsk. I don't know how come but my father got the position of the manager of the passport issuing department.

And how old were you then?

I was probably eight or older. Later my father was the director deputy, that is to say we had a good life. We had a fancy life. We lived in a three-room apartment. And my father even adopted a girl. Only she turned out not to be an orphan, she had a brother and she used to steal food and hand it out the window to him. You see? Also at night she would take a lot of cookies and gingerbread, she would pee in her bed, pee all over them. Well, it didn't work out in the end and my father had to bring her back. We rejected her. I remember we used to buy groceries in a special exclusive store, Torgsin. It was a small store and they had everything, sausage, butter – everything. It was in the thirties and those were bad times, people were hungry.

So they were not for everyone, right?

What's that?

Such stores were not for everyone?

Torgsin stores were only for the top people, only for the superiors.

Superiors, do you see? Factory directors, party functionaries from Oblast committees and Region committees, you understand? And we also went shopping there. Also they brought the groceries to us, in a car or in a horse cart. And later in the thirties there was a purge of the party. I mean, I remember party functionaries like Pyatakov and Yagoda. Yagoda was a functionary responsible for the political issues and he stepped in after his predecessor was shot after Stalin died.

I don't remember their names but Yagoda stepped in after him. They also wanted to shoot my father, he was expelled from the party. And he was lucky to be only fired. And shortly after that left the town. Thus we started travelling all over the country, all over the cities of Russia. My father knew all about fitting a saw, he knew all about metals, he knew all about wood, and he was a very good professional. So we come to a new place and at first they would settle us in a small room in barracks. He would go join some industry show, his documents, and after a month we would live in an apartment.

It was so simple.

It would sometimes be just a one-room apartment but in a good building. And he would always get himself a room, a workshop – somewhere in a shed. And people would start coming to him to repair a bucket, a kettle, a lock, fit a saw – he could do everything. Can you imagine that? He was one of a kind. He knew everything about things, I remember he needed just a look at a saw to say whether it was good or bad. And I was flocking around him all the time. I learned a lot from him, I learned about saws and hack-saws and vices – everything. We have been everywhere; we lived in Kazan, Sverdlovsk, Perm, cities of Siberia and Ural, Krasnoyarsk. I remember in Krasnoyarsk he bought a house. And I was adult then I was already married. And it was after the war, certainly.

And back when we lived in Novaya Lyalya I left the family and went to an industrial school. But before that we lived in Krasnouralsk I remember a dredge boat, there was a colossal lake and the dredge boat went across it. And there was a forest; we went through the forest to school. I had a dog, Jack. He was a pointer breed, white with red spots, have you ever seen such?

We loved him so dearly. He was so clever, so good. He pulled me when I was skiing in winter, he pulled my toboggan. He was a lot of fun for us. We would dig a bone somewhere, lock him in the house and bury the bone and let him out and he would find it. You know, it's a lot of fun for kids.

He was my only joy. And once we went to school. And my father in general was a very thrifty and household-minded man. Only to get rid of a family animal was nothing for him. And so Jack went with us to see us off to school and on the way back he chased some women's goats. He was a hound dog, you know.

Well, of course.

He never really harmed them, just chased. And those women told on him. And my father went back and strangled him. I came home from school. Where's Jack? Well, roaming around somewhere, maybe got lost or something. And later my mother spilled the beans: Your father killed him. And I ran away from home. I drifted for a while and then they found me and took me home. But it ruined my relationship with father and later I left home for the industrial school.

The industrial school was in the town where we didn't live anymore, I don't remember where exactly we did live back then, Novaya Lyalya or Krasnouralsk. But my grandmother lived with Tonya in their own house in Novaya Lyalya.

Since the conditions and food in the school were poor I used to go to my grandmother and she gave me potatoes sometimes. And Tonya was giving her love very generously and there were always men around. She didn't like any part of my visits. So it happened. In the industrial school there were several groups, there were boys from Oryol – Orlovskie boys. And on the other side there were our local boys. And there were constant clashes and feud between them. You know, young boys...

Fighting.

They fought. I kept outside because I was younger, the rest of them were seventeen, robust guys, and they were fighting over the girls' attention. And my aunt was eager to get rid of me and she never could. She hated it that I was around, the house was small and I was always in the way. I would stay overnight and they would have to walk all around me. Well, one day there was a fight somewhere, and I was hanging around with one of my friends, I had three friends. So I was hanging around with one of them. We were strolling along, you know, the main course of strolling – from the railway station to the center.

Do you know how it is?

Yes. Yes, yes.

In a regional small town.

Yes, yes, yes.

So we are walking along and we see a boy running towards us. I say, 'What's up?' He said: this and that. I tripped him and he ran further. It turned out that the fight got serious and somebody was hit with a knife. You see? So, we walked and walked and at about four o'clock we got home. And wham – the police grabbed me! According to them, I was a copartner in that fight.

You see? Well, there was a court session. They gave me a year and the rest got three years each. On account of I was an accomplice. As a matter of fact, my aunt worked for the police and she could have spoken a word for me. She could have said, 'My nephew is not guilty.' I didn't participate in that fight! Well, I went to prison, to pre-trial detention facility. So there I was. And there were also thieves.

I learned later, they were crime lords. And for some reason they started calling me Zinotchka. And once they had a huge fight, some of them wanted me (gives a meaningful look)... you understand? I mean they wanted to make me a bedfellow. And one of them said, 'I won't have him to mess with.' So they picked out the iron rods from the beds. And there was a fight. At night. And they were separated and put in different cells. And I was sent to prisoner transport. And to tree felling.

What is that? They took you to perform corrective labor?

They drove us into the railway cars, heated freight cars – *teplushkas*. On the one side the guards, and the prisoners on the other with the bars between. So we went a night or two. It was very hot. And they never gave us to eat or drink. The prisoners would shout obscenities, clamoring for water. They would toss us a herring and say: Stuff your face. Can you imagine that? When we arrived, they drove us out on the snow. (shows) White, just like this. 'On your knees!' We fell on our knees. Shepherd dogs. Wardens. And to the taiga we went, to fell trees. And I was a skinny boy, what could I do? I couldn't saw such (shows) logs. So I picked the branch timber and took it to the fire. There was a fire. And the thieves never worked a lick! They were sitting around the fire.

And who worked? Ordinary men?

What's that?

Ordinary men worked?

Yes. They were thieves in law, crime lords – they never work.

And they got away with that?

They were having a good time. And they were drinking chifir (*extra-strong tea, which has a narcotic effect**). So they were biding their prison-time. They were getting parcels in the mail, they were having a very comfortable life. And I was lugging those branches and the moment I lingered near the fire the guard would shout at me, 'What are you doing there? Go work!' And back to work I went. And at night we went to the barracks. In the middle of the barrack there was a round *burzhuika* stove and again thieves were sitting near it. And further away there were nary – sleeping bunk-beds, three levels. I climbed in the highest bunk-bed. It was easy – hop-hop! There you were! Clothes are wet through and through, no place to dry – they wouldn't let you! So I took off everything and lay on top of it, thus you could dry your stuff. At four in the morning – get up! To the woods again. You see? It wasn't for a long time like that for me, probably for a couple of weeks. I was sent to *zona* – the prison camp. There were warm barracks. It was warm there. And I worked with the turret-lathes, they were making bomb vanes there. Well the bomb requires a vane with wings. And there were such long sticks and they put them into the lathe and it was a lot like a turning lathe.

And it was grinding. In other facilities they were lathing vanes and then they adjusted the wings and so on. And there was a gear box with a belt and the belts broke often. The distance between the lathe and engine was like this (*shows*). Literally here's the lathe, there's the engine.

Yes, and the belt snapped.

Yes, the belt snapped. And they taught me to sew them together. And I did that.

Belts.

I was a shornik – harness maker. That was what they called it.

I would sew belts and it wasn't that I was working all the time, so I could doze off under a lathe at night, somehow it was always at night. Or we would go out to get warm near the chimney. There was a chimney coming out of the boiler room. And we used to get warm against that chimney. You see?

Uh-huh.

I had a friend there. And I would play fight with him all the time. So thus I was spending my time. And our chief was named Popov, a big fellow. And the place was colossal, about one hundred and fifty meters long, all lathes. And I became a shift foreman.

Hoo!

What kind of a shift foreman did I make? Get out of here! I would find a nice place under a radiator and have a nap. So in the morning Popov would run and storm, 'Where's the shift foreman? Where's the foreman?' I would guess things looked bad and out the window and I was gone. And one day I bumped into my father there, in the prison camp. And they moved us into the same barrack.

That prison camp, was it Gulag or not?

Yes! It was Gulag! The guards, what do you know! The guards were colossal! So we settled in a corner, two beds, near a window. And in the middle of the barracks there were crime lords, having a very good time. Babes came. They covered the bed with a blanket and inside they had sex. All the razzle-dazzle was going on. Babes came, they drank vodka. And there were we, the riffraff, *shushera*.

That was what they called it: crime lord and *shushera*. I should say they never bothered us. We were of no concern.

They had a life of their own, right?

What's that?

They had a life of their own.

They had a life entirely of their own. They came, they got parcels, they never worked, they had a different life. Somebody came, somebody went. Their own girls... they had their own girls. You see, they always came to them.

How... how did the girls get there?

What's that?

Where were the girls from?

Their girls also went to prison! Like everyone else!

A! Female... prison for women, they were brought from there, right?

Of course. Just the same. I remember when I was checking out, a girl came to visit me! How come? I don't know. Can you imagine that? So we spent some time with my father, and then they sent him to the penal battalion, to the army. It was too early for me yet, I hadn't come of age back then. I was from twenty six. Back in October I had almost a year. Can you imagine that? Well, anyway came... the time, twenty six – went to the army.

To the army.

Well, I came home, my father came back...

You came back together with your father or not?

No. He... He was in the combat forces, an enlisted man, later he became a scout. He left military service on account of disability, he had an arm injury.

You mean he came back later than you, right?

Yes. I came back and he did too. He was already home in Novaya Lyalya.

Aaa, you came back together?

Yes, he came back a little earlier and I was there later.

He got relieved already, right?

Yes, he was relieved earlier, he was after combat army, as a...

How did you communicate with father there?

What's that?

You have not seen him for a long time. How was your communication?

We didn't communicate at all.

You didn't talk to him?

No. My mother was the one to keep in touch with him.

I mean back in the prison camp, when you met him...

Back in the prison camp we were together. Only we worked at different places. We only met at night.

How did you communicate with him? Everything was all right?

All right.

It's just you had not seen him for a long time.

It was okay, regular communication. I was still his son. We never quarreled or argued.

Well, he never apologized for the dog or something?

Come on! It was nothing for him. Simple folks, peasants. You understand – what is a cat for them? To hit or kill a cat is nothing. To kill a dog or to slaughter an animal, (shrugs shoulders) what's the difference? You should also understand them.

A different moral system?

What's that?

There was a different moral system.

A different moral system. Certainly. It's different for us, we look at the dog in a different way. And for them – what does it matter? A dog? So what? Who cares? Khht. Shudders – and that's it. I remember I came to visit some relatives. One of them, a young man, maybe seventeen. The household is big, yard and all that. And the dog started to howl. And a dog howls when it needs to go or when other dogs are around, especially dogs in the heat.

You have to let the dog go. Otherwise it would howl. So the man stood out once, shouted at the dog. Scolded it. Next time he beat the dog. And the dog started at it again. So he grabbed the dog and killed it – that's it. And no anything, no talking in the family. He killed the dog, so what? They buried the dog and took another one – that's it. Do you understand? Thus... they have a totally different attitude to life.

So back then it wasn't much for them. But it was for me, and personally my relationship with father was spoiled. So I got a message from the military enlistment office. What are you by profession? Well, I know locksmith's trade. Then you'll be a tank man. Can you imagine that? Tank man.

Locksmith equals to tank man.

Locksmith equals to tank man. Because you understand about mechanics. So I went to the city of Kurgan, instruction unit. At first we were in some unit, then they took us to the Armor School in Kurgan. They gave us very good uniforms, red American boots, the whole bit. They dressed us, you see. They took us to the barracks, a huge building. The military men live in those.

I was after the school and only started... it was later that we were allocated. So we went to bed – everything was just fine. And in the morning everything was gone. Nothing, neither boots nor clothes. Everything was stolen in the night.

Thieves? Petty thieves, right?

Other soldiers took it. From another unit. They took everything. It was a war time. They didn't eat well. So our sergeant parades us outside. We are all standing in foot wraps, the whole squadron. And he is walking

and talking to us so haughtily, 'Went to bed last night, you had boots! In the morning the boots are gone! How come?' And we are laughing and laughing. Interesting, but all the sergeants in the army seemed to be *Khokhols* – Ukrainians. Every single one of them.

So they gave us boots again, they gave us wraps. They gave us clothes and top coats – everything. So we are in the army. They never let us out to the city and the boys were streetwise. Once they sent a Captain to be the Chief of Security. And they didn't get along well, so the boys took him and locked him in the basement.

Wow!

They locked him in the basement and went to town, some of them went to the café, some of them went to date women. I went to the café and we started drinking. We were three sheets to the wind. And back in the unit they figured that something was wrong, they came and released the Captain. And they started to catch us.

And our sergeant stood on the bridge, which was the only way to get back, he picked us out in the crowd and sent us to military detention. And I still don't know how it happened but I went past him and went to bed.

Aaa, he did not see you, right?

Nobody saw me. Nothing, can you imagine that? I came back and I never got punished. How did you do that? And I say – like this. Well, everything was okay.

So you were not punished?

No, I was not. I was all right.

You got lucky, right?

Yes. Another time I was on duty, me and my friend. They gave us tommy-guns and we were supposed to be on duty from two till six in the morning. So we were sitting and talking. And he said, 'Borya, what are we doing sitting here? I have a girl here. It's about two kilometers walk. Let's go visit her. We'll eat there, get some rest. And we'll be back by six in the morning.' It was winter. I said, 'Well, let's go.' So off we went. And it turned out to be five or six kilometers.

We showed up there cold, the top coat is thin and the temperature is twenty-two below. We are banging against the gates. 'Woman, open up! Matryona, open up!' And she says, 'Here's Vanyka!' We say, 'What kind of Vanyka? Where's Manyka?' And she said, 'She's sleeping with an officer.' What would you do? We asked her to let us in to get warm and she did. The stove was small but we managed to lay on the stove-bench and went to sleep. We were so cold! And when we woke up it was six in the morning. Well, I'll be! What should we do? We ran out and divided. I went one way and my friend the other. Two people escaped. And thus it's dangerous to go together. And soon I bumped into an officer with soldiers. I told him the whole story and he said, 'Go! We never saw you.' And I went. But my friend wasn't as lucky, he got caught. So he got fifteen days of military detention. And I got five days for nothing.

For company's sake.

Yes. So shortly after that the lessons started full-blast. We studied the tank, even though we still were sent on duty. Well, the year nineteen forty four is going to an end, we have learned everything well.

Tell me how you drove the tank during the training maneuvers.

At first they gave us whippet tanks. It was winter. We get into the whippet tanks. And I like the Russian style of driving.

Burning rubber!

Burning rubber. I switched on the engine. And there were huge snow banks, the field was colossal. So you flew into the snow bank! And the cold water washed all over you! And you flew again. Sometimes the caterpillar tread would fall off, there were sharp turnings. So you had to fix it. It was very interesting. We had military training exercises. And later they gave us real tanks. So we stormed around on them. So came the time to pass the final test. They gave us a real combat tank T-34 and assigned a run, the run included jumps. And they had taught us about jumps, you had to cut the gas and let the tank slowly fall on its own and when it rolled you turned on the gas. After that you had to knock down trees. There were big pine trees. And you couldn't push them bearing on directly, you had to use caterpillar tread.

So you had to drive on the tree, and after the tree fell you stormed ahead. And the last stretch. There was a colossal ditch about five meters wide with the logs. And this was the final test. After that you got the certificate and went to war. So the last stretch was coming up, I was flying and I saw a flagman, waving at me. And then he ran. And I pushed the tank and I fell. I was holding onto the leverage. Other people in the tank got hurt, they were cursing me for what it was worth getting out of the tank: We will never go with this mechanic. The Captain ran to us: 'It's nothing! Never mind! Go on!' So we hooked the cable, pulled the tank out. And I passed the test. And we went to Nizhny Tagil to get our tanks.

There we received only the tank's body frame, and the tank itself we assembled ourselves. We put in the engine, the wheels, and the caterpillar treads. When we were fixing the caterpillar treads the thing went off and crushed my hand. You see, they are linked with such 'fingers', with cogs as thick as my finger.

Such joints. I don't know what went wrong and it crushed my hand. Everyone had his tank, I was assigned to be the mechanic of the brigade commander. My tank was always the first. So we boarded the tanks on the troop train and off we went. And there were brawls. Once there was a woman. She was walking from car to car asking to take her with us. She needed to go and she couldn't get a ticket. That was still the time when people had to go get groceries, exchange their stuff for food.

And I was standing at the end of the car. She turned to me, 'Let me in.' I told her that it was dangerous and against the regulations, they would punish me for something like that. But she persisted. She was young and in the end I let her in. And she made herself a place somewhere. And the men started to...

Make a pass at her.

And I wanted to protect her. And we had a fight. I fought one man, we used iron bars. Because of her I got my head injured and I hit the other guy. Well, to cut the story short, they... this woman lost everything. When we all got out, she was standing holding her panties like that. And we are standing ranked. And they asked her which one of us it was that had done that. And she was... Everything was gone, even the food they ate. So she said, 'I don't remember, I don't know.' And here the train went Pu-puuuu. And off we went. And she was left standing there. And because I got into the fight I was put into a separate car.

So I was in a separate car, since I had been a ringleader of the whole thing. And there were little windows in the car, so I got out on the roof of the car and started walking there. And they said, 'Let him!' So I walked there for a while and got into my original car where my tank was. And we arrived.

You have always been on your own everywhere.

So we arrived. And I told you that my tank was the first to get off the platform. And those Estonians – or were they Lithuanians? – were living in nice houses with nice little fences and gates and all kinds of marble and plaster decorations.

So I drove off the platform and made a turn and ruined the whole thing. The nice little fences and gates were torn apart. The Captain shook his fist at me, 'What have you done?' And along we went and next to us the little boys were running along and shouting, 'Russka culture cock! Russka culture cock!' Well, they never liked Russians and during the war they fought on the Germans' side. We arrived in the unit and there we learned the point of destination – closer to the front line.

And we went at nights, and often we heard gunfire. We hear our tanks and all that.

Was it scary?

Yes, it was scary. But the engine works soft. Tukh-tukh, so that one could barely hear. And the Captain was riding outside on the tank fender. He was letting us know about the road. There were mountains and deadfalls. So he was saying, 'To the right, to the left.' And this was during the whole night. We drove at nights.

Only at night?

What did you say?

You never drove during the daytime?

We never went during the day. We were hiding during the day, the troops were ahead of us.

You were kind of creeping up, right?

Yes, we were creeping up to the front line.

And suddenly there were sirens and bombing. We were discovered – the enemy did have airplanes.

So we rushed into the forest for a while and back on the road later. At some point we also started shooting, I was shooting too, I don't know where I was shooting exactly, you understand. And finally we reached a freeway. And right then we saw how much military equipment they accumulated there! So many airplanes – you could not see the sky! It was our equipment. They completely blocked the Courland forces.

There we went, quietly. There we were stationed. And the Germans were already yielding themselves up as prisoners. And we had to sort them and put them into the cars and send them away. And on the other, the left side we were meeting the Vlasovites.

There were Vlasovites. But we didn't know much about that, it wasn't our business. We were guarding the Germans and seeing to it that they were organized and sending them to the service area.

They were registered there and all that. So we didn't know what was going on with the Vlasovites. And one day I saw a bus or rather a truck. Those were... I think "emkas"... all kinds of... different...

Yes-yes-yes.

Barely running. And stuffed with people. And I spotted a German, and the truck full of Germans with knapsacks was going very slowly and I ran after it and grabbed the German and pulled him out. I took him to other guys. And we started to pull his stuff apart. And in his knapsack there were women's clothes, you understand, panties and blouses and such.

Were those German or Russian?

It was all Russian! What else would a German have!

Such a crook!

So we were taking his things apart, and there was an Orenburg shawl. Well, I took it and the knapsack and the rest I gave to the boys. So we let him go and soon he was taken away.

And after the military activities were over we stayed. We lived in mud huts and made beds of the fur-tree boughs.

And one day I was on duty and the Captain took away my shawl. And I felt bitter about that and nearly hit him with a shovel. And after that quarrel we were brought to the military base. And a criminal investigator had a talk with me. But in the end they let me go and never punished me. So it was spring. It felt good. And our sergeant said to me, 'You, the artist! Go ahead, make slogans: Victory! Soviet power! Hail to Lenin!' and so on. And I made them out of sod. You know sod, right?

Yes.

I cut the letters out of it. Victory.

How did they know that you are an artist?

I don't know how come they knew I was an artist.

Just like that – artist!

Just called me an artist. You, artist.

Just by chance, took it into his head.

Took it into his head, that sergeant. He said, 'You are an artist.'

Invited disaster!

Must have second sight, yes. I never drew there, even though I always drew everywhere, in the industrial school and at school. Ever since I was four, I took interest in drawing. My mother needled together a big album for me, the paper was gray. And I drew pictures. Ever since I was a kid. The gray paper, you know.
You mean ever since you were a kid.

Yes, ever since then, do you understand? And all the time... No, not the cardboard, it was such thick paper. Like this.

Yes-yes. Cardboard. What do you call it...

Not cardboard, such thick paper... There was a factory in Novaya Lyalya producing that kind of paper.

It is called wrapping paper.

Wrapping paper. So she made an album for me and I drew. I drew Roly-Poly and other fairy tale characters. She bought for me water-colors and brushes. I painted, it was the real deal. They told me fairy tales. And later at school I drew and painted, people told me: you are an artist. And then I went to industrial school and then to the army. Of course, I didn't draw in prison. And then I left military service. We were relieved. Do you know how it happened? There was a word out: we need to leave military service. And how do you do that? Someone said, 'You need to feign, play hooky.' How did one do that? Run up and down to the second floor and back several times and smoke plenty. And right after that go to the doctor. Your heart is rushing like crazy. Very well, let's do that. So we went, I also did. Back and forth several times, smoked. So how is your heart? Well, it kind of hurts a little, I feel not quite well. So I quit the army.

Just like that, yes?

Yes.

Everyone! And you mean to say you were all right, yes?

Certainly!

Everyone? Because everyone came....

Yes!

They let everyone go?

Yes. They let us go. Every one of us. It was not like the whole unit came to the doctor, only several people. If it were all of us that would have been suspicious. They would have guessed. Someone was very crafty. It was his idea. And we just went along.

It was already [nineteen] forty five?

What did you say?

It was forty five, right?

It was nineteen forty five, the war was over. And I had two and a half years to be in the army. Bad deal.

How come so many?

I don't know.

You mean after the war for a while you had to be in the army, right?

Yes.

Just in case.

Yes. Back then we had to be in the army for three years. So I left the army. And so did my father, he was home already before me. Well...

Boris Aleksandrovich, you were speaking about something interesting.

Let's go back to my childhood, to the place where I lived, Novaya Lyalya. No, I better start with Krasnouralsk. I went to school there, to the first and second and third grade. And when I was in the fourth year, there was a boy. It was a good class but we did have a bully. He was beating everyone. Beating all the time. And I always intervened in such occasions. I wanted that to stop. So we had a fight and I kicked his ass. And the boy was so enraged he grabbed a straight razor and cut me across the eyes.

I'll be!

You can see the scars right here even now.

So it was. And I went blind and they took me to hospital. So I was blind and I was sitting on the stove-bench. I thought they had cut out my eyes.

Yes-yes-yes.

And so I was sitting there. And back then my uncle was a prosecuting attorney of the city of Krasnouralsk. And when he learned about the accident, he came and said, 'Well there's no use to take them to the court.' And the family was sent out of the city. They were banished. Their last name was Berezovsky.

Berezovsky. *(whispers)* The Jewish!

Is it the Berezovsky?

Yes!

Who lives in France?

Yes! I remember it well until this very day! Well, the years went by. And we lived in Novaya Lyalya and everywhere. And then we moved to Novaya Lyalya again. I was older then and I played with other kids. We liked to play at the river. The Lyalya is navigable... No it is not but they used to float logs down that river. And then they were making paper, the gray paper... so they needed logs. And a lot of them came from Siberia, from other places. So they floated logs and we ran on the logs. They were slippery from the water; they had been in water for a hundred miles, all the time in water.

And I stepped on a log and went under the water and the logs came together. Can you imagine that? I don't know how come but a raft-man saw it and grabbed me by the hair and dragged me out. Can you imagine that?

Wow.

Yes, he did.

Saved [your] life.

Dragged me by the hair. And we used to play there, all that. And we were particularly fascinated by the firemen. Fire-brigade. How come? Because of their place. They had a big square and there were Billy goats. Ordinary Billy goats. And we went there to play with them. Also the firemen had dogs. And we were bareback riding those Billy goats. You rode one and if you hesitated after, the goat would charge from the back and poke you in the back with the horns. Poke with the horns, imagine that! It was such fun! And every evening a special team cleaned public lavatories. And nobody else did that, you understand.

There was a special team to do that, people who cleaned the outhouses. They had fifteen to twenty horses and barrels. They would scoop everything into those barrels and then they would drive across the whole town. Such stink! Every evening, you see. Reeks to heaven. Well, and us boys we were forever running somewhere. Also we liked the evenings when the firemen had their event. They were zealous about their stuff, they cleaned their helmets. They had such shining copper helmets. So the helmets were shining and their gorged horses stepped. They drove out in the evening with the bells ringing and all that. And the people would say: Here go the Billy goats! Because they did have Billy goats. Here go the Billy goats. And why did they keep the Billy goats? Because of a connection... the Billy goats ate hay and slept on it and after that the horses ate the hay well.

Do you see how things are connected in nature? Imagine that.

After goats!

Well, those were the days. And then I entered the industrial school. I left behind my family and went to the industrial school. And my father, my family, went to another place. What about other interesting occasions in my life?

Sure.

So the next period of my life. What should I say?

Yes, Boris, tell us about your creative development. How did it start? When did it start? How come you became interested in art at all? How did you become an artist?

I have said already that I had been drawing ever since I was four. I had albums and I would regularly draw. I didn't have time though to make it something serious. I never really thought about that. I used to draw and that was it. And later, in the army they said...

That you are an artist.

Yes. Go ahead, artist! And when I quit the army I was eighteen. My parents were in Novaya Lyalya. We bought a house and all kinds of stuff. And gradually little by little I came back into the habit of drawing. You know, old people back then were really wise, the men would sit and talk about nature, discuss all kinds of things. They never quarreled or something. And I was hanging out and drawing. And they would say, 'You boy, go ahead. It is interesting to be an artist. So go ahead and keep drawing.' So I did. I drew some portrait, a portrait of Stalin. Such was the time.

And one day my uncle came. The one who was the prosecuting attorney. He was in Irbit then, he was born there and back then he worked there. And he said, 'Borya, let's go. There's no place for you to study here. Nobody... the town is small. So let's go together. I will take you to Irbit. There we have an artistic association. There you will go and study art.'

And I went without any hesitation. He had two kids.

And you agreed immediately?

What did you say?

You never hesitated? Agreed at once?

Absolutely! And my parents never said a word against. If I was going somewhere they never obstructed. I went at once. And since he was a prosecuting attorney he made several phone calls and arranged everything for me, they accepted me. With pleasure.

Arranged?

Yes, and there as far as I could see there was nothing to do. And I didn't get anything to do. So I was walking around and watching. They mostly did portraits.

They painted leaders' portraits. I watched one of them being painted once. It appeared the man was painting exactly like I did. It looked like some kind of a sketch. I looked at the paint on the canvas up close and saw nothing; I stepped back and saw everything. It was great. So interesting, you see. And I was familiarizing myself with all that little by little. And also I was studying at school. A while passed, maybe a year. Every Sunday my...

Uncle.

Yes, uncle. Every Sunday. And there was a wonderful gallery in that town. How come? Irbit is an old merchant town, it has always been rich. And there is a motorcycle factory. They assemble IZH motorcycles there.

It is not in Irbit, it is in Izhevsk.

Huh?

They make IZH motorcycles in Izhevsk.

In Izhevsk? And why IZH is also there?

I don't know. There they also... well, I don't know...

In Izhevsk as well, right?

IZH motorcycles are made in Izhevsk. There is the mechanical plant... Ah! Motorcycle plant. And there they are made.

Well, there they also... Only different. Or maybe they just assemble those motorcycles there. So it was back then one evening the phone rang. It was my father calling me from New Lyalya. My father said, 'Borya, we

are leaving for Karaganda.' You know the times were lean. So my family went to Karaganda. I said, 'I'm coming too.' I picked my stuff and went to Karaganda. It was so different in Karaganda. When we came they had everything. The markets were booming. Every kind of peoples came to trade. The Chinese were selling needles. All kinds of stuff. They are bringing on camels and donkeys all kinds of goods. They brought in meat... There people slaughter sheep, right at the market. Some people are drinking kumiss (*mare's milk**). And I was overwhelmed with this multitude, this diversion of peoples and lifestyles. And I hurried to the market every day to make sketches, to draw from dusk till dawn. We bought a house. What kind of house? Houses there were built of saman, it is a straw-brick made of clay, manure – any kind, and straw. Everything is mixed. They make boxes and those serve as moulds. People mixed the stuff walking on it and put it into moulds. After a day or two you get a brick.

Made of manure.

The brick is not exactly like a regular baked brick.

Yes.

But it is quite sturdy. This is the material buildings in Samarkand are made of. In Tashkent and other cities until now people build houses using those straw-bricks. Many houses made like that...

... are still strong.

Yes, the buildings are still around, all kinds of mosques and all that. So we built quickly and made an addition. We brought a lot of stuff with us. We were always rich, so we always had a lot of junk. So we went to the market to trade, we got butter and bread, wheat and all that. And the people saw that some rich folks came. And the ceilings in the city were made of glass.

So one night we went to sleep and in the middle of the night we saw that some people had climbed on the roof. My father was a brave man. He took an ax... a gun. And I also took something. He said, 'You guys, come down!' So they walked a while and left. And never came back. We built a stove. People there didn't build our kind of stove and at first we didn't have it. Since I went to the industrial school I learned...

I studied about it, laying bricks and such. Also we learned about woodwork and metalwork, everything.

In Karaganda you went to technical school?

No, not in Karaganda. It was earlier... in Krasnouralsk...

Well, what was earlier?...

The school.

Yes.

Technical.

Yes-yes-yes.

Well, I thought: I'll be! What about a stove? And I built it. Because I knew how they went.

Air circuit?

Well, those...

Draft.

How the smoke is supposed to go.

Draft.

Smoke.

Yes, draft.

It goes simply like that and comes out, there should be draft. So I built the stove, it worked just fine. My father found a job. And I would hang and run around. It was autumn, such a beautiful season, you know. The local women wore long skirts and covered their faces. Some women didn't cover the face. Well, Kazakhstan. A woman would walk and cover herself with all that and do you know what, uncover and go along on her way. They didn't have public lavatories. Imagine that! Such was their way of life.

Actually, the Soviet system didn't quite arrive there yet. It was later. I also found a job as an artist at a mine. The chief at the mine was Russian, because they had education, and the rest of management, party functionaries, were the Kazakh. They wore national dress outside the work, never forgot their traditions. A Kazakh once asked me, 'Can you draw a horse?' I said, 'Yes, I can.' So he asked me to his house. Their houses were huge, with a lobby and all that. I entered the lobby and saw a cow, they were cutting it up, cooking beshbarmak. I stood there for a while. And they beckoned me in, so I came in. And back there they carved and dressed the meat, and women were making noodles. Naked thighs – right on their naked thighs they were making noodles. And they had low little tables. We sat at them folding our legs. And they cooked the soup in a huge cauldron and served it to us in pialas – drinking bowls. There were no women! Women were behind. The men loved vodka, so they were drinking vodka, I wasn't drinking back then, just touched a drop. We ate the soup, started eating the meat. They just took the meat and nibbled at it. The woman was sitting behind, so the man would toss the meat back: Myaa – in their language it means 'here, take it.' So she caught the meat and started eating too. Such was the custom. Well some time passed, I still went to the market. And once a man came up to me and said, 'Look here, I see you spend whole days at the market here. Do you know that we have an artist from Moscow in town?' I didn't. And the man said that the artist was in the Kirov recreation center. He told me to go there and ask the artist to be my mentor. On Sunday I collected all my drawings and went there. There I saw a balding serious and very cultured man. You could see how he carried himself – dignified. He was walking around and the guys laid out their works, a lot of them. Some of those kids were from Moscow, their families came to Karaganda like mine.

It was war time, many people were sent to exile, especially Volga region ethnic Germans – everyone was banished. It was a regulation by Stalin. So some kids were from Moscow. And he was looking at their works and showing them pictures and talking to them. And I was standing aloof all the time. I was very timid, very shy. I stood far away with my album. After he looked at everything he said, 'Well, kids, this is it. Thank you. And what about you? What are you doing standing there, young man? You come here.' So I approached him. 'Show me your album.' I did. He looked at the drawings and said, 'Well, draw you cannot. Where did you study?' I said nowhere. And he said, 'You can't draw but you feel the emotional state of a person. You can be my apprentice.' Imagine that! I'll be! He had only one other apprentice. I was the other.

And the rest of the kids, no one of them was singled out. They only came and took advice. So we started coming to him and studying. We started with...

What was the other student's name? The second student?

Aaaa. Nikolai. Nikolai Zhirnov. Zhirnov Kolya. He was a good boy. Our mentor's wife liked the boy and she didn't cotton to me. The mentor himself did because I was hardworking and serious. And his wife was all over Kolya.

Uh-huh.

And what did Kolya do? We did pay to our mentor for schooling, not much though.

Uh-huh.

So what did Kolya do? He used to paint the carpets on oil cloth. Carpets with swans. It was very popular back then. And every Sunday they were all the rage at the market. I also tried to do that, couldn't get anything decent. Nothing! My mother laughed at them, my aunt laughed and laughed. My swans came out antigoglin and ugly. So everyone laughed at me. Well, all right then. My father worked and we had money. My art studies started with literature, with the notion of an artist and what he should be. We learned about all kinds of materials, paints, studies, sketch box easels, and all that. This was the beginning. First of all, he said, artists are creative workers and thus they should be completely free and they should treat their work very seriously. That meant we had to come to him in white shirts and suits and ties. Thus we did our paintings. We had to behave like real cultured people. We started to learn how art had appeared. In Italy they had at first grisaille, and later they developed colored painting. We learned the whole story – he told us everything. And he also showed us reproductions in the books. He had many books, he had five thousand reproductions. He brought them from back there, he used to be deputy director of the Tretyakov gallery. He was both an artist and art historian, art critic. And he studied in France.

And he told you everything? What to do and how to do it, right?

He spoke about the theory, he showed us everything. He would set up a still-life for us. He would talk to us about composition. Before we started painting, he would say, 'Here is the sheet of paper. It is a flat surface. And on this surface you have to arrange the objects.' And he told us how to do that. This composition is built like this, horizontally, vertically, angular: to one angle or the other or central composition. And even though I did study already in school and industrial school, it was all new to me, I had never heard about those things before.

He taught us very much. And there were only two of us, you understand. And he was very serious about those things and he gave us that information directly, without any intermediary.

Certainly, directly.

It came directly from him to us. And he gave us assignments. At home we were to do a sketch or a draft or something. And I had a program. I went to bed at twelve, I got up at four. And at four I would be drawing and painting and reading, running somewhere. And also I was to go to his place to study. I was busy with art from four in the morning till twelve at night.

And thus I spent three years. In the winter – winters were terrible there – I had to walk more than three miles to get to his place and study. And the blizzard was so hard you could barely see a person up close. And late at

night in the dark I would go to him. And I did sketches; I did them out there when it got forty below. I was sitting on the roof and painting. The paint froze!

I used to thin it with kerosene. And after that I would paint sketches and all that. I was so enthralled, nothing else existed for me. Can you understand that? And our study was coming to the end. I was working in a recreation center. I was painting slogans. Long live the Communist party. You know, all that stuff.

Yes-yes-yes.

And those (*waves his hand*) Kazakhs didn't keep me particularly busy, they didn't care. And the boss looked at me and saw that I kind of did nothing and wouldn't want to pay. And I would come to the party leader and say, 'I didn't get the salary again.' And the Kazakh would tell me, 'Wait a moment!' And then he would make a phone call and put the screw on the boss. The boss was also this kind of man, he was into drinking and f**ing. The girls would come to him and all that. And from him they went to me! And we just talked, you understand. But he thought we were... and he was jealous. Do you understand? He was a young man, he was about thirty. And the party leader was very influential.

It was in their power to get rid of the boss, they could get him fired. They could say that the boss wasn't up to it and all that. So they had a thing of their own going. They were getting along. So the party leader had to only make a phone call. And then he would tell me, 'Go! To the cashier. Put your signature.' So I was living. And my father started to get a little grumpy. He would say, 'Well, all artists starve to death. And you will. Why bother?' So I got offended and left home. The mine had a barrack, a kind of hostel thing. There were rooms, it was warm, and there was a cleaning lady. And I asked the party leader for a room. And I received one. And I was free there, the girls came to me, I made paintings and all that. I had a life of liberty, you understand.

You did not depend on anyone, you were independent.

Yes, I was independent and I didn't give a damn about what people said.

How old were you back then?

Back then I was probably twenty-twenty two... twenty three. I was twenty three because I left and I lived there and studied for three years. And there came Kazakh women and they brought milk. And I would buy milk from them. And my mother visited me. The autumn came. And in autumn our mentor told us: You guys are artists already but you need to have a certificate. Otherwise you won't be able to get a job. In our days it was impossible to get a good job without a certificate.

Yes.

And he said we could work independently. And I said: well... I would send my papers to Leningrad.

I wrote to an Art school, sent my papers, sent my General certificate of education. And I started waiting. I waited forever and when there was no reply, I raised some money and went there myself. I came to Piter, (*St. Petersburg**), Leningrad back then. And at first I couldn't get settled anywhere. I didn't know anyone there, and I ended up sitting by the circus. I did find the art school and people there told me that they got my papers. So I could pass entrance exams. Also I met some boys who also were entering the school.

And those Leningrad boys were so well-read. And the parents of one of them went to the sea so we went to live with him. The apartment was marvelous; he had a dog, a bullterrier. And we started living there. We

would paint in the morning until four or five in the morning. And then we would run out and buy some bread and kefir. After breakfast we were at it again, you understand.

You were getting ready for the exams like that?

Yes. We were getting ready for entrance exams. We were painting all the time. They were talking about art. And I thought: I'll be! Such clever guys! And I... I thought I couldn't compete with them.

You mean you did not feel quite easy there, right?

Right! I didn't feel I was up for it. Because they were born there. They know all about the Hermitage and the Russian museum. And I... I was the only one that had never been there, you understand.

Yeah.

Even though I did see those paintings in reproductions. And that was...

Not the same.

Well, for real! It's different to see them for real. And I thought: Sure, I will fail and they would enter. And so we went to take the exams. It was Serov Art School. And in the end I passed all the exams and got excellent grades and they were not admitted. Not a single one of them. And I passed.

You passed the pictorial art, right?

We had all kinds of exams: painting, graphic arts, drawing. And I started studying. I rented an apartment from a lady. Because I was an independent person I got into action: I found a job in a café at Nevsky... no, at Ligovka.

My duty was to bring the kitchen-stuff from Nevsky. I had a big kind of a trolley, and I went to the stock room and brought the stuff back to Ligovka. Autumn came and I was lightly clothed, so I got sick. My temperature was one hundred and four. In the morning I got up and everything was fine. My landlady was a very good woman. She asked me if I was all right. And I told her about the high temperature. I said it was nothing. And I went to the Russian Museum. I spent some time there and went back home. And there a doctor and a policeman were waiting for me. They checked the temperature, it was one hundred and four. They even wouldn't let me go, they took me away in a gurney. They brought me to hospital and so my trial started: from one hospital to another. They couldn't diagnose me. They suspected tuberculosis. So I went from one hospital to another.

How come they were at your place? The doctor?

She called them.

Ah. The woman.

She called them. My landlady had called to the police and hospital. She was a smart woman and she thought: You never know what kind of disease exactly he might have. Why did I have a high temperature? So she guessed it would be right to call the doctor. And in case I resisted there was a policeman. Imagine that.

They thought about everything.

Yes, they thought about everything. Well, and then they took the temperature and it was one hundred and four. And they brought me to hospital. And I didn't feel unwell.

You didn't notice yourself, right?

I never felt unwell even though my temperature was one hundred and four. And they were unable to diagnose. And after half a year they took me to the Military Medical Academy. There was professor Ragoza. And he diagnosed the disease at once: I had brucellosis. What is brucellosis? This is an animals' disease. Animals have the disease, and because I bought the milk from Kazakh women and drank it, I got the bacilli, microbes. At first I was very healthy and strong and I ate well and everything was latent, everything was fine.

They just lived there, right?

There are all kinds of microbes in our organism. And then I ran down a little. I didn't eat all that well, and what with the Leningrad autumn and light boots... I got down. And I spent more than a year and a half in hospitals. And I ended up in the Military Medical Academy. They put me in a big ward. I didn't care much any more.

And one and a half... did you have some symptoms? Did anything hurt? How did you live?

You know what? Actually, at first nothing was aching or hurting. My nose was bleeding. I had a bleeding nose and high temperature. I couldn't walk anymore. My legs were aching. My legs were hurting and so I didn't walk. And every week I had a blood transfusion. Also they made bandage cloth plugs and stuffed them into my nose. A young woman doctor would come and do that, and then I would tear them out and all her white coat would get bloody. And she would never say a word. Back then people were different. They respected you and tolerated you a lot more. So she would leave and get another white coat and start everything all over again. So at night...

Did you do it on purpose or not?

Certainly not! Everything was itching in the nose so bad. After they stuffed all those plugs.

Did it hurt?

Such great quantities of that bandage cloth! The doctor would fold it and stuff it into my nose, to stop the bleeding. And I occasionally pulled them out. So much blood. And those blood transfusions, my blood is type B, so they took blood type A. Once, I remember, they told me a young girl gave me her blood, a girl of eighteen. Blood transfusions all the time and I didn't walk and my legs were aching and I had a high temperature. My bed was between the door and the window, with people walking back and forth my ear-drum membrane burst. I lost it. And I never recovered hearing completely in this ear.

Draught.

You might say I caught a draught. And I had night sweats, three times a night. In the night I would call for a nurse. She would come and bring dry...

Clothes.

She would bring clean dry sheets. She would bring dry underwear and shirt. She would help me get dressed. And after an hour or two I was sweating again. Should it have happened to me now, I would have been gone a long time ago.

Nowadays nobody would care to baby you like that, right?

Now nobody would care about you like that. That was the attitude! At last I had a separate ward all to myself. I couldn't bear the smell of food. I could hardly eat. And they bandaged my legs.

Why did you have legs bandaged? They were aching?

My legs hurt so bad I couldn't touch them, I couldn't put them together. I was like a guinea pig. In the morning they brought in the medical students. They examined me, and the doctor talked about my symptoms. I was done.

You were at the last stage of brucellosis, barely alive.

I was long gone (*waves his hand*). I was almost a corpse. And one day I was laying in bed, I hadn't eaten for a few days and the soldiers came and took me out. They took me to the mortuary.

That's a shocker!

They took me. And the Academy is a building with high thresholds and on the way there they stumbled. And then I moved. They understood that I was alive. Back I went.

Boris, what a story!

So they took me back. I remember none of that, they told me later all about it. After a while they prescribed me some medicine in ampoules. I will show you what kind of ampoules they were.

You still have them?

No! I do not, but they were like this.

Ah, yes-yes-yes-yes. It's like...

Those ampoules were like this only red. They bought the medicine from America and they paid gold for the medicine. They traded them for gold.

One ampule, right?

Ampoules like that. I swallowed them. And I started to feel better. I started to feel better. And there was a woman doctor and she experimented on me a lot, she would implant some women's stuff in me and all that. And a doctor once said, 'Let's take his lumbar puncture! What does it matter?' And another one was against. She said, 'Over my dead body! Leave him alone!' So they argued. If they did do that, of course I would have...

... died at once.

Well, my brain.

Yes.

They would have left me disabled.

Why did they want to do that?

For the sake of experimenting. Can you understand that? They were experimenting, they didn't know what to do, how to treat me. Well, I felt a little better. And one day the director said, 'That's it. We need to send him away, we cannot do anything else. Let's send him to the hospital according to the place of birth.' And though I never wrote to my parents, they found me in the hospital, all that. I was independent. They found me. My father came to Sverdlovsk.

To Sverdlovsk.

My father came to Sverdlovsk and they bought a house there, in the outskirts of the town. So they bought a house and they had a good life. They said, 'Let him come.' And they provided an escort for me and sent me to Sverdlovsk.

You could walk already?

I could walk a little. And when I came they informed the local doctor about me. In the house I had a separate room. And my doctor visited me twice a week. Also I took the medicines. There came autumn. And there came a horse-doctor. This person's business was to treat calves, colts, castrate cattle and all that. Treats them, right? Castrates and all that...

He was like a veterinary doctor now, right? Horse doctor.

Veterinary! Yes, you might call him a veterinarian. And my father talked to him about me. He said that I was sick with brucellosis. And the horse-doctor set about to heal me, he settled for four hundred rubles. Back then it was much money. Can you imagine how much it was back then!

It was very expensive, right?

He said: all right. And he gave me the medicine, he mixed mercuric chloride, arsenic, some herbs and made a potion using one liter of vodka. I was supposed to drink the potion. I was to start taking a thimble of the stuff and gradually move to a glass. The horse doctor said, 'He will get up.' And I was to stop taking the original medicines. He said, 'Withdraw them!' No medications. So I did. And I started like he said, I took to that bottle every day before lunch. And I did feel better. The doctor said, 'The medicine is working!' and when he asked about my health, I said all right. After I started to drink a whole glass of that potion, the disease was gone. And the doctor stopped visiting me. And another autumn came. I wanted to go study in an industrial school. Only I never entered the school, because I didn't pass mathematics. Can you imagine that? In order to enter the art school you had to pass mathematics!

Wow!

So I failed mathematics. What could I do? I knew technical drawing and thus I went to teach to a school. And there I met a famous artist, Shmelev. Shmelev is Mashkov's apprentice. Do you know about Mashkov? Have you heard about him? I can show to you.

Yes, certainly. Certainly.

I have a big book, I can show you the photographs. Have you seen them?

Let's look at them, yes.

This is different. This is me and my sisters. And these are my parents when they were old.

Ah show me.

Huh?

Bring it to the camera.

All right.

Here is the family of Boris. Boris... It is you standing here, right?

Luba and Tamara.

Uh-huh, Luba and Tamara.

Sisters.

And this?

My parents. They were very old then... they were past eighty then, closer to ninety. They were very good-looking people, my father and mother. And this is me. This is Gulag, I was there. This is me in Karaganda before I entered the Artistic School in Sverdlovsk.

Let's see. This is Gulag. This is young Boris.

Here. Here is Shmelev, right here, it is the Artistic School where the group was... this is our group before diploma examination. And here he is demonstrating my work to everyone, demonstrating how you should work. You see?

Here is Shmelev.

Here is Shmelev.

Here is Boris and his work.

Uh-huh.

And who is this on the photograph?

This is the group where I... can you see?

Show me.

Here I am.

Ah, Boris, so young.

Huh?

Yes. It's great.

So, I started learning from Shmelev, and the group he was teaching were teachers themselves. Some sort of a career enhancement thing.

Yes. Advanced training.

Advanced training. But he gave me lessons separately. I came to his place. He saw that I was hardworking, that I loved art. And he saw the results. And so I studied separately. And because I already had a school, Effert's school, he had to correct me a little here and there. He would say, 'Look here, this is a painting by a student from Academy, they send me their works. Look at the manner of painting. And you also should paint like that. Because you have different colors and attitudes. No, stick to this.' And I agreed, but certainly I couldn't change everything.

Because already back then you had your own technique.

I had my own vision, I saw the world in a different way. I saw colors and relationships. It was too late, I couldn't paint like they did.

And did you paint like that when Effert was teaching you? Did you paint like you do now or?...

Well, yes! I painted freely.

Yes? You mean in the same style?

Freely! Yes, I was... When Effert taught me, I copied the paintings of the Dutch artists, the impressionists. I mean, those artists were forbidden at that time. People never knew about them. And I knew already from Effert. I knew that there were impressionists, like Gauguin, van Gogh, you see. I even copied van Gogh's paintings. It was prohibited.

If I talked about them in the Soviet times, I don't know, as it is this was the reason I was purged from Moscow, because I spoke freely about artists and creativity. Back then it was unbelievable. This is how come Shmelev was very easy, he never argued or discussed things, he would only say, 'Borya, do it like this and that.' Well, next autumn I started to get ready to take exams and enter the school again.

That time they cancelled mathematics. And I wasn't very good at Russian. When we started passing exams, I saw two girls, they were fresh out of high school. They asked for help and I agreed. I said I had trouble with Russian, and they promised to help with the dictation. While the professor was walking back and forth I painted everything for both of them.

Instead of them!

I did that.

Instead of them!

For them!

Aha!

I did everything – everything. And during the dictation I was sitting between them.

Fun!

Do you understand?

Did you do that at the entrance exams before?

Yes! She would say, ‘Borya, semicolon.’ That was how we proceeded. And we all got excellent grades. They got excellent grades and I did. All three of us entered the school.

That’s great!

Can you imagine that? Later I also helped them a little but they soon started on their own. One of them was Malinina, she graduated from the Academy here. Later I was not exactly on good terms with them. How come? They talked too much during the classes: painting, drawing – and I was serious. I would tell them, ‘You are talking and here is a professor, he came to us for an hour or two. What’s the point? Why call him at all?’ Other students didn’t like my words, they turned against me. It was not too hard for me because I was older.

How old were you then?

I was probably twenty five back then.

Twenty five.

I was twenty six.

And you were going to study? You were entering the school?
Art school.

In Sverdlovsk, right?

Yes. I entered the art school there, and somehow... I was... I graduated from the Artistic School when I was twenty seven. Do you understand?

You studied two years, right?

No! Let me see... not two years... I was... twenty three... Five years! We studied there for five years.

Then you were twenty eight.

Yes, I was twenty seven!

Well, twenty three... twenty seven. It means... I graduated... Yes! At that time... while I studied my family moved into the city, my father went to work at the tannery. He got an apartment, huge one with the yard, we had a horse. My father took in the skins.

I met some guys there. And we used to harness the horse onto a cart, there was one – almost antique, from the times of Peter the Great. And we would ride in the cart across the whole town. We were going to the forest to paint sketches. And people would turn their heads and give us a look: Where are they from? So we would go to the field, to the forest. There we would...

Let her go?

...tether her, and she would be grazing all the while. And we were painting. We had a huge yard. People came from different villages and brought skins and meat. My sister got married there. And we slept in the same room with very tall ceilings. So that I arranged some kind of attic for myself up there. And she was down there with her young man.

So I was up there. And I would set a still life and take out watercolors and paint. Two in the morning, three in the morning – I wouldn't care. I was painting away. And she would say, 'Borya, let us sleep! Turn off the light!' That was it. I did. And then they left. And my parents started to talk to me about getting married. When I studied there, I met a girl. We met. And she came to me. And after some time she said she was pregnant. I had to marry her. Well, we had a wedding. And it turned out – no.

Not in a family way.

No. Right. So I lived there for a while. And one day I met a friend. He said, 'What are you doing here?' I got married. 'Married? Beat it! Get out of here! Why do you need to be married?' So I jumped out of the window and escaped.

Parents set it up?

Well yes! My parents did. It was their idea. They wanted me married, damn it. Well, I escaped and that was it. Out the window. It was a lot like in some stand up comedian's sketch. One of them is telling this story, a Jew, I forgot his name.

Zadornov?

No! Not him, the Jew, stocky man.

Ah. I don't know. [most likely Zhvanetsky – Translator's Note]

Ah. Forgot his name. That comedian said: I got married and jumped out the window and ran away. And I told him, 'I had the same situation.' I forgot his name. Later she came to me, and, of course, we had a kid.

In the end you got a baby.

Yes. And her parents... Her sister told her, 'Let him go, just have a baby by him and let him go.' So she had a baby, and I was fond of kids. Once I came to her and wanted to steal the baby. And they called the police. And I ran away through the backyards and I hid in someone's yard. And the police never found me. I escaped. And I never showed up again.

What would you have done with the baby, Boris?

I don't even know what I would have done with that baby.

Boris!

I don't know myself. After a while, when I graduated from the school, I talked with my parents. I told them that I didn't need a married life, that it was rubbish for me. I always wanted to study and I didn't want a wife. So after the artistic school I was supposed to work for two years and I honestly did that. And before I left my wife brought my son for me to have a look. Such a good boy, he looked like me, I thought. And I left...

...for St. Petersburg.

To Peter. I went there. I came to St. Petersburg, a teacher brought me. We came to Academy, and for whatever reason I didn't like it there. I went to the park to draw. And the teacher came and asked me, 'How come you are not taking exams? Let's go!' He arranged so that I was admitted to take exams.

What kind of Academy was that?

It was the Academy of Arts in St. Petersburg. So I was taking exams, and I got low grades and they said, 'There's no place for you here.' That was what they told me. I had to re-do my works. Effert and Shmelev taught me, so I did have a school, I did have a style already. It is always tough to teach someone who is already educated. It is better and easier to take students from high school.

Yes-yes. To start from scratch.

They taught us. They shaped them the way they wanted. Teaching me demanded an effort, maybe I would need extra work, special studies. They didn't know what kind of person I was either. What if I am stubborn? There's no place for him here. So I took back my papers and went to the Mukhina Higher School of Art, also known as Mukha. I came to Mukha. I showed them my papers and I had excellent grades. And also there was a mark that my documents were in the Academy.

They used to stamp documents, so that they wouldn't lose them or something. If you don't pass the exams, you need to get the papers back, otherwise they go to the archive and stay there while you study. You know, it was about paperwork and red tape.

Well, yes.

Also this is history. Well, while I was giving the papers the technician was grumbling: 'Here they are! They can't pass exams there and now they are coming to us! We have too many students as it is!' On and on it went and I didn't say a word. There was a man standing. He called me and said, 'I see you have good works. I want you to study at our school, in Moscow. I am the Director of Admission there, in the Stroganov University of Arts. It is quite the same. Let's go to Moscow.' And I agreed. His last name was Voloshin, he was a well-known figure. And we went to Moscow. There was a crowd of people – prospective university students. It was so interesting there. At the Academy the entrance exams were over and here they were still having them. Apparently they gave people a chance to find their place and continue the education.

If everyone came to the same university to take exams, they would have been overwhelmed. All kinds of people came to take exams, not only after high school. Moreover, it was their concern that some people after industrial school would come to study at the university. What did they know how come a person did not pass exam at another university?

Let's say, they need fifteen students and thirty people came to pass the exam, they could pick the good ones and let the rest of them have another chance somewhere else. They are not much worse and they need to get education. So to speak nobody left behind.

Find a place for everyone, right?

Well, yes! And then they study. I came to Moscow and got settled and everything was all right. I came to check in my papers. And there was a huge, colossal hall. It was a very old building.

The school was situated in the building even before the revolution. And somewhere, far away, beyond the wooden doors there was a huge desk and the admission board members were sitting there. And the director was there too. He was not a very tall man. Assistants brought in the papers. And there was a crack and everyone was peeping in to see what was going on. 'Well, how is it going today?' And the word was out that they admitted only Komsomol members. And there came a 'Komsomol member' with beard. Who are you? A Komsomol member. How old are you? Thirty four. And there was roaring laughter. [*A Komsomol member couldn't have been older than twenty eight**] And there was always something, every day brought a gag like that. People were laughing and laughing. Who was going to be the next to put his foot in his mouth? So I spent three days there. And it didn't look like anybody was going to call for me. And an assistant came out and took me aside. Voloshin sent her. She asked me about the papers and whether I made up my mind where exactly I wanted to study. And I said that though I liked ceramics I would like to go study at the textile department. It was so exciting because they dealt with the history and all kinds of fabrics, including ancient Egyptian fabrics and tapestries, all kinds of designs and prints. It is very interesting. So I wanted to study there. And what she did was she told him I hadn't decided yet. And they put aside my papers.

Do you understand that? So they put my papers aside. And there was a guy from Sverdlovsk, he also wanted to study painting and his papers were accepted. He told me, 'Tomorrow I am taking an exam, come to see me. I wrote a letter to my mother. And when you go back to Sverdlovsk, you will give it to her. To send it by mail is a long story.' And I agreed. Next day I came and saw a couple of Byelorussians, a boy and a girl, they were standing and painting. And their situation was exactly the same. Their papers were declined. I started asking them, how come. And they told me that they went to the ministry and gained clearance. I'll be! I went to the ministry. I talked to the officer, he was a young man of thirty five or so. You know, I have all the necessary papers. I have very good reference letters. I have worked two years after graduation like I was supposed to. Do I have the right to pass entrance exams? I was not talking about studying, only about passing entrance exams. He said, I did. And he arranged everything.

He made a phone call right in front of me and it was fixed. So I went back and started taking exams. When I was painting with water colors, people were standing behind me watching. I got excellent grades. Well, literature exam. We were to write a composition. And when I just started to put down the topic, the assistant came to me and said, 'You are all right and you may go now.'

Without exam! Right?

Because they were told so. I passed all exams: composition, arts history, history, Soviet literature. I would start talking and they would soon say, 'You may go.' And I entered the university.

Thus you entered Stroganov University of Arts?

Yes, thus I entered it. I did. I really did go to study textiles. And when the students came to study, our professor said that I would be the group monitor. There was a group of students. There was Arsen from Kazakhstan.

And also there was Alyona from Kiev. She was a daughter of a famous artist lady, I don't remember her name. And Arsen and Alyona became friends; they would often take me with them when they went out after classes. They were rich. He received big parcels from home. Her mother sent her money all the time. And I was their friend. They were in love, you understand, and all that. And whenever they needed to sneak away I covered their backs. I was supposed to mark the present and absent students, and I would mark everyone as present. The professor would ask me whether everyone was present and I would assure him that was correct. He wouldn't ask again or count heads. *[pause, another frame]*

You were talking about the kids you met there... how you communicated...

Yes! I was good friends with the other students. We used to go visit textile factories and there we learned a lot. ...The light is so strong...

Is it better?

Ah.

Is it better now? Okay?

Okay. We had a good department head, his name was Ivan Semyonovitch. He liked me a lot. There was a museum of textile, it occupied separate quarters. I used to hang out there all the time. There were many samples of all kinds of fabrics, starting from the ancient Egyptian ones.

India probably.

There were samples of ancient fabrics from Israel and so on. The little pieces of fabrics were kept under tracing paper. It was a real museum. People who worked there trusted me and I used to come there and draw patterns and study everything. In the end I felt like a boss there. I felt very easy there.

[You] were getting settled.

I got settled there just fine. I had friends among the students. We had evening drawing and it was outside our regular classes. We set up a collection, everyone threw in several kopecks and we were able to pay to the artist's model, a woman or a man. And we would draw them in the evening – thus evening drawing. The artist in charge of those was a most famous artist, Sergei Gerasimov. He was a persona! He was a professor and the head of the monumental art department. We had lots of different departments.

There were departments of ceramics, monumental art, wood, metal, fabrics and so on. Gerasimov was from *monumentalka*, the monumental art department. He was such a respectable man. There were two Gerasimovs, Aleksandr and Sergei.

Aleksandr Gerasimov was a Soviet artist, he reportedly organized the Union of artists. And Sergei Gerasimov was an artist of a completely different scope. He had very interesting paintings. He was a famous artist. We sometimes went to see exhibitions. His exhibitions were rare and they were never organized in big halls, it was always in some nook in Moscow. Sergei Gerasimov's Exhibition. And we ran

there. And looked. So my student life went on. We had old-time professors, they were professors even under the tsar. And they still were professors back then.

They were old, one of them was more than a hundred years old, some of them were ninety, others were eighty five.

So the school had very interesting professors back then. After the freshman year, next year our department head gathered us to have a talk. He told us what it was like to study here, in Stroganovka back then.

He himself was a student there. He said that in the old days you used to just enter the university and study where you wanted, you could go to different classes, and in the end you stayed where you liked it. Later it became different and you entered some department and studied there, whether you liked it or not anymore, whether you were up to it or not. Back in the old days you could choose. So we sat and talked and I said, 'You know what? Could I transfer to ceramics and glass?' And he said, 'Write the application letter.'

I did and he signed it and I went to study ceramics. I liked it there, it was so lively. And with glass it was not especially nice. They didn't have much glass to work with, and as for ceramics, they had everything, they had furnaces. It was a very equipped good facility. And when it came to glass, you had to go to a factory, and the study went its somewhat separate way, somewhat scholastic. We used to just draw wineglasses on big clipboards. White paint against the black of a clip-board. I never liked that. It was a very dry kind of education. I thought it was rubbish, and I never cared about that. So I got transferred. And I spent all my time in workshops. We had very interesting professors. I am talking first of all about Sergei Gerasimov. And also I would say that about Vasilyev. After I entered the school every summer I went out of town. And every time I came back I brought about three hundred sketches. I was always painting, and my boss used to say: 'How come you are painting better than me?' And he would organize an exhibition of my works. And they would award me a voucher for a trip to Dzintari. And in September other students were studying and I was having a good time and panting in Dzintari.

And then I would come back to the city and get back to working. Other students in my group didn't like it, mostly Communists and several girls who came to study after school, Muscovites. So I studied and felt completely at home, I was friends with professors. I got excellent grades. I went to museums with my professors. We used to talk about art and creativity. That was how I spent time while I was a student. And when I was senior student, during the last year of my study, a former assistant at the department came and replaced the head of our department. At the same time some people started spying on me. Those Communists started telling on me. Among those was Ridin, he was a Communist and deputy of a department supervisor at the Dulevo Porcelain Factory. He was admitted to study at the artistic school, but he was a blockhead, he couldn't draw. In spite of that he got excellent grades. Every time people talked about art I participated. There was an exhibition of Picasso, and I openly talked about Picasso and freedom. And they were listening carefully and making mental notes and then telling on me.

They would rat on me, discuss my behavior and all that. Once we were given a task to make a reproduction from an Indian picture. The picture was warm, it was in warm coloring. And I made a copy in cold coloring. And I brought it to turn in. How come you made a copy in cold coloring? I said, 'Well, I am the one who copied, the picture is the same. And as for the coloring, this is the way I sense it. I sense the attitude is cold.' How come? And so the arguments started. And we started arguing about art. And they started to openly show that they were after me. They spied on me, they recorded the time when I arrived. They started putting together a dossier on me. And the deputy director participated in it. 'Who does he think he is?' And they decided to expel me. The board meeting was going on and they were discussing me. I had excellent grades and they wanted to forge them and make them into satisfactory grades. But the professors didn't go along with that.

They were told to give me a satisfactory grade but they wouldn't. Only excellent grades. And the director couldn't do anything about that. Those were independent professors.

They never taught me. They were independent professors and their function was rendering an advisory opinion and grading students' works.

The board meetings continued for a week and nothing came out of them, they wouldn't alter my grades. The board meetings continued for another week, and then I thought that something was wrong, because usually the meetings were fast – wham! In a week or in two-three days they managed to get the grades. And that was it. We went back to study. And we didn't study for two weeks that time. Then the head of the educational department called for me and he told me everything. I learned that they were fixing to forge the grades and kick me out. He said, 'They will do it, because the deputy director is dead against you. So I suggest that you transfer to Leningrad. I can help you. I worked at the ministry and I still have connections there. I will give you the reference letter.' What a man he was! I agreed. For the last time I went to Dzintari. And then I came back and never said a word to anyone, though I had a fiancée, and her father worked in the Kremlin. Also I had a friend and his mother worked in the Kremlin, she was a doctor. His father was a railway minister. I could have talked to them. And those people could have made a phone call. That was the way things were done back then. I didn't say a word to anyone. I took my things and moved here. I settled here. I came to the school here and talked to professor Markov, he was a head of the department. He said, 'Everything is different here. How are you going to study?' And I said, 'I am a serious man, not a boy. You see my grades.' And he said, 'All right then. Come and study here.' I brought the papers. And again the professor appointed me the monitor of the group. The group was great, good students. So once we were painting. And when they saw my style they admired it. Everyone said it was great. And there was another building opposite our university, windows facing the windows. And our mischief-makers took the paint cans and tossed them across. And the officials from the other university made a complaint. Professor Markov called for me and demanded to know the names. But I never betrayed the boys. Later we were friends with some of them. They were essentially good boys. So I said that I didn't know, I wasn't there. He called for me another time or two and let it go. That was it.

At the end of the year when they examined and graded my works they gave me satisfactory grades. 'Well, give him a satisfactory and let him go, he is a graduate student.'

Why did it happen? Because of your style?
They never accepted my art.

Because of your individual manner?

I had my own manner of painting.

You had a different technique, your own.

I wasn't from Leningrad, I didn't have their distinctive style. I had another technique. I didn't fit in their idea of art and painting. My painting is multicolored, bright and theirs is all about gray.

Their art is toned down and disguised. And my style was free. So I got a satisfactory grade. Next was the diploma project. What was it like? I took a children's china set. I did my internship at the Lomonosov Porcelain Factory and there were plaster modeling foremen.

I looked how they worked and it seemed easy enough. I decided that I didn't need their help, I wanted to do everything myself. I made a drawing and the prototype, I made the mould. The artists who worked at the factory were old school, Leporskaya was one of the most famous artists. And they welcomed me and they were glad to help me. And there I created several models.

It was sort of your diploma work, final work?

Yes! It was my graduation work. For a year... For a year I worked at the factory. I became one of them. I learned from them. And I started to make square molds. They were not too much into them because of the furnaces. So I started studying furnaces. The industrial furnace is huge, the size of my whole apartment. And every day thousands of ceramic pieces are burnt in the furnaces, it is a porcelain factory.

You see? They make thousands of pieces every day... they produce.

Yes. Yes. Yes.

The foremen work, painting of the items is going. And I tried my square items in several furnaces. And also in order to get those square items I made a mould using an ogee. It was like in the ancient architecture, where the cornice was made in the shape of an ogee. I used that. And I did find the right stove, and I did get the square item, and it didn't break the mould.

Also I did the painting myself. The painting was in cold coloring. And then I brought the set to submit. They looked at it and gave me a satisfactory grade. And the same satisfactory grade was in my certificate. And after I got it I left.

And you... How come you got a satisfactory grade?

How would I know why?

What did they say at the factory when you were making it? At the factory?

At the factory they said it was good. It was excellent. But their opinion didn't count. Artists from the factory were not invited to grade our works. They had their business, and other artists came, mostly those were from the university, from Stroganovka. The one where I had been studying.

The Mukhina Art College. At the time I resided in Sestroretsk, I was married. So I went there. I didn't show up for the final exam, and one day I got a phone call from the university. They said, 'Borya, how come you never showed up for the final exam? Did you get offended? We shall give you a good grade.'

Just like that, right?

Well, what was the difference? And they did give me a good grade. After graduation the university assigned me to work in Kiev, at the glass factory.

They assigned me and the chief artist of the factory came. He looked at me and said, 'I don't want him. I want a Ukrainian.' Thus I got a free assignment. And in the end I started working for an art school at the Moika. I taught there and the director was Tishkin. He was a former colonel, so he didn't know much about art. And I taught my theory on ceramics. Later to teach ceramics he invited Georgians, those old men didn't have the education they were just pot makers. They made pots!

I was outraged. I said, 'How come? It was my student group. What do these people have to do with teaching? They only paint the pots.' They had a kind of mafia...

They were just people pulling strings if you know what I'm talking about. And Tishkin held a grudge against me. He would speak against me at the artistic board. There were some young members of the board, later they became professors at the University. After a couple of times when he ranted about me they put a stop to that. They told him, 'If you keep tampering with Chetkov, we shall kick you out of the board. What are you anyway? You don't have the notion, and he is an artist.' And he had to leave me alone. During the second year of my work there the atmosphere at work was not too good, of course. What did they do? He would invite girl students and go with them... and there he would paw over them. After all he was the director and thus they had a thing going. I did see what they were up to.

And there were different girls. Some of them kind of liked that. They got good grades and that. And the situation was getting really tense and unpleasant. They started putting pressure on me. And sometime during that second year I met a man with whom we studied together. He said, 'Borya, what are you up to? You are teaching? Forget it! Come with me. We have a lot of work and we need an artist. Let's go! You will work in glass.' He was from Chudovo. So I agreed and we went there. When we arrived at the factory the place was empty even though the time wasn't up, the working day wasn't finished. Where were they? They were in a restaurant! Malaya Vishera. The whole company was there. And among them was Zhulyev, he was a Communist. We used to study together and I practically never saw him at classes. He spent too much time as a party functionary, he was always away on business trips. And he worked at Chudovo, he had a top job too. I was very open, a life of the party kind of guy. And they liked me a lot. I was hardworking and I was never into backstabbing. So he said, 'Let's go join them!' And so we did. The director was Kukushkin. He was into drinking. Like that colonel. And the only thing he was interested in and talked about nonstop was women. He was telling jokes and stories of his adventures with women. We came and he said, 'You brought a man! Good! Come here.' It sure looked good enough. So they kept drinking. And at that time the electric trains used to run without closing the doors.

It was late at night, eleven o'clock. Everyone had to go back to Vishera. And they took the train and at some point someone shouted: 'It's Vishera!' And all of them ran and jumped out. And they fell into the snow. The snow was waist-deep. And half the night they shuffled through the snow to get to Vishera.

Did you jump too?

I wasn't with them; I left for St. Petersburg earlier. They told me the story after I got back. They welcomed me and everything looked bright. Kukushkin said, 'Now we shall be powerful, together the three of us! We shall be filing complaints about the director. He doesn't let us work and all.' I settled and looked around me. What was the problem? What was wrong? No wood, nobody to make the moulds. I said: Aha! They put a temporary team of workers for me and I asked them: 'Do you have a saw? Do you have an ax? Do you have a bar?' Yes, they had everything. We went to the warehouse. We took the logs and sawed them and took the wood to the wood processing shop. I talked to the foreman and they did everything for us. We brought the moulds, and the production process went on and we didn't need to complain. The board meeting started. The director looked at me, he saw that I was the kind of man who was not asking for things but did his share of work. And after a month he promoted me to the position of the chief artist.

What was that factory? Could you tell me?

Glass factory!

Glass.

Glass factory! It was the glass factory where I did all these (*points at the shelf*). And so we got to work, we made the moulds and made glass. We organized a team of workers. And in the end we went to the board meeting in Moscow. And it was established as the rule that every factory and every chief artist came out with the works they had done, with their art.

The Kiev factory reported, Gus-Khrustalny crystal plant reported, and the next was supposed to report 'IKDO' glass factory. They said something about the woman chief artist. And then the director said that the chief artist was Chetkov. Everything was approved and official. It came as some sort of a shock. Nobody knew me. And we reported. The ladies back at the factory were resentful. And after a while some of the people quit their jobs. I was making my kind of artistic works and they were not exactly happy with those works. The chief artist from the Decorative Arts Magazine took me aside once and said, 'What's wrong with you? What are you doing? Do you see what other people do? You have to do the same stuff. You have to follow us.' And I couldn't understand that and I started to argue. But he said, 'You keep bringing the wrong stuff to show to the Board. Why do you have to do that? We don't want your mumbo jumbo. You do what others do!' And I pretended that I agreed. I kept secretly making my kind of works and the circular letters from the Chief Directorate kept coming: 'You are to bring this and that and such.' I admitted to work for me a man, Volodya. He was a Communist. And soon he found a girlfriend. I would come to him and she would be sitting in his lap. I would remind him about his job and such.

It was a manufacturing plant and one had to work, not only have fun. After a week I came to him and asked about the drawings he was supposed to finish. He didn't. All this time she was sitting in his lap. I said, 'What is this?' And he retorted, 'You drive her away!' I wasn't the one who brought her in. That was what I said. Another conflicts followed, people started to talk. Even though I did bring to the Board meetings what they expected, they were never satisfied. Nothing was the thing anymore. They were not happy about this (*shows*) glass still-life. Other people spoke for me, they liked what I did. The situation with Volodya was tough. I went to the Regional party committee and complained about him, he did nothing. It was next to impossible to get a Communist fired back in those days.

I persisted and kept complaining about him and in the end he quit the job himself. He went to work at Malaya Vishera as an artist. And the girls disappeared. After that I admitted two boys, they had graduated... Well, there was one more thing with the director. I succeeded in my persistent demands for an independent team of workers. I didn't want to beg the foreman forever to do this and that for me. I needed to make artistic works for the Board meeting and the foreman had to implement the plan.

The foreman couldn't care less about art. After another circular letter from the ministry I said, 'I have to have my team!' And they acceded. It was my artistic team. And I would gather them in the morning. We would discuss our plans for the day, I would prepare my technical drawings, my sketches. We would go and work. And after we were done we would discuss the finished work in the evening.

We continue. You got your artistic team.

I got the artistic team.

Yes.

After I managed to get the artistic team... the craftsmen, my hands were free to create.

Unfettered?

Yes, I was free to create.

Free.

It was artistic freedom for me. I started making works that were completely independent. They were even independent from all those Artistic Board meetings. They were independent from all those artists. Certainly I was vigorously opposed. They mocked me, they laughed at me. Chetkov here brought Petushki-Bratushki (*literally roosters-bro's**) again! Ha-ha-ha! Petushki-Zhirafchiki (*literally roosters-giraffes**)! Ho-ho-ho! It was scorn, it was derision. And I endured everything. And for the next meeting I brought something new again. I kept creating new artistic works. Whenever we had a meeting in a properly facilitated place I would have an exhibition. Especially at the Gus-Khrustalny factory.

When we held the Artistic Meeting we had huge halls hung with cellophane walls.

And once I was going somewhere and even before I came into my hall I saw a crowd of people. They were the workfolk with brooms and mops. And they gathered around my display. They were looking at my art. And I stopped and wondered what would be next. And the next thing was the chief artist from our ministry was walking by. 'Do you like it?' They said yes. And he left angry! For whatever reason simple folks liked my art. I don't know how come but artists couldn't appreciate my art and the simple people liked it.

So people could relate to your art, right?

Yes.

People understood it.

Yes. Maybe it was on account of I had never gone with the tide, I was in the groove. I never made standard things, ordinary things, pedestrian things. Those do not have... bursts! There is no energy!

And you brought something new.

Yes. I was bringing in something new in spite of their disdain. They laughed at me but at the same time they were jealous! They were jealous of my ability to create those works. How come I did that? There were situations when I would display my art works and when I was away the artists would crowd around them and look at them. The moment I was coming back they would scatter away. As if they never looked in the first place. As if they didn't care to see my art. I remember an exhibition in Moscow at the Artists' Union. I was displaying more than thirty glass artworks. And there was a famous artist Shevchenko. He was a member of the union and an acclaimed artist. He came with his wife, she was also Shevchenko. He said, 'I cannot believe you have done all of it yourself!' I said I did. And he said, 'Strange.'

They didn't believe?

No. And then by the time the meeting started when the people from the ministry started arriving, all my art works were taken away. Only three of my works were left. And my boys who brought their works were allowed to exhibit only one work each. My three works were the three [ceramic] vases that I painted. They placed those three at the huge mirror.

I even wrote a short ironic poem about the three vases smeared and multiplied in the mirror and a simpleton on the side – everything is simple. Can you imagine? Back then I wrote a poem like that. Thus was their attitude. And later, of course, they started making advances to me. They started inviting me [to exhibitions].

Gradually, right?

Yes, gradually, with the time.

You mean in the end you... they didn't reject you?

No.

You mean even though... they laughed at you, they still cooperated with you in the end and they started inviting you to participate in exhibitions, right?

Yes. Later the artists started to appreciate my works; some of them started treating me with respect. Some of them even started imitating me, taking my art as example. An acclaimed artist once exhibited works that looked like mine. So I came up and said, 'Hey, what's wrong with you? Are you now in the same psychiatric ward with me?' And he quickly put them away. And everything went the usual way.

Psychiatric ward.

Well, yes.

So you performed a revolution in people's mind with your art?

Yes.

I mean the way it used to be with only one style...

Yes.

Or imitation, I mean completely... You...

Well, yes. They...

... introduced something new?

How did they work? The procedure was this: they would come to the factory; many of the Board members in fact did not actually work at the factory. Some of them did work there. Anyway, they made drawings and technical drawings, they invited the foreman and gave him all that. And the foreman together with the craftsmen did the works. And the artists were sitting in their studio or office drinking coffee.

And didn't participate...

They were like Bohemians!

... in the process of production.

They would never hang out at the factory.

Right.

They would never spend their time with the craftsmen. And I radically changed that whole system. From the very start to the very end I was working side by side with the craftsmen. They couldn't breathe in without... he would be blowing glass and I would say, Stop. This should be like that. I took the tweezers. I worked with the jack. I even have photographs. I was involved in the process of creating things.

Artistic glass pieces. This was how come when I brought my glass works, they were alive!

Well certainly, you became a part of your artwork.

Certainly! They came to life. And other artists against their will... they were real artists, you should understand that, and they had the feeling. They felt that those artworks were interesting. And many of them followed my steps. They started coming alive.

It was more interesting for them to work?

Yes, more interesting. Yes. And every time I came many of them would come up and ask, 'What's new?'

So they did look forward to it? They were waiting?

Yes, members of the Board were interested.

Where would your imagination take you?

Well yes! What's new? And I would say: this and that and such. And they would say: good. Generally speaking my works there were Baroque, Russian Baroque. And when they learned about that in the ministry, they started asking, 'Well, how are your barks doing?' Barks! They could never get their tongue around Baroque and they couldn't care less about that, either. They just didn't understand.

Yes.

Barks. How are the barks? And I would say: Fine. And they would say, 'Interesting.'

Barks!

Barks, yes. We saw, interesting. And whenever there were exhibitions abroad – in Italy, in Germany – they would take my works.

Then maybe this is how come they were unable to understand? They simply were not educated enough to understand your art?

Certainly!

All those people from the Ministry, strictly speaking they...

They!

At first it was strange to them.

Yes!

Because they didn't have a good knowledge.

Yes, of course!

And later when people started to show appreciation, they saw that your art is something people can relate to, I mean...

Yes, it is universal!

Yes, yes. Then they said: O! Well, yeah, this is good. I mean...

Well, everything... I told you... For instance, those glass roosters, Petushki-Bratushki, they were inspired by Russian history, the name itself was calling back to old Russian words, it had the same ringing. And later they understood that they had been laughing at their own history, at Russia. Petushki-Bratushki were all about people, simple folks, alive in the world. Same as Petushki-Zhirafchiki, Petushki-Baranchiki (*literally roosters-rams**). At first sight it is funny, but there is philosophy behind that. Those were philosophical works of art.

Those works did have a philosophy. And Russian Baroque. I made art works in the style of Baroque but not Spanish or Italian, I was making works in the traditions of Russian Baroque. I made wine glasses, Venetian glass. And they said, 'You are imitating Venetian traditions!' And I would say, 'Look at them! Look at the Venetian glass and look at my works.' I did make use of their method of glass working. I did but I modified it. It is what it is any way you fix it, it's molding.

Molding is universal. It existed ever since XII century, Venetian glass, the times of Venetian doges... There were workshops and such. And I used the method. Gradually they came to understand those things. And many of the works that I brought to display at the ministry later were taken to exhibitions. Only they never sent me abroad. There was an exhibition in England, it was dedicated to glass. It is centennial. It was in 1979. It is an international event.

The exhibition took place in London. I learned about it in the last moment, they never told me anything; it was only for the big league. Only the top artists had all the benefits: they went abroad and displayed their works. And my works were displayed without my knowledge. They never bothered to even ask.

Did you know about it? That they took your works?

They would tell me later, after the exhibition was finished.

Did they mention that you were the author?

Ah no! They did not!

Just said – Soviet Union, right?

Yes! Soviet Union exhibit.

From the Soviet Union, right?

Yes! Yes.

And the author is unknown.

The author is unknown, yes. Never said, imagine that? Well, yes. And later I would learn that... an exhibition took place in England. Centennial. They said I was invited to participate in that exhibition by Lord Carrington. They said: we saw your works only unfortunately the exhibition finished working.

So, they couldn't send my works, even though I had received the personal invitation. And when I came with the question to the Artists' Union, they said, 'What are you? We send only the most acclaimed. The most of the most.' And who was I?

Of course, they never sent me. Instead they sent an artist who had nothing to do with glass, he was a ceramics artist. And he went there.

Because he was a member of the Artists' Union, right?

Yes.

And only because of that?

Well, I also was a member of the Artists' Union.

Why not you then?

Because I wasn't a communist.

Aha.

No way. It was dangerous to send me.

I see.

You see?

Yes.

They did say to me they were sending the most of the most, the most acclaimed ones.

To cut the story short... those who were of their company.

The ones with whom they were sitting at the meetings. I wasn't the one to sit next to them at the Board meetings. I was a rebel. At least they thought I was one. And thus it was dangerous to let me out. Later there was an exhibition in Osaka and Sapporo. It was...

In Japan.

In Japan.

All right.

Well, the exhibitions abroad started. And I... my works, I... They always sent my works to foreign exhibitions. Without names. They were portrayed as the Soviet Union achievement. This is how they entered the exhibition in Japan.

And how did you go there?

My pieces did. I never went to Japan, only my works did. Those were the ones that I made using guta method, and also they took there my Venetian wine glasses. And in Japan there was a separate hall for my works only. A whole separate hall! And when our representatives came they made a film in Japan. And later they showed it in Moscow.

About you?

About me. They showed it... and I had no idea they made a film about me and my works. And I used to go to Moscow pretty often. To the ministry.

And then I came to Moscow and I came to the Artists' Union and a woman was staring at me. What was about? And she told me, 'Yesterday they showed a film about you.'

And you didn't even know!

Right!

And they came here to make the film? To Saint Petersburg?

Well, it appears that our Saint Petersburg guys made it there, you see?

Aaaah...

The Japanese made that film and showed it in Moscow at the Artists' Union. About the exhibition! The film was about the whole exhibition.

Some kind of actuality program.

Yes! They showed our exhibits... well, separately – the display from the Soviet Union!

Well, yes.

Including me, I mean my works separately. The Japanese made a separate hall. And they told me.

Well, they didn't film you in Japan, they must have done it in Saint Petersburg. And they included the footage as a news story about the Japanese exhibition, right?

Do you see? No. They made the film in Japan.

And how did they film you?

They didn't.

Ah, so they just...

So I didn't figure in the film at all.

Only your works.

They only showed my works.

Now I see.

I wasn't in the film. They just got to know that I am a senior artist of a factory. And... other artists...

Yes-yes-yes.

Other officials learned that I... They said: the film is about you. Your works.

I see.

Well, I say: Interesting. Great. They never invited me or anything.

You mean you had no idea that they showed a film about you.

And I was completely unaware of the whole thing.

Like that.

Such was the way to do stuff.

Did everything behind your back.

Yes. And then after... when I already... we shall elaborate a little when... In 1979 I quit the work at the factory. Quit the factory.

And why did you do that?

There... what was there for me? There was a constant back stabbing.

Communists?

They spied on me! And the director called me to the carpet. He said, 'Boris Aleksandrovich, you make this glass. Come with us!' I said, 'What do you mean – with us?' I said, 'You need glass? Come and get it. I don't want to hear about anything else.' They had some under-the-counter business going and they wanted me to participate. Do you understand?

To do that business with them?

Yes. The whole point was they were going to set me up in the end. The same way they set up the former director of the factory, as a result he was fired. That was their way to wrap up their deals. Only I didn't care

about such things. I was into art. I am an artist. I don't care about money, I have a salary. And it's quite satisfactory. And the works I do are intended for history. And also it was important that the Novgorod Oblast Committee of the Communist party was on my side.

The first secretary of the Oblast committee came to the factory, he visited my workshop and when we went to see him off, he said, 'Take good care of him [Chetkov]. He is your future.' They had no idea what he was talking about. As soon as he left they resumed the backstabbing. They watched closely where I was going to, what I am carrying. They even checked my possessions at the guard desk. It hurts. Do you understand?

Well, sure.

How long could I go on? I couldn't stand it any longer. I had created many art works. And I thought: I better leave. When they heard about it in the Oblast committee, at first they were going to put together an investigating panel.

To get you back? Or what?

Yes. Why I quit. They wanted to look into it. And there was an artist named Zhulyev, he was the senior artist at Chudovo. Well, he hushed everything up. He said: People come and go. And they let it go. They could have brought me back. I wanted that myself. After the factory I couldn't do without glass. So I came to the factory with the intention to get back. And there was a new director. When I came people crowded around me and started asking all kinds of stuff. And the director announced on the intercom network: Chetkov, clear the territory of the factory!

That's harsh!

Can you imagine that? Certainly I left. And I never came back. With such... with this...

With such attitude.

Yes. It was such disrespect! And considering all the things I did, such disdain. And all of it was because I was into art and they had never been able to fathom it. Since even the Board could never fathom it, what could you expect from the factory?

Well, certainly.

Can you imagine that? The first director of the factory – I didn't work under him, it was before me – was a former sailor, a lieutenant. He left the fleet and because he was a communist they appointed him as a director of a factory. After him there was some engineer, and he had no notion about culture or glass. He was all about plan and production.

Well, yes.

All those (*shows*) art works are alien to him. Alien! And the only thing that kept the artist going was ministry, it was in the ministry's interests that the industry developed and also they wanted to keep their face abroad! They wanted everyone see that the ministry had been doing something.

Yes.

That they also do something. Otherwise factories would never have a single artist, they would have driven all of the artists away. Those foremen who made the moulds. They would say, 'Artists! Who needs them? I can draw myself and let's start producing!' Even when I was the chief artist such attitude existed at first. I cut it short.

Without any education in arts, without anything?

What are we talking about? What education? Some of them didn't finish high school. But they were communists. They went to the Party school. And after that they would say, 'We also have a diploma!' Their education was totally different. They were jealous of ours. They thought we were artists and thus we had a bohemian life. And after the Party school they imagined they became like us. And what were they? They would take a box of cognac and go to take their exams, they drank there.

And that was it?

And after drinking they would get their grades and such. That was all the study... in that high school of politics.

Yeah.

What the **** that was... All of them... Do you think they would study Lenin or Stalin? This is how come we lived like we did. But for the ministry and the top level management, they wouldn't have had any use for the artists. This is why in the Soviet times the industry made progress.

Because of the artists?

Because of the artists.

And the Ministry of Culture, right?

Yes, because of the artists and the Ministry of Culture. Only thanks to them. We had exhibitions and we had Artistic boards in republics.

We went on business trips to the Ukraine, Belarus, Uzbekistan, Kazakhstan, everywhere. And we came with our art works. We had exhibitions. We displayed our work and we discussed it. Sometimes the discussion went on for a week or two. We argued, it was interesting! Sverdlov oblast there... What's the name? In Chuvashia... where else? No, it was Mordovia. Let me see, there was another republic... I think Tatarstan.

Tatarstan.

Yes. We went to Tatarstan, there were awesome factories. Glass factories. And now everything is closed! Everything is ruined! As a matter of fact we don't have light industry anymore. We have only Leningrad porcelain factory left, and even that one was bought by the Englishmen. Gus-Khrustalny Crystal Factory just barely ever does anything.

Our factories? 'KDO' Bolshaya Vishera, Malaya Vishe, Chudovo – everything is shut down. They don't exist. There is one in Belarus. At the Ukraine all of them are also shut down. Do you understand?

And were they completely disbanded or could we restore them? Or not?

No, you can't recover them. The equipment is gone, everything is gone. At our factory they are sawing logs. Some other factories are producing window panes. Everything is gone. Because the furnace demands attention, you should keep it going.

So they broke them down and solved the problem. Who is going to tinker with them? You need craftsmen, you need professionals. They scattered. So we sell the raw materials to the West and there they use it to make works and we buy their works. We buy glass and ceramics. There is German glass, Swedish glass.

A lot of Italian glass.

Italian glass. Everything is from there. And are you sure they are producing works of art for us?

No, there...

Of course not! Commercial junk.

Consumer goods for...

Yes, for us. And we use it. We don't have our own stuff, we don't use our imagination. Everything is killed off. Destroyed. And the artists as a cultured group of society is leveled up. They are at a loose end. Why do we keep the universities and art schools? Why do we educate artists? After the graduation they have nowhere to go to work and nothing to do. If the artist has a workshop, has some glass and a muffle furnace, he can do something. Or he can make stained glass. And in general there is no progress. Back when I had my own independent team I was free to create. And the Ministry supported me. And for every meeting of the Board we were to bring our creative works, not only the general consumption stuff. And also I could make progress in my creative work. I was independent.

They didn't necessarily like it but they could do nothing. It was their image, the fact that I was creative. And it was important. No matter what the atmosphere was I was able to express myself.

It was interesting for me and it was useful for them, they sent works of our most interesting artists to exhibitions abroad: Germany, America, England, Sweden. Not all of those works were mine; our works were exhibited collectively under the label of the Soviet Union.

And they were riding the high horse because we did have progress. Even though they never actually influenced me. They just used me. They always used the invitations. They! Not me.

They could only use my works and I was just a regular ordinary artist for them. Let him work! They went to England, they went to Italy. All those members of the Board one after another could go forward. And we learned about everything afterwards.

I was not particularly happy about that. And I quit the job in the end. Also there was backstabbing at the factory. The factory had an affiliated hotel and the three of us, me and two other artists, lived there. Those two went abroad to Israel and America. And I was left in the room. The hotel was colossal. And people at the factory started the squabble: they gave the room to a family and tossed me into the barrack. The barrack was dark, there were drunken parties and fights. And there was me, in a small room. I never complained. But in the end I quit the job.

I quit. But if I went to the Oblast Committee and talked to people there, it might have been different. The factory management were afraid I would do just that, they jealously followed my movements: He went to

the Committee again! But I never said a word of complaint. Even though the Third secretary did ask me about the atmosphere at work, whether I could create. And what about the director? I would say in the Committee that the director didn't introduce anything into production. The director would get it in the neck for that. And again the Board would approve some items and the director wouldn't bother to introduce them into production. On it went and everything was my fault. Can you imagine that?

I talked about those things because that was the whole point of my work – to create and introduce into production. Otherwise why the hell bother working at all?

Sure.

And also then there were... well, forget it. I suffered and I endured for the sake of business trips, I could go to any republic. I went to Solovki, Armenia, Georgia, to the North. And once in Armenia I had a very interesting experience with Kochar. Did I talk about it?

No, you haven't yet.

I came to Armenia. And I knew that the celebrated artist Yervand Semyonovich Kochar returned from France. His work, the sculpture David Sasunski is a symbol of Armenia. He was famous much like for example Martiros Saryan.

But he worked there, in the West. He left the Soviet Union after the revolution. And Saryan was around. I came to see Kochar. We talked, he is a very cultured man. I told him about my glass works and glass didn't excite him much. And then I pulled out my sketch book. And he started running around me. What are you? I said, I'm Russian. No way! Are you Jewish, Polish? I said I'm Russian. Absolutely no way! Russians don't have artists like this. He shouted to his wife to bring his catalogues. He worked with Braque and Picasso. Everything appeared on the table, cognac and all that. It felt like we became close people. He took me to his studio even though he usually hardly ever did that. Other artists were stealing his ideas. And he showed me a sculpture of a woman, it was a combination of drawing and sculpture, so that when he slowly turned the sculpture, the female figure appeared to be jutting out. It was a novelty. It was very interesting. We became friends. I would come to Armenia and they would meet me. It was somewhat awkward, his family treated me like a son. And once I decided to visit Saryan as well.

You were just wondering about the attitude to your art... right?

I wanted to know his attitude to my works. After I...

The advanced people?

Yes! After things I heard from Kochar I felt I made a progress in drawing, in graphics.

Uh-huh. Did you show him graphic works? Or did you show him everything – graphic works, glass, paintings?

Well, I... My glass didn't [interest] him. Kochar was impressed with my drawings. He felt my arms. Where are you from? Same as Effert: you can't draw but you feel the emotion. Thus I had to know Saryan's opinion.

Aha.

Because I had my reason. Even before Kochar I showed my drawings in the Artists' Union. And famous artists would say, 'Well, you work with glass. And well... you have a smooth line. Such a free smooth line. It goes like this. So what?'

No essential analysis at all.

At all! It's not much of a review.

They were talking only about some lines.

Absolutely! Line! You work with glass and since the glass flows smoothly you also have a smooth line. Nothing!

You mean they didn't perceive the painting as a whole at all!

No... not at all! At all! And I... when I came to Kochar, words he said were an eye-opener. I saw my own work for what it was. Same as Effert back in Karaganda. I began to really understand drawing and art. It is after the visit to Kochar that I started making things like this (*points at the painting behind him*).

Boris, when did you start creating graphic works?

Mainly after... I drew... I was into drawing for a long time but after Kochar I started drawing seriously. My drawings became tense, powerful. Only after Kochar.

Did he inspire you?

Yes, he inspired me all right. It was... It was uplifting. And I have always been drawing. But it was somehow different... of course.

You were not sure that you were doing it correctly, right?

Right! I wasn't confident, because my works were never admitted to exhibitions, never acknowledged. 'So what?' they said.

Smooth line!

As if the smooth line came out on its own. And I had nothing to do with producing it. I had nothing to do according to them. The glass is flowing and the line is smooth. Kochar touched me deeply. It was an eye-opener. Well, after that I went to Saryan. He was old back then, about ninety. He came out in the wheel-chair. He had a huge studio! Great hall, big yard. Armenia is a warm place. Warm.

I came. There were carpets all over the place. So he said, 'How is it going? How is the life in the capital?' I showed him the same works.

The same drawings?

The very same drawings.

Aha.

The very same works because... 'Well, young man, what can I say? You have a smooth line. Are you a caricaturist? So it was a caricature to him?

Graphic works?

Yes!

There, two opinions.

Yes! It was all because intellect in the Soviet Union was choked and intellect in the West was developed. Saryan used to be a great artist in the thirties. And then he got fame and money and he was done. He became just like the rest of the Soviet artists. His last works were identical to works of others. I came to him because I knew his earlier works. He had dogs and different Armenian yards, those were such decorative, such miraculous works. And gradually little by little he dropped into Social realism.

He became chief, he became acclaimed. They shoveled him medals and such. The whole caboodle. They called him to all kinds of board meetings, party meetings. Willy-nilly the man started sliding down. He opened his own school and all that. But Armenia was special, Armenian artists had always been different from others. They stood out as passionate, vivid. Their painting was decorative. At any exhibition you could tell an Armenian artist from a Russian artist... Soviet artist.

Colors?

Doesn't matter! A huge difference!

Different colors?

Yes! Different coloring, different attitude to painting, different attitude to art. It wasn't like the artist was just sitting and doodling – black and gray. There was passion! You could feel the artist's attitude. And Saryan said, 'How come you live in Moscow and still can't clear the Ararat?' That was what I heard from Saryan. Well, we talked a bit and I left and never came back. And another story about the time after I quit the job at the factory. The mayor of Leningrad then was... forgot his name. His daughter now... Sobchak!

And Sobchak established something like an Art Day when all artists could bring their work, their paintings. And it was a news item, the journalists talked about it. On one of such occasions I brought my glass works and paintings. There was a board that included new entrepreneurs and such like. During the meeting I got acquainted with a musician, cello player, Viktor. He got married to an Austrian woman and went to live there. His mother lived here in St. Petersburg.

We bumped into each other and he said, 'Look, I live in Austria. We can organize your exhibition there.' That worked for me. And he invited me to Austria. And earlier a famous artist, Ernst Fuchs, visited St. Petersburg.

Ernst Fuchs.

There was his exhibition in the Russian Museum. He came to Russia and learned about many Russian artists. He worked with glass himself. Fuchs. And he heard about me.

Did he see your works in the museum? In the Russian Museum?

Yes, he saw my works there but we never met personally. And when I came to Austria, to Vienna, Viktor said, 'Look, Fuchs is interested to see you. I called him, and he invited us.'

Ernst Fuchs is a worldwide celebrity. He was Dali's friend, he was a founder of surrealist school. He was familiar with presidents of many countries. Everything was open for him. He invited us and we came. He saw my works. He was such a busy man that after he spent a while with us he went to work. He was working all the time. The length of canvas was five to ten meters, and it was three or four meters high. And he painted with tiny brush, he used a maulstick. His paintings were monumental.

And one evening he invited me to his studio. And his house was such, a three-story palace. On the one side there was a very tall twined trellis-work.

And in front of the house there were Egyptian sculptures. But that wasn't the real entrance; it was on the other side. At first we came to the wrong place and didn't know how to get in. On the other side there was a forest or a garden. And there were deer. It was grand. We came out...

Beautiful.

Yes, beautiful. The porch was there... a lot like this here. And you looked there and there was a field, a wood, and deer were walking there. You see.

That's life! And one evening we were sitting drinking coffee. He went upstairs. And he said, 'I have talked to an exhibition director, Alborelli. It is in Italy, in Venice. We arranged for you to go there. He will send you the invitation.' And he said I had to go back to St. Petersburg so that I could get the reference letter to confirm that I had participated in exhibitions before.

Or with some other famous artist... now I had a communication with such artist, you understand? Well, just like that. Well, I went to the Russian Museum to get that letter. Several of my works are in the Russian Museum. And at first they were agreeable, they said, 'Come in a couple of days.' But when I came they refused to give me the letter. They said, 'We can't do that.' They refused.

How come?

The reason was I had the reputation of avant-garde artist, troublemaker.

So that you wouldn't leave the country?

Yes! So that... yes. They didn't want me to... represent the Russian Museum. They didn't want that. Then I went to the Hermitage. They also had exhibitions and I participated, mainly I displayed glass. The person in charge of glass displays was Malinina. She was madly in love with me, and later she was plotting against me. If I slept with her, I would have been riding a high horse. Can you imagine that?

Well, yeah.

And it was like that all the time. Anyway, she said, 'Ooooo, that's what you are now!' Like we met for the first time. But she did write an excellent reference letter. The director sealed it. And thus I was formally representing the Hermitage when I went to that exhibition. I already told you how I went to Venice and they welcomed us and I arranged the display of my glass. ... and so he decided to include my works in the international glass exhibition. Glass and other... art works. Well, mainly glass. Made a phone call to... Alborelli, the director. In Venice...

And was it when you came to visit him at his dacha?

Huh?

When you came to him? To the creative... you showed him your glass works?

Exactly then he did arrange everything! He... made a phone call from...

No, did he see your glass works then? Did you bring your works to show him or not?

What photographs?

No, glass. Glass?

Ah, yes! He saw!

He did? There, right?

Yes, he did and he knew already. When he saw my works, he immediately... at once... got interested. Because he also made glass works. He has works back when he was working in Venice... with masters. Because of that... he got interested. When he learned about that international exhibition he recommended my works. He immediately made a phone call to... Alborelli, they were friends.

He was his friend. He says: well, let him go to Saint Petersburg and prepares the papers and... we shall send the invitation.

So I got back to Leningrad. After I got the letter I packed and went to Moscow. I got approval to buy the ticket. It was a question of prestige for them and they agreed. I had a little problem at the customs because I brought so much stuff. They said, 'You have a lot of things!' An artist from the Soviet Union was going to an International exhibition. Well. I bought the ticket and arrived. I already told you about my... at the customs... I didn't tell you? About the time at the station... well...

When you fell?

Yes, with the... I fell carrying the glass...

Tell me how you got off the plane!

I was messing around with the glass! I was packing it into the boxes... they sent me to... Venice. And when I arrived... spent the night somehow. And then I was in the hotel. When I arrived, I went to the exhibition... everyone is dirty... Yes! Came from Moscow!

There were four other people from Moscow in Venice, four people. They said, 'How did you happen to be here?' They thought I was representing the Hermitage and they had no idea that it was Fuchs who arranged the whole thing.

Yes. Yes.

Because they all... they had the invitations. Those people arranged invitations only for themselves.

For their kind!

Only for their kind, yes. They cared only about Moscow artists. All that. And the rest – they didn't care about the rest. What artists? What works? They took the art works and they didn't bother to invite the authors.

Like they did in Japan, China and other countries! They were the most important persons, not the artists, because they took the works to exhibitions. The exhibition took place in a colossal four-story building. And every country had a display in a separate hall. Rooms!

They gave a room. Well, I also got a room, quite big one. Great wall. I arranged my own display and got dressed up. People admired both and complimented me. It attracted the journalists, they took pictures and it was some kind of promotion for me. The exhibition went on for a month. And artists from other countries – Germany, France, Italy – were free... they came with a whole team, they came with art critics.

They came with workers who arranged and organized stuff. They came with people advertising and promoting their art. And the artists had a good time. And there I was.

You had to do it yourself?

Yes! I did... alone... I did it all. I even didn't have an interpreter. Well, there was an interpreter from Moscow, and she helped me out sometimes. For many years her husband worked abroad and there she learned English. The communication was mostly in English.

So she sometimes interpreted for me. But I had to promote my art on my own. I even was able to get them interested; I did sell three wine glasses, one thousand dollars each. Wine glasses like that.

Glasses like this. There. I could do more. And then I left them...

We go on ...

Like that... I have glasses like that in the big room. It was Russian Baroque. And there was a farewell party. They took us out on motor boats, the music was playing. It was unforgettable. And an exhibition like that is a rare event.

There were other exhibitions before, there was one in England and I didn't get there. It was thanks to Fuchs that I went to Venice at all, but for him they wouldn't have allowed it. But at that time everything started to break up, our country was breaking up. It was the time of some kind of cross-roads. And thus I went abroad without any problems.

What language did you use for communication with Fuchs?

I... am telling you... that... in Vienna! In Vienna we met when he invited us to his place.

Yes. What language were you speaking?

I had an interpreter.

Ah! Interpreter!

That man... Victor!

Aaa, so he interpreted, yes-yes!

He was an Austrian, he spoke German. And Austrian... and German is like Austrian.

Same, yes.

Well, he called Fuchs. He said: you can, Borya, there is an exhibition. Here is Chetkov, glass artist. Yes-yes. He came. So he invited us. And also there was an actress, sister of the man... who took me to Moscow. I forgot his name. I forgot him too. And she was living there, as it appeared! And the three of us went to Fuchs. Well, he... She didn't quite appreciate him, of course. She said: Borya, your works are better than his! Only you are not famous.

Yes.

Do you see? Fuchs gave a good welcome to my works. He said my paintings were interesting but the colors are incomprehensible. Why such colors?

Your colors?

Yes.

Aha.

You see? So it was unorthodox, it was unconventional. But mostly he was interested in glass works.

Uh-huh.

Well, glass. And we talked. And after that we kept in touch. There is an art critic in St. Petersburg, Mikhailova. She was a professor. And she learned about me and Fuchs. She was interested in all great artists. She knew Fuchs well. She was in Venice, she went everywhere. And so she came to see me. She said, 'I looked at your works and got interested. I will write a book about you. Books. You are an extremely interesting artist. You have potential. You have interesting ideas. And imagination. And colors. Colors and imagination.' And we started gathering materials for the books. And in order to publish the book we needed the consent of the Artistic Board at the Artists' Union.

She came and told them. And all those acclaimed artists were scandalized. How come? There were acclaimed artists and she should write about them. Why did she need someone else at all? She said that other artists didn't have the potential. That was why she was determined to write about Chetkov. Unlike them he did have potential. The meeting went on and on forever late into night. Everyone was exhausted. Some people started to leave. The art critics who stayed told her, 'You go ahead and write! Why on earth did you need the consent in the first place?' Later we met and she said, 'Borya, I didn't know that you have so many enemies.' And I had no idea I might have enemies at all. They wouldn't accept my works, it was one thing. And they hated me... In the Soviet times they would accept my works for an exhibition but never actually display them. They put my works away. When I demanded to include them into the display, they said, 'Do you care to travel to the places not too far away?' (*in the system of Soviet euphemisms that means to go to jail**) They said my art didn't fit, wasn't in demand.

Later I stopped offering my paintings, and every time I brought my glass for exhibitions at the Artists' Union, there was always something – the window would break, the works would break, they would forget about my

works, they wouldn't have time to put them on display. Obstructions were all the time. There was not a single occasion that everything would go smoothly and people would get to know my art. And so I quit participating in those exhibitions. Absolutely. They would break the work and you cannot make another one. It is unique.

Yes.

After everything started breaking up I got involved in making stained glass. I made stained glass windows for the Artists' Union, there was a Stained Glass Department. After the break up, monumental artists separated and organized their own department. And then I started to bring my works for exhibitions again. But my art still didn't get promoted. Once during an exhibition an art critic approached me and said she wanted to research my art, she liked it. They wouldn't agree to publish. Well, what could I do? And recently there was an exhibition dedicated to the sixtieth anniversary of the Soviet Union and they wouldn't accept my painting. It didn't fit in. So it is the same until now.

What kind of records did they have?

What did they have? Let's say I had a painting, *Midnight Ride*. It is three warriors. It is pure politics.

And this is still dangerous. There are three warriors. The first one is riding a dead horse – Lenin, Trotsky, Stalin. It is pure politics. And you need an excuse, an occasion to display it. Because...

Reason.

Yes. You need a reason. Otherwise they are scared. What would people say? What would the boss say? They are scared of the consequences. They don't want to lose their position, they are close to the feeder. All of them are distinguished. Those who are not yet distinguished want to be distinguished. And here such an unpleasant occasion! A Chetkov brought his painting. What for? Put it aside, and that's it.

No problem.

Right! That's it. And so here I am. Interesting works, cutting edge works so to speak do not fit their frames of art. And they don't display them. They display their own works. And I am put aside. Even though I have been a member of the Artists' Union for more than thirty years.

It's going to be forty years soon. And I don't need any more to run to the Board meeting and show my works and still this is my situation. Some of my works are in museums abroad. They bought my paintings and Russian museums aren't interested in my drawings and paintings. They are absolutely not in demand.

The only thing that fits is glass, my glass works in the Hermitage and the Russian Museum, some of my works are in the museums of the republics of the former CIS, mainly glass. Even though there are books in America about my painting. None of that makes an impression.

So we were talking about Fuchs.

Yes.

After a while I somehow... bumped into... understood... learned about... Fuchs... a Pushkin Group. It is affiliated to the Pushkin Museum. And the head of the Group is Pushkin's relative. He currently resides in America. Kenneth Pushkin got interested in my works, and so we started collaborating with the Pushkin Group. It is about the artists who are not recognized around here.

Unofficial artists.

Yes! Yes. Those that... You can say they are Underground artists.

Yes.

Kind of underground... underground artists. So Pushkin started promoting my art, exhibiting my works, buying my paintings. Also he published the book. So we are friends across the distances. He introduced me to his friend, the great-grandson of Alexander II.

That man... Georgyi (H.S.H George Yourievsky)... He lives in... we sent my works there?

To Switzerland.

Ah? Switzerland? He lives in Switzerland. He also visited me here, he spent here several days. It turned out, he has a room in an apartment in St. Petersburg, he bought it. The real estate. And he and his wife would come to Leningrad. And they would meet Kenneth Pushkin. They would organize salon meetings for aristocracy. Even I got invited to be present once. The great-grandson's name is Georgyi. I painted his portrait. And I painted Pushkin's portrait. Pushkin's relative. So we keep in touch.

Yes.

Well, I plan to organize a solo exhibition somewhere. Well, Mikhailova. She published the first book *Fantastic Realism of Boris Chetkov*, she took advice from Fuchs, she took advice from the Russian academics. They approved and she wrote the book. And we organized a solo exhibition at Brodsky Museum. We positioned my art as Fantastic Realism, there was a lot of interest. And many people visited the exhibition. And another exhibition took place in the Artists' Union, also Fantastic Realism. In the end she defended the doctorate dissertation and she is a doctor of philosophy and art criticism. And I am still the person and the artist I used to be. No honors, no benefits. This is in spite of the three books. One of the books Kenneth published in America. I have this book. Another book is in the making.

Portraits.

Yes. The book is *Boris Chetkov. Portraitist* by... an arts critic from the Russian Museum. It's a monograph.

Borovsky?

Borovsky! Yes. He wrote two books: one about painting and the other about portrait. And in spite of the fact that Borovsky is very influential, so far I have no invitations to participate in exhibitions at the Russian Museum. No offers to buy my paintings or receive as a gift, either. So I am still in this condition.

Underground.

Yes. I am still an Underground artist.

You are still underground.

Exactly. Still art critics and artists are interested in me, I always collect a crowd around me, we talk about art. And it never gets to the front office. There is an anecdote about a situation with me when Yakovlev was the

mayor. He was very interested in art. And I was in Hermitage, it was an annual exhibition of artists, a kind of report that they did during the year. And the artists don't have to be members of the Artists' Union in order to participate. If the works are interesting they are admitted. And I went to that exhibition and took the catalogue of my glass from the exhibition in Venice. We didn't know each other, but he greeted me and we talked. I showed him the catalogue. And he said, 'Good, I will come to your studio.' He said that in front of his entourage. He was a mayor, you understand.

There were his assistants and they promised to get in touch. And a while later I got a phone call. They said: 'We shall come in a week. Get ready.' Well, I did. And there was another call: 'We shall not come. We are not ready.' It was another obstruction. They don't want to promote me.

And the connection with the mayor broke. And I am still where I used to be. And if he did come, who knows?

Television.

There would have been some advertising.

Yes.

The mayor comes to the artist's studio. There would have been advertising. People would have started to talk, write articles. Who needs that? Who is that Chetkov anyway?

They have a company of their own, they have to think about their interests, which do not include my promotion.

Probably it should be mentioned that in this sphere, in the sphere of art and exhibition activities, auctions – all of those are controlled now by a specific group of people who promote only their protégé, yes.

Yes! Their people.

And they are making money.

Yes.

This is strictly about business.

And they are making money.

Culture.

And I... They don't want to share with me. There was a time I was with the avant-garde painters, we were together, Russian avant-garde group. They are still around, they have a gallery now, and they separated. Now they are silent and back then it was all the rage. They invited me. And since I was a member of the Artists' Union they said, 'The academy doesn't recognize us and they don't allow us to participate in exhibitions. And there are members of the Union among us! This is why they needed me.'

How come? And they needed me until they solved the economic issue. And as soon as they started selling and getting money, as soon as they got promoted, they didn't need me. And they kicked me out. I wasn't a part of their company anymore. I supported them when they needed it and then they didn't need me. It's

universally the same way. In politics. In art. And art is the same politics. Nobody needs pure art. This is how come I...

Money-money.

So I understood that they didn't need me. And I dropped back. I started painting. I wasn't particularly interested in the money issue. I had a salary. Every month I got a salary. So I didn't care. I only painted.

Creative work. Yes.

Creative. I was involved in art. I made sketches for stained glass. And it didn't matter whether they were accepted or not. If they were accepted. I made a sketch on the cardboard and gave it to the craftsmen. The craftsmen made the stained glass window. I only supervised.

This is it. I did only that. All the rest of my time was for painting. When I worked at the glass factory I always dragged my boys to plein air to paint sketches. After work two or three times a week I took them there. I introduced them to culture and art. I took the craftsmen to the Hermitage and the Russian Museum. I brought them to the Artistic Board meetings. So that they could grow as craftsmen. I got into hot water because of that. But I said, 'That's not your money! It's the factory's money! If the factory pays for the business trip – what do you care?' When I brought my boys the Chief artist always said, 'Did you bring your gang again?' But they had to grow, they needed it the same way as we did. And I had conflicts and obstructions all the time. But they have never really impeded me. They kind of helped me to move further and promote my people, people around me. I had the best craftsmen. They were experienced and they understood glass. Because they reached that not through education, they developed it from childhood. Their fathers worked with glass and they ran to the factory and watched their fathers work. They got interested. Some of them had the education of seven grades, some of them spent eight years at school. But they were artists, they were craftsmen.

They felt glass and they knew it, it was their bread. And you only had to push them forward a little and give them culture and then they made such stunning things! Divine things! Do you understand?

After you left the factory, did they continue anything... at all?

No! And after I quit the job, everything got ruined.

Everything was ruined, right? You mean they didn't do anything on their own?

Everything... yes! My craftsmen went each and every way, some went to sweep the floors at the factory, other men went to work with moulds. The team fell apart.

I came to visit them after a while. There was a man named Viktor, and also some other – they started drinking. Many of them died. Only one remained in the end, he was such a small guy, Goroshkin Valera. He didn't drink nor smoke. He still lives there. I came to visit him. And the rest of them are all gone. I left and everything fell apart. Who will hold them? New artists came to work at the factory but they didn't have the authority I held. And so, the foremen...

Crushed them.

The foremen crushed them. For a while the team kept working together but they lost interest.

No leader.

No, no, no. No leader.

Boss.

Certainly. I set them on fire, so to speak. They felt it. I took them everywhere. They would say, 'O, Boris arrived! The chief is here! Let's go!' And so it went. And after I left everything fell apart. The next artist started making some kinds of bottles and cylinders. And who cares about that? What's the point? He would look down at my works: 'What is that?' And he was the one with the artistic education! This is how come everything fell apart. The Soviet system fell apart and everything followed: the factory came to ruin. People scattered.

I see. Thank you, Boris, for the interesting stories about your life, about your art. And maybe we shall talk about art in general? About the kind of art... that it should be? Should the artist – the real artist – think about how... his art is selling – whether his art is going to sell? Because when a man thinks about money it is not quite art.

Right! Well...

It is craft.

Well, yes. Even back before I joined the Artists' Union and they wouldn't accept my works for exhibitions... I didn't care about the economical issue. Why not? Because I had an income other than painting. I made stained glass and I taught. Painting was such a matter, it was something spiritual, other-worldly. I didn't think how to sell my art, how to promote it, to meet the necessary people. If they invited me to participate in exhibitions, I did that and later took my works back home because painting and money are incompatible.

They are incompatible. So I never even thought like: I have to sell it right quick, I have to run to the Nevsky and show my paintings. I never had that inclination. I was painting. I was interested in painting, I was painting, and I piled up my paintings in the studio. They stayed there. If somebody cared to look at them, they came and looked and I sold them. I didn't ask much money. I charged the money in order to support my painting activities, buy paint and canvases. But mainly I was painting for myself, to please myself and to develop my abilities, to evolve my art. So it kept me fit. Also I read about art a lot. I visited museums. I went to the library. I never stood still. Do you understand?

When I studied at Stroganovka, we were good friends with professors. And other students said, 'So what? Of course, he gets excellent grades, he is sitting in the library all the time!' You could do that too. Who kept you from that? I worked hard, I read and painted. And they couldn't wait till the end of the class when they could run away. That won't do. I mean it was their business, and I had another attitude. I had a rigid schedule. I went to bed at midnight. I didn't get up at four, I slept till half past five. I did morning exercises, and went out to make sketches. At eight I was coming back and other students were just waking up and hurrying to the institute. And I went to have breakfast and then went to study. During the one hour break I went to open air painting for half an hour and the other half an hour was for lunch. I had a small sketchpad on my finger. I was painting.

And later other guys told me that they still remembered my sketches. Nobody else studied like that! Nobody cared as much. In the evening other students from all departments gathered and we were drawing. And during the day I was painting. It was our major, painting, it was a part of curriculum: painting, still life, composition, modeling, all that stuff. And I worked hard, I studied all the time. It is interesting to study! You get to know things, you go places and you learn things. And now I think back to our student group both from St. Peters-

burg and Moscow universities. Almost nobody became an artist. I am the only one. I paint and I draw. And I work with glass. And they shifted to other activities. Some of them went to Nevsky, to draw.

Well, they went to make money! Make money!

Yes, they went to make money.

That was the whole point to go there – in order to...

No, they didn't find their way. And I was spared this need to make money. I was spared that. If I had a financial difficulty, something came up: someone would make me an offer, someone would come and buy my painting. And then Kenneth Pushkin came along. He systematically supports me. He would come once or twice a year and he would always buy something. So I never had to worry about money. And now I do not. Nobody ever commissioned my paintings. I never made copies. I did paint portraits for the great-grandson of Alexander II and for Kenneth Pushkin. They offered to pay and I gave them away.

Nickolas II.

I mean Nickolas II. Wait – alexander. Not Nickolas! Alexander II.

Alexander?

Alexander, the one who got killed. Well, the Cathedral of the Spilled Blood. He was killed there.

The Church of the Spilled Blood!

The Church of the Spilled Blood. He was killed there. There... This was Alexander II. Not Nickolas. And that was grandson.

Boris, could you please... it appears from your arguments that... one might conclude – at least I do – that the real art, same as real love – is selfless, not for money. When you do something you are not counting on the possibility to sell?

Naturally!

And that...

Naturally! I never...

For some kind of profit!

Well, I never!

You simply do something because...

When I was painting I never thought about profit. I never thought about sales. I never intended to sell the works I exhibited. It never crossed my mind. Some artists say, 'There! I will have inspiration and then I will go and paint!' I never had this in me. I come, open the easel, take the brush – and right then and there I have an idea for a painting. It kind of doesn't depend on me. The idea comes to me and I get to work. I work and

that's it. And where will it go? Where will the painting end up? If I stop and hesitate and think, I tell myself: 'What am I afraid of? This is not for an international exhibition or something! So what am I afraid of?' Go ahead, put audacity in your painting! You have to impart your heart when you are painting.

No restraints, right?

No restraints! Absolutely no restraints! [I am] Completely unfettered and free. My works in painting and drawing and glass are different. Still some people got interested. And some people felt antipathy.

Yes.

What is he up to? We told him! Do it like others – and he brought something entirely different again. So it came to the extremes, when they said: You have to paint like that, or... paint like we do!

Otherwise you are gone!

Otherwise we are going to get you. How many artists went to jail after the revolution? How many of them were sent to Gulag and other places like that? Somebody got killed. Because of their art. And what did Hitler do? What was going on in Germany? The same thing that we had in the Soviet Union. We recognized only Social Realism. Thus painters working in other trends kept to themselves. They painted and stood the painting to face the wall. I did the same. I didn't show them much. And that was the only way to survive for people like me. And if we started insisting...

Well, yes. If they were sticking out their necks, they would have disappeared – that's it!

Yes, exactly what I experienced in Moscow. I was only talking about art and that was enough to kick me out even though I was going to graduate that year!

Can you imagine that? It happened just because I had my own opinion about art.

Otherwise-minded?

Yes, the dissident – otherwise-minded. And that was it. And still there happened to be around a man who didn't want them to kick me out. He helped me to get transferred to Leningrad. And there I finished studying and started to work. And wherever I worked, whether it was teaching or making glass, there were people to create obstructions because I could never fit in. They wanted one thing and I wanted something else. I spoke my mind. I said what I believed to be healthy and good for the further development of art. And they didn't care about that. Who needs somebody else to develop art? Everything was simple: arrange the still life and leave the students, let them paint. I would do otherwise, if I set the still life, I would talk about still life, and I would talk about composition, color theory, mood. I was like a show-off. I was alone. I wanted the students to get involved, to get interested. Who cared about that? Just set the still life and leave them alone. So they were painting and never had a clue what it all was about. People like me, nobody needs them. Right now I have such great knowledge and understanding and nobody cares to invite me. Nobody needs me to share what I know. They don't care to hear what I learned about glass or painting or drawing. They have no use for my knowledge. How come? Because it belittles their knowledge. They can't bear it that I might come and show off. I would talk to the students and they would get interested. The students would talk to me and get attracted to me. And according to them what am I? Who do I think I am? And so I am not in demand, I am underused. I still create. I paint and I don't care about positions and honors. I only paint and that's it.

Still I am sure that your art, your legacy – it has a great future. And without any doubt it will enter the history of humanity. It seems to me that its place is in the art history.

Yes, I think in the end I will be a part of the art history. What makes me think so? There are many of my artistic works in Western collections. There are books, *Fantastic Realism* by Mikhailova. She presented a copy of the book to many libraries in cities like London, Paris – everywhere. And she is known as the Doctor of philosophy and art history and criticism. There are my art works in the Hermitage and her book is there in the library too. So maybe after a while it will surface. But right now is the wrong time for that, the wrong time for books. And in her books she talks about very interesting trends and schools of thought in philosophy, she talks about composition and the history of art and painting, she talks about artists. There is everything. But right now nobody cares. It is too highbrow for them. So they put it aside. And there will be the time when it will be interesting and that will start progress.

I see.

But it will take a long time. So, did we forget to mention anything? Well, all that's left for me is to paint and be satisfied with art.

Even that is kind of tough.

Act after your kind...

Even that – not always. A?

Listen to your heart and be true to your kind of art.

I am still searching... many of my artistic works are not satisfactory for me. So I keep painting, working, and drawing. If I were satisfied with my art works, I would give it up.

It would have been done.

Yes.

Not interesting any more.

It would have ceased to be interesting. It would have been boring like the life of an ordinary man. To be a craftsman is good, but fantasy, imagination is different. The subconscious is one thing. The conscious is one thing but the subconscious, the ability to express your ideas is different. Thus it is not understandable for anybody and everybody. And since not everyone can understand them, my artworks remain in my studio. Some people are more intellectual, more advanced, they buy my art or just come to see my artworks in my studio. They say, 'Show me what you are painting.' This is how life goes on. Some people say: art is not forever, art ends at some point. Nothing of the kind! As long as the person lives and creates, so long there is interest. And fantasy, imagination will not abandon the person!

Inexhaustible?

Yes, the creative process is inexhaustible. It only gets exhausted when you make a long break, and then you will have to work to revive it. And if you consistently create, on and on it will go.

And finally everything comes to an end. Life ends and art ends. And maybe some day someone will start digging you up, will start to discover your art. They will learn that you have been around, you existed. And

while you are around yourself not too many people appreciate your art. You need to be strong, you need people who will promote you. And as long as you don't have such people, the art remains with the artist.

Yes. Moreover, in our times this...

Even more than ever now, yes...

... everything is expensive...

Exactly! In our times!

... to get promoted and known to people.

Yes.

And get to be seen by people.

Now they don't have time for art. We cannot afford being fat, we hope we don't starve. You see?

Boris, thank you very much. For your... for your stories, for sharing with us... for telling us about your concerns and your life. We wish you... I wish you... health, creativity and... that your imagination will stay with you forever.

Well, yes. And we'll try to promote art anyway, right?

Yes. Certainly.

ИНТЕРВЬЮ С
БОРИСОМ ЧЕТКОВЫМ
2009

Настоящий документ является не отредактированной транскрипцией интервью с Борисом Четковым (переведенного с русского на английский язык), записанного у него дома в Ломоносове (пригороде Санкт-Петербурга, Россия) в декабре 2009 года.

Добрый день, Борис Александрович. А-а, расскажите, пожалуйста, что-нибудь автобиографическое, из своего прошлого.

Четков: Прежде всего я начну с начала, начну с того, что откуда произошло моё это... откуда я произошёл, собственно говоря.

Четков: Мама моя из Перми, город Пермь, деревня Куеда. До революции жила она с братьями, с семьёй со своей. Братья были иконописцы, а отец и мать... ну вот, были священнослужители. Но так как произошла вот эта вся катавасия – революция – они просто исчезли неизвестно куда. Их было трое в семье детей, маму отдали «в люди» служа... служить, а младших – сестра и сын – отдали в детдом.

Четков: Ну вот я не помню, не знаю подробностей, каким образом, она появилась в Свердловской области где-то, город Новая Ляля, а потом деревня Куеда. То есть, да. В деревне... не Куеда, а в деревне... ну как она вот это...

Султаново.

Четков: Деревня Султаново. В деревне Султаново. Вот восемнадцать, ей было восемнадцать лет, и она вышла замуж за моего отца. Он жил там, жил... жил со своей семьёй. А происхождение моего деда таково. Вот в этой деревне Султаново жили зажиточные люди, у них не было детей, и им даже там люди там посторонние люди говорили: Возьмите себе ребёнка любого – у вас появятся дети. Ну вот и однажды утром они проснулись, у них на заваленке лежит ребёнок.

Дед Ваш.

Четков: Да. На заваленке. Ребёнок одетый в хорошее шёлковое одеяло, там с кружевами, всё. Вот и метрики, метрическая справка: Андрей Четков. Дальнейшее происхождение его больше уже неизвестно. Вот они его взяли и начали его воспитывать. Воспитывают. Оказался очень толковым и работоспособным парнем. Человеком. И вот эти родители приёмные увидели, что он продолжит их род и продолжит их это... дальнейшее богатство, так как они жили... зажиточные люди, и они его оставили у себя и стали его воспитывать. Вскоре родилась дочь у них. Назвали её... вот это русское имя, я вот что-то... вылетело из головы, ну ладно. Вот. Она тоже росла такая красивая девушка, дали ей образование. И она, значит, в семье... ну как-то они, друг друга они не замечали почему, потому что он был всё время занят своей работой, а она своим делом.

Каждый сам по себе был.

Четков: Да. И вот. И когда уже ей уже исполнилось уже... возраст такой был, надо было выходить замуж, но ей... отец ей говорит: Вот я вот говорит может быть выйду замуж за того-то, за того-то. А он говорит: Нет, вот твой жених. Ну она, конечно...

Это ведь Ваш дед был.

Четков: Да. Она в некотором замешательстве была. Как это, вроде бы брат, вместе жили.

Четков: Вот, её звали Апполинария. Имя дали ей Апполинария. Русское имя Апполинария. И вот это... Ну что ж, ну она поплакала, всё – что же, как сказал отец. Они поженились. Поженились, он на редкость оказался работоспособным, очень хозяйственным парнем. И вот и начали они уже наживать вот это хозяйство у них появилось, хозяйство большое, появился вначале старший, старшая дочь, потом сын за этим пошёл, вот – Александр, мой отец Александр, потом Володя пошёл, потом Тоня пошла. Ну, и когда появились дети, значит, дед в это время, значит... Все эти мужики когда началась зима лежали на печках, а он брал лошадей и шёл в извоз, ехал в город, там привозил... Ну вот бархат привозил, товары, головы сахара – всё. Ну, она видит, что такой

Дельный

Четков: ...толковый парень, и она его полюбила – деда.

Со временем, да уже?

Четков: Да, любовь появилась уже, лучше деда не было. Ну вот они жили хорошо, зажиточно. Значит, отец мой рассказывал: дед – говорит отец – ребята, говорит, уже было четыре человека, уже была семья, двое молодых этих людей, и уже значит старшая дочь, средний сын – уже четыре человека – это уже шесть человек, это уже целая... целая бригада. Он говорил: Ребята, меня не интересует – спите вы ночь, не спите, гуляете – в четыре часа лошади запряжены – едем на покос. Ну что, говорит, мы сонные там говорит кое как садимся на лошадей, на телеги – и поехали. Потому что были свои земли были уже, были свои эти... пах... поля.

Большое хозяйство было?

Четков: Да. Было большое хозяйство. Ну и вот, говорит он, нас всех выстраивает дед, а сам сзади – если говорит кто что замешкался – по пяткам косой. Понятно?

(смеётся) Косой!

Четков: Да. Некогда. Не больно, говорит, с нами чикались... считались, надо работать! И вот говорит, мы работаем и когда мать готовит там что-нибудь, там завтрак там, пообедать, мы говорит немножко вздремнём по чуть-чуть там, потом опять. Поэтому вот так вот мы и жили. У нас были выездные лошади, было большое хозяйство, то есть уже такое значит – и всё своим трудом, никого не было, никаких этих наёмных работников. Ну и вот когда началась эта вся заваруха, вся это там – начали кулачить всё, мужики, которые лежали на печках и в зиму, вот праздники там, Новый год, им разносили – наши! – разносили им пироги, угощали их всех этих лентяев, которые там на печках были, они приходили: Андреич, кулачить тебя будем. Представляешь себе? Ну что? Ну, вот кулачить-кулачить. Ну и вдруг однажды произошло такое несчастье, они пошли все в церковь – все! И оставили бабушку одну – их тоже – ей говорит больше ста лет было, оставили её дома. И она полезла иконку... зажечь там свечку, к иконе полезла зажечь. И упала. И упала и значит у ней свечка с этим упала на пол – и загорелось всё. А уже был построен для Володи уже, для отца уже дом построен, там ещё уже хотели там выходить... выдавать замуж, то есть было уже колоссальное хозяйство. И вот всё это вдруг загорело. И они в церкви все стоят и говорят, что-то, говорит, какой-то, говорит, пожар там сильный. Отец говорит: Так это же, говорит, мы горим! И все побежали, побежали все там. Ну там уже дом уже полыхал, уже ограда уже горела. И что делать? Давай лошадей выводить. Лошади не выходят на огонь. Бояться – ты понимаешь это всё? Но, говорит, кое-то там собрали... спасли, говорит, там. Ну, что оставалось делать? Забрали то, что... кое-что было и поехали в Новую Лялю. Вот так вот с деревней они Султаново и распрощались. Приехали в Новую Лялю там. Ну я уже там родился.

В Новой Ляле?

Четков: Да. Уже родился в Новой Ляле. Вот. И вот они стали жить. Опять-таки дед построил своё хозяйство опять-таки. Был большой дом. Была большая ограда. Двор был колоссальный. Была лошадь, были... куры были там, были овцы, были... корова была. Понимаешь? Телята уже были, то есть уже был полный двор такой. Уже всё хозяйство было. Я помню, как вот я уже маленький был уже, мне лет пять, был значит двор мощёный... вот этим, деревом... то есть эти... брёвнами. В то время там были строганные брёвна, мощёный двор был. Были большие ворота такие закрывали значит там. То есть всё это было хозяйство. Ну и вот я значит уже... уже так было лет четыре-пять. Я приезжал всё время в гости к ним, и моё любимое место было лежать на полатах. То есть печка, а потом полати – выше. Наблюдать, как всё это ведёт хозяйство.

Как все работают.

Четков: Велось хозяйство всё это, за всем наблюдал. Вот. Значит, было: кухня, была большая комната, спальня там была, и вот в большой комнате были значит эти... кар... репродукции. Рембрандта, я даже не знал. Рембрандт с Саскией на коленях. Он там вот так (показывает) сидит вот так вот. Я даже не знал это, ну – картина-картина. Эти... фотографии артистов «Горя от ума» были, там... то есть он...

Это дед интересовался этим всем?

Четков: Всё это деда было, деда, он всё это оттуда привёз. Вот. Были книги, такие в этих, в кожаных переплётках с этими, застёжками такими медными. И я конечно всё время интересовался вот этими книгами. Где там были лошади. Всё время листал там, это разное там всё это. Смотрел на картинки там, и всё это меня очень интересовало. Выходил во двор там, и вот. И потом я однажды обнаружил, что у деда есть чердак.

Угу.

Четков: Чердак. И на чердаке я обнаружил у него всё вот это... утварь, которая была в деревне в Султаново, он вывез и сделал, как в музее. Значит, сбруи, лошадиные дуги расписные, такие знаешь вот расписные, как раньше расписывали, эти колокольчики, вот эти ширкунчики вот назывались, ширкунчики, колокольчики там были. Плётки, начиная от толстой кончая тонкой. Цыганские плётки. Сани, выездные расписные, такие красивые, всё это было, когда в Новый год или Масленицу выезжали, знаешь, на лошадях. Красота была, тройка там запрягут – всё это было, потом... значит, прялки, даже с паклей там расписные всё. Всё это у него было, как в музее. И вот я туда когда приезжал, тихонечко уходил и забирался на чердак. И всё это рассматривал. А они меня искали. Где я, как. Ну, ещё потом я появлялся, а где ж ты был мы тебя найти не могли? А потом дед меня обнаружил. Вот ты куда, говорит, прячешься.

А он это делал для всех... Ну, как... Для кого он всё это делал? Музей, дед Ваш. Для всех или для себя?

Четков: А он просто собрал для себя, как память, понимаешь ли ты?

То есть у него не было цели там... своим детям, внукам?

Четков: Он об этом как-то даже не говорил, но он просто собрал то, что было... было... какое хозяйство было. Это ж... Это же важно, ты понимаешь?

Прикладное творчество народное. Тех лет.

Четков: Да, народное творчество. Да. Там и горшки были, там всё это. Всё народное творчество. То... то, что было там. Я вот в музеях смотрел, в музеях этого нет, не было. Такой красоты, такое количество

собранных вещей. Понимаешь вот? Откуда у него такая была любовь к этому – я не могу понять .
Даже...

*Ну, и волей-неволей вся эта утварь, всё вот это вот окружение и творчество тех времён, оно переда-
лось Вам.*

Четков: Да. Оно меня как-то...

Оно Вам передалось.

Четков: Оно подействовало на меня. То есть именно как-то вот я... внушило мне, тем более, я видел эти репродукции Рембрандта, а потом я только узнал, что это репродукции, книги вот эти, дорогие вот эти, в кожаных переплётах с застёжками медными там, все эти фотографии, всё. Хотя об этом они мне и не рассказывали, как что, но я сам уже потом, потихоньку... когда я уже был старше, я потихоньку себе это воспитывал, впитывал в себя. И вот... потом когда дальше... я всегда как-то вот... когда мы жили в де... в Лялях жили, вдалеке от них, и идти к ним, к деду, через железную дорогу, через вокзал.

А у деда был отдельный дом, да? Свой. И у Вас свой.

Четков: Отдельный! Свой дом у них был. А мы жили в квартире.

Ааа. Уже.

Четков: Для меня это было не очень интересно. И меня манило туда, ты понимаешь ли? И вот как-то я туда однажды пошёл, значит через железную дорогу, там большая такая насыпь. И я хотел перейти. В это время идёт поезд. Поезд идёт, ну он, машинист видит, что я туда, и он как пустил пар! И я покатился. Покатился, упал, значит. Покатился. Поезд прошёл, и я пришёл, и я говорю: Баушка, баушка, меня железным дождём меня облило! Железным дождём. Понимаешь? Я ей рассказываю, что меня вот это, паром меня вот это там. Ну она... они там посмеялись всё это. Ну ладно. И вот так вот я ходил. И потом значит когда... дед любил меня так вот. И ему было это интересно со мной. Он когда колол, допустим, на праздник скотину, ну телёнка или что, он брал меня с собой. И вот он, у него такая какая-то привычка была, он пил кровь. Отрежет и подставлял этот... кружку и пил кровь и мне давал. Кровь пить. Я тоже пил кровь с ним вместе.

Ну вообще.

Четков: Потом когда приходили мы домой, вот, он эту кровь жарил на сковородке. И мы с ним вдвоём это кушали, вкушали сидели. Никто не интересовался этим делом, только мы с ним. (смеётся) И вот он так меня водил, ты понимаешь вот? Теперь дальше...

Языческие традиции там какие-то, да?

Четков: Наверное. Наверное, вот именно – откуда так появилось, вот именно что – языческие какие-то. Откуда у него было? Я... Ему-то никто не говорил, он же такой был.

Да, да.

Четков: Да. А вот у него...

А сколько Вам тогда было лет приблизительно?

Четков: Да мне пять-шесть это лет не больше было всего. Так вот. И вот такие так вот штуки делал.

Потом, запрягал лошадь, а у него был Гнедко такой мерин, здоровый мерин, коричневый. Он его запрягал, а меня садил верхом. Так мерин не любил, чтобы кто-то сидел и меня всё время стаскивал. За валенки – стаскивал меня мерин! (смеётся) А он – Ну, на него. А дед был небольшого роста. Так метр шестьдесят пять-шесть, вот такой рост, но такой ядрёный был такой мужичок. Ну и вот ещё это когда в Октябрьскую, откармливали свинью. Большая такая, дородная свинья. Её заколоть трудно было, так они выводили её, а ограда была большая, так они её стреляли. Из ружья застрелят её, ну и обделывают там её это, мясо там, гуляняка идёт там, приезжали братья, у него двоюродные были. Большие здоровые такие мужики. Ну и вот гуляет, а потом значит они друг с другом, значит, тянут эти на коромыслах тянут, то есть мм... Да, коромысла. Тянут – кто кого перетянет. Ты знаешь такую штуку?

Нет.

Четков: Вот так вот садятся. На пол.

Да.

Четков: Ноги в ноги.

Да.

Четков: И кто кого перетянет! Понимаешь ли ты – вот такая была русская вот эта. Ну вот, кто кого там перетянет, начинают уже шуваркаться, уже начинают друг друга уже... врукопашную идут.

То есть (смеётся) потихонечку переходит в другое.

Четков: Ну да! В другую вот это вот. Это (показывает) начинается, да? Ну тут бабы конечно вмешиваются, там всё-всё – опять-таки, ладно! Опять начинают выпивать. И так далее. Потом уже разъезжаются. Вот такие были праздники, я запомнил. Ну и вот как-то однажды, в Октябрьскую, меня одели, одели меня в пальто, воротник мне с шарфом, там всё это. Ну и вот там я хожу и по этому, по ограде и пою песню: И никто не узнает, где могилка моя. Они песню пели там это, И никто не узнает. А я пою: И никто не узнает, где могилка моя. Выходит мерин, берёт меня за эту шкуру, и давай меня вот так вот (делает жест вверх-вниз), представляешь себе? (смеётся)

Как котёнка.

Четков: Да! Поднимать туда вверх-вниз. Выше. Выскочила бабушка, говорит: Мужики, говорит, Борьку-то мерин хватает, таскает, говорит, за загривок! Ну, они выскочили он говорит взбрыкнул говорит ногами и убежал. Ну меня то есть...

Это он так на песню отреагировал?

Четков: А?

На песню отреагировал?

Четков: Не знаю, наверно. Да, то что я тут хозяйничаю, хожу во дворе, понимаешь ли? Кто такой тут появился? Он уже хозяин-то уже тут. Ну он меня-то, а там, конечно, там был толстый воротник, шапка такая вот, и шарф. Он, конечно, за шарф меня. Если бы он так меня схватил за это место, он перекусил бы. Знаешь, у лошадей пасть здоровенная какая. Зубы такие – уу что ты.

У них мощные очень челюсти.

Четков: Мощные. Они когда дерутся, это вообще – ууу. Ну и вот. Ну вот отпустил меня-то и всё, посмотрели – всё нормально так.

Жив-здоров.

Четков: Жив-здоров. Да-да. И вот. И когда вот лето уже начиналось, значит, они значит что делали – свиней отпускали в лес, свиней. И гусей то же самое, отпускали в лес. Ну а бабушка моя такая хитрая была, такая насмешница. «Боря, иди, пригони гусей домой! Иди!» А я тоже знать ничего не знаю, ну и иду туда. Как начинают – а гусак как начинает шипеть на меня! Я бегу и гусак за мной! Летит за мной, я там со всех сторон. И он уже вот-вот, а подворотня была – я раз в подворотню! Скрываюсь и ему уже некуда. А она смеётся: «Ну как, говорит, пригнал, говорит?» Ей смешно было старушке! А мне-то никак не смешно было, понимаешь? Бежать, бежать от этого гусака.

Развлекалась бабушка.

Четков: Ну, вот такие... ну так вот... а потом как-то, конечно, я не помню, как это всё произошло, мы как-то уехали, уехали в Красноуральск. Город Красноуральск. Вот там... я не знаю, каким образом, где там что, ну отец значит получил должность этого... начальник... начальник отдела, то есть... ну, начальник паспортного стола. Вот...

А сколько Вам уже было тогда лет?

Четков: Ну, мне было там уже, может быть... ну уже, может быть, восемь там... может там, больше там лет. Вот. Потом он замещал директора, то есть мы уже жили там хорошо. Шикарно. Была трёхкомнатная квартира. Отец даже взял женщину... девочку, её мы... удочерил её, удочерил. Ну, вот. Но потом оказалось то, что она говорит сирота, а у неё оказался брат, она там продукты воровала, ему в окно выдавала. Понимаешь ты? Вот. Потом значит она ночью наберёт этих... печенья, пряников, обмочится... всё обмочит, понимаешь ли ты? Вот такая вот. Ну... была, отец её потом... отдал её. Отказался, отдал. Ну, аааа... Значит, получали... получали мы продукты в закрытом магазине. Тогда были торгсины, такой маленький магазин. Продукты там все были. И там колбасы там, масло там, всё. В то время, в тридцатые годы уже были знаешь... голодные... народ-то так...

Это не для всех было, да?

Четков: А?

Не для всех такие магазины были?

Четков: Да. Да. Торгсин – только для высшего состава.

Ага. Понятно.

Четков: Для высших, понимаешь ли ты? То есть директоров заводов, для партийных... то есть обкомы, райкомы там понимаешь? Такой. Ну и вот мы ходили. Нам привозили продукты. Привозили. То есть привезут нам на лошади привезут, на машине там. Ну вот так. А потом как-то вот так получилось, что, очевидно, в тридцатые годы там вот эта чистка партии началась. То есть там... я помню, как... такие вот руководители, как Пятаков, Ягода – их... А Ягода был этот... вместо этого... побольше... по этой... по политической части Ягода, то есть ну как... как вот был этот... расстреляли потом последнего вот этого грузина. Сталина, после Сталина смерти. Его. Он... вместо него был.

Угу.

Четков: Потом его сняли, Ягоду расстреляли, а его поставили. Забыл его. Вот. И у них всё вот такое,

и отца тоже хотели там, его из партии выгнали, и он спасся тем, что просто его с работы уволили и из партии... из партии выгнали. Вот. Ну и вот, мы значит сразу после этого отец... уехали мы. И мы начали ездить по всем городам России. И он значит так как он был хороший специалист, он знал пилоправное дело, знал металлы, знал, значит, всё это, знал дерево. И вот он мы куда-то приезжаем, значит, поначалу мы где-нибудь дадут комнатуху или барак, он шёл там куда-то на производство, и показывал документы и всё. И нам через месяц давали квартиру. Какую-нибудь.

Так просто всё было.

Четков: Однокомнатную, понимаешь вот, в хорошем бараке, в доме... ну, давали. И значит он там устраивал себе какую-то комнатуху там где-то в сарае там, к нему приходили вёдра чинить там, чайники там, замки, пилы точить, он всё это делал. Представляешь? Мужиков-то не было таких специалистов, пилу наточит там... зимой там надо кому, кому какая разводка, всё. Летняя разводка, зимняя. Пилы, я помню, пилу возьмёт там, проверит её, какая она хорошая, значит, Вот это, говорит, хорошая пила, вот это плохая. Ну я там крутился возле него, понимаешь ли ты? Всё это уже знал, эти все... пилы какие знал, какие тиски уже, что такое, как это пилить, как это... какая пила, ножовка там всё. Я это уже понимал, понимаешь это всё это? Ну и вот он так вот... и вот в конце концов всё время до уже... до тех пор, до начала уже вот этой Отечественной войны по городам, Казань там, Свердловск, потом Урал, потом значит Пермь там, потом... там эти города. Сибирь. Красноярск, везде это мы всё объездили. Везде он... в Красноярске, я помню, он купил дом тоже. Ну, я уже большой был, уже женат был. Вот уже... там уже (машет рукой) после войны, конечно. Всё время. Ну и вот, короче говоря, значит... а я остался в Новой Ляле, ушёл... ушёл... в ремесленное училище. А до этого как... до этого, до этого ещё мы жили... был такой... в Красноуральске ещё до... до того, как отец работал на заводе, такой... была драга. Драга, которая мыла золото. Там, значит, колоссальный был... было большое озеро, и вот эта драга ходила. И вот я уже ходил в школу, в пятый там, да в шестой, седьмой класс, ходил в школу. И там был лес. Лес такой лес. Через лес мы ходили, значит, в школу. А у меня был... была собака. Джек такая вот. Такой... такой... легавой породы. Белая с пятнами рыжими, видел таких собак?

Угу.

Четков: Вот. Ну, мы настолько его любили, он настолько был талантливый. Способный. Я на нём и зимой на лыжах катался, на санках. То есть это для нас было развлечение. Закопаем кость где-нибудь... его спрячем, закопаем кость, Джек, ищи – он кость найдёт. Знаешь, детям, да, это интересно всё было.

Угу, угу.

Четков: Ну и вот, единственная у меня была забава такая... то есть. И вот как-то мы пошли, а он вообще-то такой, знаешь, человек – ну как, хозяйственный. Как вот они с этими... расправлялись со своими животными – для него это было ничего не стоит. И вот он... Джек... наш тоже пошёл провожать, взяли его, и он там погонял коз. У бабок. Ну, погонял... козы, знаешь вот?

Угу.

Четков: Он охотничий был.

Ну, конечно.

Четков: Ничего не сделал, никого не задавил, но погонял. Ну там пожаловались они, а он назад пошёл и его задавил. Задавил его, понимаешь ли ты? Я прихожу домой, прихожу после школы, я говорю: А где Джек? Да вот, наверное, затерялся, всё. А потом как-то мать проговорила, говорит, он его это...

задавил. И я убежал из дома. Я убежал из дома, убежал... значит там сколько-то скитался. Меня там нашли, привезли домой. Вот, привезли потом я там где-то в сарае спал. Вот так. И потом я ушёл. Из-за этого я с отцом... отношения у меня испортились. Я ушёл в ремесленное училище.

Угу.

Четков: В ремесленное училище я ушёл. Они значит там уже жили. Там в другом месте. В Новой Ляле там или в Красноуральске, где там был, я не помню. Короче говоря... я значит из ремесленного... бабушка жила с этой... с Тоней. Жили в Новой Ляле, в своём доме.

Угу.

Четков: Ну вот так как было бедно там всё это, питание было плохое, я приходил к бабушке, ну она меня кормила там иногда картошкой, иногда картошку очистит, мне давала там всё. А Тоня такая была баба... любвеобильная, у ней всё время мужички там были всё. Ей это не нравилось, понимаешь? Что я тут прихожу, понимаешь? Ну и вот... И вот такая случилась... такое случилось... А мы, знеачит... я в ремесленном... было, значит, так: были орловские ребята, приехали орловские ребята и наши местные. И вот между ними всегда была какая-то, знаешь, стычка. Знаешь, моло... пацаны.

Драки.

Четков: Драки, да. Драки происходили там это всё. Ну я как-то не вмешивался в эти дела. Потому что я был помоложе, а они были парни здоровые, там семнадцать лет уже были, там из-за девок у них эти... Ну и вот как-то однажды. А тётке этой как-то от меня избавиться никак, потому что я ходил там, и ей неприятно было... или положит меня где-нибудь в проходе. В итоге, дом-то небольшой был... Тут через меня надо ходить, понимаешь ты? А я где-то сплю или там на печке или тут где-то там. Ну и короче говоря, однажды так получилось, что там где-то... драка произошла там. А мы с товарищем... а у меня были три товарища. Двое там, а я с одним шёл по тротуару к этому... обычно были прогулки от вокзала до... до центра.

Угу.

Четков: Знаешь как это всё?

Да. Да-да.

Четков: В таком, в районном городке.

Да-да-да.

Четков: Ну и вот, мы идём с ним по этому... по тротуару, смотрим какой-то бежит один парнишка. Я говорю: Чё ты бежишь-? Да вот, та-та-та. Ну, я ему подставил ножку, он побежал дальше. А там оказывается они разодрались, и кто-то там кого-то ножом.

Угу.

Четков: Понимаешь? Ну вот. Ну мы гуляем... Там всё. Гуляем, то есть вот это. Эти тоже ребята гуляют, мои друзья. И вдруг в четыре часа мы приходим домой, и нас хв... меня – хоп! Милиция. Милиция меня, и якобы я соучастник вот этой драки.

Угу. Угу.

Четков: Понимаешь ли ты? Значит что, ну там суд. Суд начинается. Мне там дают год, а им по три

года. Ну я как соучастник. Я вообще-то мог бы конечно, типа она была работник милиции, она, конечно, могла бы сказать: Племянник-то мой тут ни причём. Я тут не участвовал! Ну и меня это в... в тюрьму. В КПЗ. Вот. Посадили, значит там я сижу. Сажу там ну так... парнишка-то нормальный был такой. А там значит сидели воры.

Угу.

Четков: Уже такие... Я уже потом узнал, что – в законе. Ну а... значит... и меня почему-то называли Зиночкой. Эти воры. Зиночкой. Ну и вот однажды значит вижу там между ними драка. Значит кто-то из них хотел меня... (многозначительно смотрит на собеседника) ...понятно? То есть я чтобы заложником был. А... А один мужик: Я говорит не дам, чтобы его... над ним издевались. И вот они выломали эти железные прутья из этих... с кроватей. И драка была. Ночью. Ну потом значит их перевели в разные стороны. Перевели в другую камеру. В другую. Ну и меня в этап. В этап. Значит, на лесоповал.

В этап – это что такое?

Чертков: А?

В этап?

Четков: Этап называется.

А. Этап называется, ага.

Четков: Этап. Этап. Значит, ну то есть это колонна людей.

Ага.

Четков: Называется... куда-то перевозят. Называется «этап», то есть пересылка. Этап.

Исправительные работы, да, там были?

Четков: Да, на работы, да. Погрузили нас в вагоны, такие... вагоны. Погрузили, значит... в теплушки. Одна сторона эти охранники, а другая сторона заключённые, решётки. И вот нас везли ночь, наверное там или две, везли. Значит... кормить не кормили. Там... жара. Топили там. Пить не давали. И вот... воры там орут... и матом: давай там пить, там та-та-та в рот... А они селёдку кинут, представляешь себе? Жрите, говорят, там селёдку. Ну и вот... ну короче говоря нас... зима. Выгрузили нас. На снег. (показывает) Вот такой же белый снег. «На колени!» Мы все на колени. Овчарки. Охрана. И в тайгу. На лесоповал. Вот. Ну, значит... так как я пацан был тощий, тонкий чего-то мне... Куда? Я пилить-то не могу такие (показывает) брёвна. Значит я собирал сучья и в костёр, там костёр горит, а воры не работали! Они сидели у костра. Они...

А кто работал? Простые мужики?

Четков: А?

Простые мужики работали?

Четков: Дааа. Да. Они в законе. Воры в законе – не работают они.

И им ничего не делают?

Четков: Они сидят, кайфуют. И чифирят. Ну вот тоже срок отбывают там это... Им посылки шлют там эти значит там, они сидят гужуют. Ну и вот я таскаю значит там, только у костра чего-нибудь

там задержусь – охранник на меня: Аааа чё там? Давай работай! То есть вот я опять там, значит, работаю. А они сидят кайфуют. И потом вечер, вечер – в палатки, то есть эти... не палатки – бараки. В барак значит... посредине буржуйка круглая. Тут же опять-таки воры сидят это у ней, у тепла, а там нары. Первая, вторая, третья нары. Я на самые верхние нары. Забираюсь. Это легко – раз-раз забрался это. Одежда вся мокрая. Сушить негде, не дают сушить. Я эту – портянки это всё под себя. На это ложишься и сушишь. В четыре часа – Подъём! Опять-таки в лес. Понимаешь ли ты? Потом значит... прошло какое-то время там, ну я недолго был, недели две наверное так побыл. Меня в зону. В зону меня. Ну там уже конечно тёплые бараки. Там уже тепло, и – ну куда меня тащат? Я так как это, сдался сам это дело, значит всё это всё. Меня... А там были эти... револьверные станки стояли, где точили стабилизаторы для мин. Там мина, а идёт там такой с крыльями стабилизатор. И такие вот эти длинные палки такие вот это. Их вставляли туда в этот... в станок, он ну как токарный станок.

Угу.

Четков: И он точил. Точили они. Точили стабилизаторы, там другие цеха. Там потом приклеивали вот эти... крылышки там всё это шло... и так далее. Ну и вот... А передачи были ремённые. То есть мотор, сам по себе этот вот ст... токарный, а там мотор. Работал. И вот эта ремённая передача, значит она идёт. И она часто обрывалась. То есть расстояние вот такое (показывает).

Угу.

Четков: Буквально здесь станок, здесь мотор.

Да, и ремень лопался.

Четков: Лопался, да. Ну лопается он, значит лопнет – я, меня научили там сшивать. И я сшивал.

Ремни

Четков: Был этим... шорником называют это.

Ага.

Четков: Шорник. Сошьё там, ну работа там не... не... не часто уж там была. То это под станочком там прикурну ночью там. Всё по ночам как-то было, то пойдём греться к этому... к трубе. Там такая труба, там теплушка, которая... ну, кочегарка. А там колоссальная труба, а где... труба выходила же ведь она наружу... и возле этой трубы грелись. Выскакивали и грелись. Понимаешь ли ты?

Угу.

Четков: Вот. И вот этот друг, который появился, который мы всё время боролись тоже... Боролись там, да. То борьбу устраивали, то всё... Ну вот так вот я кантовал, а потом значит... А начальником у нас был Попов. Верзила, длинный такой мужик, значит. А барак был колоссальный, метров сто пятьдесят. Всё станки стояли. И вот... И меня сделали начальником смены.

Ого-го.

Четков: А какой начальник смены из меня? Ты что, я под забором где-нибудь... где-нибудь под батареей, где тепло – и спать. И вот. И вот бежит утром, гремит: «Где начальник? Где начальник?» Я вижу, дело плохо – раз в окно и убегаю. В окно выскочил и удираю от него. Ну и потом значит проходит время так... И как... И потом получилось так, что... И я в этой... в зоне встретил своего отца. И вот мы... поселили нас в одну ко[мнату]... в один барак. Значит, барак...

А вот эта зона, это Гулаг был или нет?

Четков: Да! Гулаг! Да, Гулаг был, зона. Да, охрана, ты что ты, охрана. Там, конечно. Это... колоссальная. Ну и вот мы в уголке с ним устроились, две кровати там. Устроились у окна. А посередине всё это опять-таки воры там это... там знаешь всё это, гужуют. Бабы приходят. То есть всё это закрывается, кровати закрывают сверху одеялами, там занимаются сексом там, всё это, всё это... Вся эта кушу... кутерьма идёт. Бабы там приходят. Водку пьют. А мы уже как бы это значит... как шушера такая, знаешь это?

Угу.

Четков: Вот как они называли... это... воры в законе были, да... шушера там разная. Ну вот. Ладно. Ну они хоть правда нас не трогали. Никакого отношения к нам не имели.

У них своя жизнь была, да?

Четков: А?

У них своя жизнь была.

Четков: У них своя жизнь, да. Они приходили там... и люди посылки им посылали, они не работали, у них своя жизнь была. Кто-то выходил, кто-то приходил. Свои... девушки были свои, понимаешь ли всё время там приходили там. Ну и вот...

Откуда... Откуда на зоне девушки?

Четков: А?

Откуда на зоне девушки?

Четков: Так... Их тоже также сажают! Как и всех!

А! Женская... Из женского отделения, да, водили?

Четков: Конечно, да. То же самое, да. То же, что и эти. Я вот помню выписывался, ко мне девушка пришла. Откуда? Я не знаю. Представляешь себе? Вот так! Так что это... всё это такое... поэтому... Ну, побыли мы с ним какое-то время так. И вот значит – в штрафную отца. В армию. А я выписал... Я уже так когда пришёл двадцать шестой год уже. А мне ещё было конечно... Я с двадцать шестого. А мне, я же в октябре, то есть ещё почти что целый год. Представляешь себе? Ну всё равно, пришёл... срок, двадцать шестой год – набор.

Угу.

Четков: В армию.

Угу.

Четков: Ну, я пришёл домой... пришёл домой, отец...

А Вы вместе с отцом пришли или нет?

Четков: Нет. Он... он... его... он был в штрафной, он был... участвовал в этой... в рядовых уже участвовал, то есть в действующей армии, был разведчиком там, и по инвалидности он пришёл, у него... ранена рука была у него.

То есть позже пришёл, чем Вы, да?

Четков: Да. Я пришёл, и он тоже. Он уже оказался дома, в Новой Ляле.

Ааа, то есть одновременно пришли?

Четков: Да. Он раньше немножко пришёл, а я потом.

То есть он уже, он раньше вышел, да?

Четков: Да, он раньше, да, он уже после действующей армии, как...

Как общение с отцом было там?

Четков: А?

Вы же его долгое время не видели. Как у вас там общение с ним было?

Четков: А общения никакого не было.

Там не общались с ним?

Четков: Вот да, только мать общалась с ним.

Нет, я имею в виду на зоне, когда Вы с ним повстречались...

Четков: А только на зоне были и были вместе, почему? Ну, он работал в одном месте, я – в другом, а ночью мы встречались, вечером.

Ну общение-то как было с ним? Нормальное с ним?

Четков: Нормальное.

Просто Вы очень долгое время с ним не виделись.

Четков: А ничего, нормальное общение было, нормальное общение... Как? Ну, сын – сын. Там да? Так вот. Никаких у нас не было ни споров, ни разговоров никаких.

Ну он за собаку не извинялся там, ничего?

Четков: Да ну! Что ты! Какие... для него это – ну... Люди-то – крестьяне! Ты же сам понимаешь это, для них чего кошку? Кошку – задрать это... убить, ударить там – для них это ничего не значило. Собаку там... убить там или животное зарезать там... на мясо (пожимает плечами)... какая разница? Ну, поэтому... Надо их тоже было понимать. Вот я помню...

Другие нравы были?

Четков: А?

Другие нравы были.

Четков: Другие нравы! Конечно! Да вот. Мы-то одно, мы же увидим собаку, нам как-то, знаешь это... А там совершенно спокойно с ней... Пффт, эта собака, ну и что. Кхххт! Вздрыгнет и всё. Я помню к родственникам приехал к одним, тоже... Молодой парень такой, лет ему семнадцать... Хорошее хозяйство, двор... Собака завывала. Его же собака завывала. А собака воет, когда или она хочет где-то погу-

лять или там где-то идёт «свадьба» собачья...

Угу.

Четков: Её надо отпустить! То есть она пойдёт там туда, всё... Вот она и воет. Вот он один раз встал, ей сказал, чтоб там (грозит кулаком)... Поругал её. Второй раз побил её, там она... А она опять. Схватил её уже, трахнул и всё. Всё. И всё – и никаких там! Никаких разговоров там в семье не было. Ну, убил там кого-то... Ну, закопали, да опять-таки взяли другую там – и всё! Понимаешь? Поэтому там всё... совершенно другое отношение к жизни.

Угу.

Четков: Это сейчас у нас. Поэтому и тогда тоже никаких этих... не было... отношений там. Но у меня отношение... лично у меня были все испорчены. Понимаешь? Вот. Ну и вот... так вот... и значит он остался дома, а я пошёл, значит... присылает мне военкомат... и говорит: Ну-ка, кто ты такой по специальности? Да я, говорю, знаю слесарное дело, слесарем был, то сё. В танки! В танкисты пойдёшь. Представляешь себе? В танкисты!

Слесарь – значит, танкист.

Четков: Да, значит – танкист. Представляешь себе? То есть знает это всё.

Угу.

Четков: И... в учебную часть. Курган. Город Курган.

Угу.

Четков: Вначале мы, значит, были там где-то в одной части. Потом нас, это... в училище – танковое училище – в Курган. В Курган, значит, нас. Привозят. Дали нам обмундирование хорошее там. Дали американские ботинки, красные такие там всё.

Американские!

Четков: Одели нас, понимаешь, всё. Ну мы приехали, нас... расположили нас этот... барак такой... Как? Как эти? Армейцев держат там. Не такие же... Ну, такое большое помещение...

Угу.

Четков: ...как вроде барак, барачного типа. Ну, нашу роту-то... А я, значит, меня поместили... значит, уже как... я когда кончил... вот, ещё не кончил училище... только начал, нас поместили так это... тоже нашу бригаду-то. Потом уже распределили там, было распределение. Ну и вот мы все это легли спать, всё нормально. Утром встаём – у нас ничего нет. Ни ботинок, ни одежды, нормальной-то – ничего нет. Всё украли. За ночь.

Воры? Воришки, что ли?

Четков: А?

Воришки?

Четков: Нуу, там солдаты. Другие... Из другой роты. Из других этих это всё... Украли всё – и украли. Потому что время-то было военное. Голо... Не особо там хорошо кормили, понимаешь? Ну ладно. Выстраивает нас старшина на улице. Мы стоим в портянках, целая рота там вот это... Вальяжно так:

«Вечером вы ложились чоботы булы! Утром встали – чоботов нема! Ну як же так?» И ходит так (показывает). «Ну як же так? Вечером вы ложились чоботы булы! А утром встали – чоботов нема! Як же так?» Да. А мы хохочем, понимаешь? Смеёмся – ну, что там? Чоботы булы – не булы... Ну ладно. А обычно в армии старшинами все были хохлы. Все.

Ага.

Четков: Все! Все вот эти, как поголовно – интересная какая-то была история. Ну, ладно. Так что? Нам дали... дали нам эти... ботиночки дали. Обмотки дали там. Это... Одежду, шинели там всё это. Всё обмундирование дали, всё нормально. Служим. Служим мы. Значит, иногда... идём это... в Курган... часть... ну там какие-то сторожевые части. Идём в Кургане. В Курган там тоже там это... Ребятки тоже не промахи были... Однажды как-то... Нас никуда не отпускают... в Кургане... прислали капитана. Капитана прислали начальником охраны, дежурного охраны. А они там что-то рассорились. Его в подвал посадили.

Ничего себе!

Четков: Посадили в подвал его, закрыли – и сами пошли по городу! Кто в кафе, кто с женщинами! Кто куда, значит это. Вот это дело (показывает). Я тоже помню в кафе мы забрались куда-то там. Ну и крепчика... крепчика поддали. Поднакушались, понимаешь, этим делом. Ну и вот... Ну а сколько нас... А там уже, из части догадались, что такой-то... его, конечно, приехали освободили. Ну, и нас начали вылавливать.

Угу.

Четков: Вот. И старшина вот этот. А там был один проход какой-то. На мост. Через мост. И вот он стоял на мосту и всех вылавливал и сразу... на гауптвахту. Отправляли. Отправляли после этого. А я не помню, как... Я эту винтовочку взял и пришёл с этой винтовочкой и завалился спать. Как я этого прошёл сташину – я сам даже не знаю!

Ааа, он Вас не заметил, да?

Четков: Никто не видел меня, ничего. Ничего, понимаешь ли ты? Я пришёл. А ты, говорит, как, говорит? А я говорю – вот так вот. Ну ладно, всё прошло нормально.

То есть Вас на гауптвахту не отправили?

Четков: Да, никуда меня не отправили. Я пришёл нормально.

Повезло, да?

Четков: Да-да. Ну и вот... И потом как-то мы... опять-таки нас на это... дежури́м. По роте. Местная рота, по роте дежурить. Значит, нам дали автоматы, с парнем, с другом с одним... Вот, с двух часов ночи до шести утра. Дежури́м. Ну вот, сидим так, балакаем – всё. Потом он говорит: Слушай, говорит, Боря, чё мы тут сидим? Давай... У меня, говорит, есть подруга, говорит, здесь. Ну, километра два, говорит, там, знаешь? Сходим, говорит, к ней, говорит? Ну, там покушаем, там отдохнём... Потом придём к шести часам. А была зима. Я говорю: Ну ладно, пошли. И вот мы это... и пошли. А там не... там не два километра, а целых пять-шесть. До деревни до этой.

Угу.

Четков: Припёрлись туда... застывшие, а это... шинель-то какая – шинелишка, а там – мороз до тридцати. Стучим в эти ворота, ворота тоже такие. Бабка, открывай! Там это... Матрёна, открывай! Вот,

а долго стучали там. А она говорит: Чего? Да я... Ванька тут. Какой Ванька, говорит. А где Манька? Да, Манька с офицером спит, говорит. Куда ты? Ну, хоть пусти на печку погреться. Ну ладно, она нас пустила на печку. А печка небольшая такая. Ну, вот мы легли, вот так, вот так вот (показывает). И уснули! Ну что ты – после мороза. Просыпаемся – шесть часов! Ёлки зелёные... Ну, что делать? Выбегаем. Значит и мы... я говорю: Ну, давай. Ты – по этой дороге, я – по этой. Потому что вдвоём нельзя, там... Двое сбежали. По одному. Ну, вот, я иду. Иду, и навстречу мне уже – офицер с солдатами. Ну, как? Говорит. Я говорю: Да, вот так и так. Иди! Говорит – Мы тебя не видели! Я пошёл. А его, той стороной-то его... сцапали его. Ну как – побег. Но побега-то нету. Он-то рассказал, что... в чём дело-то, понимаешь ты? Ну, ему «губы» пятнадцать суток строгово. А мне пять суток дали просто так.

Ага. Ну, за компанию опять же.

Четков: Ну, да! Да-да. Вот так. Ну вот. Ну, ладно, значит. Мы отсидели, он и я отсидел, там всё нормально. Он тоже. После этого я, значит, это... Как-то я не знаю, как что. Начались... интенсивные занятия начались. Мы уже начали узучать танк, значит. Там всё это. Нас тоже посылали куда-то дежурить, там всё. Ну всё, короче говоря, всё нормально. Вот. Уже идёт сорок четвёртый год, уже там уже к концу... значит... ну, и вот... я всё там нормально освоил, всё. И, значит...

Расскажите, как в танке ездили.

Четков: А?

Как на учениях на танке ездили.

Четков: Да! Значит, нас... Да. И вот нам, значит, по первости дают нам танкетки. Маленькие танкетки дают. Зима. Вот, мы садимся в танкетки, ну, а я так как люблю ездить, как говорится, русская

С ветерком!

Четков: Да! С огоньком. Я как включаю двигатель. А там сугробы, там поле колоссальное вот такое. Поле. В сугроб как влетишь туда! Тебя холодной водой всего обкатит! И опять мчитесь вот эта, понимаешь... Вот. Потом гусеница свалится где-нибудь, повороты сильные. Надеваешь эту гусеницу там, понимаешь ты. Ну, в общем, интересно было это всё. Проходили эти учения, потом нам дали уже большие танки. Давали, мы пробовали, ну там на них гоняли. Ну, и вот, короче говоря, уже время приходит... чтобы нам... надо уже сдавать. Сдавать. И вот... А... Как это было, значит, сдавать... Дают нам... уже настоящий боевой танк Т-34. Ну, и говорят: маршруты. Вот такой маршрут проехать надо, проехать маршрут с этими... с трамплинами... большими трамплинами. Значит, трамплин надо проехать там тоже как... как учили: значит, сбрасывать газ, танк так вот так вот (показывает)... танк сам падает тихонько и уже покатались, покатались, уже включаешь газ, и уже поехал дальше. Этот барьер пройдёшь, надо давить деревья. Валить. Там стоят сосны такие (показывает) там. Ну, и вот ты на деревья эти... если только... если только грудью, прям вот этим местом, ты не свалишь. Значит, надо частью гусеницы...

Угу.

Четков: Чтобы свалить, заехать на него – деревья падают, ты опять помчался дальше. И вот последний этап. Значит, там ров колоссальный, метров пять там. И брёвна лежат. И чтобы этот ров пройти, вот этот... и на этом, значит, заканчивается учёба. Ты получаешь уже корочки, что ты имеешь... водитель какого танка – ТТТ. И всё. И погружают на фронт. Вот. Ну, и вот... Последний этап, то есть, ну, уже проходит. И вот там я вижу. Я мчусь уже на всех парах, там скорость большая там. Вон стоит там этот... регулировщик, машет там мне. Смотрю – он уже машет-машет и сбежал. Я помчался по

этому... и под конец, я свалился. С танком вместе. Полетел. Полетел там, а я за рычаги держусь там это всё. Те побились там. Кто вылезает там – На хрен там, механика такого, мы больше с ним не поедем! Там... всё это. Я там это... ну, вылез оттуда. Прибегает капитан, значит... Хооо, ерунда, на фронте не такой, давай! Меня, значит... трос подцепили – и я опять дальше поехал. Погнал там всё. И всё – отлично сдал. И всё нормально. Ну, и вот... поехали, значит... танки получать. Поехали мы в Тагил, Нижний Тагил.

Угу.

Четков: Там, значит, их... Там дали нам... только корпус танка. Корпус, значит, мы полностью собирали всё: ставили мотор, ставили колёса, ставили эти гусеницы, вот эти... гусеница сорвалась, мне руку раздавило там вот это... То есть это, пальцы... там же соединение пальцами такими... пальцы такие, как вот мой палец, эти штыри...

Да-да-да.

Четков: Такие соединения. Ну, где-то там лопнуло что-то, я не знаю как. Или сорвалось, я вставил... Ну, вот... Сд... Всё это мы собрали. Всё. У каждого свой танк. Меня определили механиком водителю командира бригады. Мой танк первый... всегда везде. Вот мы... значит нам... грузят нас на эшелон, мой танк первый, значит... все остальные – ну, ребята ко мне приходят там это всё... Это... Ну, и вот там... Тоже там и такие... потасовки были, потасовка такая была потасока. Значит, какая-то баба ходит там по этим по... по вагонам. Пустите, говорит, проехать надо. Билетов, говорит, нет, а в то же время голодный год там, возили продукты. То есть, возили барахло, меняли на продукты.

Угу.

Четков: Ну вот. А я стоял... так тоже там стоял у этого... у конца вагона там... Она говорит: Пусти, говорит. Я говорю её: опасно, нельзя. За это, знаешь, могут... наказать. Да, ничего, говорит. Ну, молодая девка, ну и... это. Я впустил её, она там где-то там лежала. И мужики на неё, парни на неё начали это...

Приставать.

Четков: И вот... и вот... и я... А я, значит, начал защищать. И началась драка. С одним парнем. Мы это... вплоть до ломов. Из-за неё, меня по черепу, и я ему тоже... Ну, и короче говоря... эту бабу до того, что она уже всё потеряла. Высадили её, она вот так вот стоит, вот здесь держит... вот эти трусики держит вот так вот. Нас выстроили всех. Она стоит. Ну, кто, говорит. Который, говорит. И она, значит... Который, говорит. А у ней всё... И то, что она выменяла, там жратву всё сожрали. Ты представляешь себе? Ну, это... мы стоим так. Стоим, значит, так это. Вот она говорит: Не помню я, говорит, не знаю. Тут опять-таки Пу-пууу – поезд, значит. Чего там – всех посадили. И она так и осталась. А я то есть из-за того, что я с ним подрался, меня в этот... в отдельный вагон.

Угу.

Четков: В отдельный вагон меня посадили. Ну, я там как был заводила, понимаешь ли – всего этого дела? А там... этот вагон... а там эти окошечки. А я взялся за эти окна там – и вылез на крышу. На крышу вылез и хожу там. Ааа, говорит, на *** его, куда ни сади его – всё равно, его ничено не берёт. И вот. Ну, и я тут походил там. Потом пришёл к себе там в вагон свой там, где танк мой. Ну, и мы приехали. Приехали, значит.

Сам по себе был всегда везде.

Четков: Ну, да-да. Приехали, значит. Первый, вот я тебе уже рассказывал. Первый, значит, мой танк

выводят. А там, значит, у эстонцев-то... Или литовец это? Там у него хорошая калитка, там у него заборчик там... так калиточка такая... и вот этот, из гипса, из мрамора... там сделали там...

Угу.

Четков: Всё. Ну, я выезжаю там первый, разворачиваюсь и всё у него разворотил. Всё его хозяйство разворотил! Капитан мне так кулаком... машет мне туда: Что ты, говорит, наделал там? Это... выехали туда, выехали, поехали уже по месту назначения... Прихо... А эти пацаны... бегут эти маленькие пацаны эти... местные эстонцы... Русска культура хуй! Русска культура хуй, значит. Ну, они не любили русское, они же воевали против это... с немцами. Ну, ладно. Мы приехали в часть и... и уже нам дали место назначения, там – где уже ближе к фронту.

Угу.

Четков: И вот мы ночью едем там... где-то там пальба идёт уже. Наши танки уже стреляют там всё это.

Страшно было?

Четков: Да. Но главное дело – мотор работает тихо. Тух-тух, чтобы не слышно было. И капитан... значит этот... командир танка сидит на крыле. Говорит, как что где. Там же горы. Пропасти разные. И вот он говорит: Правее, левее. И вот всю ночь так вот... ночами мы вели танки. Вели танки.

Только ночами что ли?

Четков: А?

Днём не ехали?

Четков: Днём не ехали. Днём... днём только это... было хоронение... там это войска шли впереди там... а днём не ехали.

Это Вы – как крались что ли?

Четков: Да! Мы подкра... подкрадывались к позиции.

Угу.

Четков: Потом, значит... вдруг сирена, бомбёжка. Тут обнаруживает, всё равно – танк едет, у них же самолёты.

Да.

Четков: Ну, мы в лес куда-нибудь убегаем, там потом опять. Ну, потом... так несколько там где-то залпов сделали там... Я там пострелял куда-то, непонятно что. Понимаешь ли ты? Ну, и выехали на... на шоссе.

Угу.

Четков: На шоссе выехали после бомбёжки, после всего, смотрим – столько этой техники собралось! Самолёты – неба не видно. Наши. Они уже в эту группировку-то... уже её всю полностью обложили... Курляндскую группировку.

Угу.

Четков: И мы туда. Туда, значит. Ну... там... потихоньку, значит... все это... приехали туда. Все разгруппировались. И наша часть там где-то там... в стороне стояли. И уже эти... эти уже... немцы уже сдавались. Их уже... кого принимали, кого... кого... на машины, кого как... Они шли. А с одной стороны, помню, с левой... этой... встречали там власовцев.

Угу.

Четков: Там же власовцы были. Ну мы то не... наша часть как раз не стояла. Мы этих... немцев охраняли, чтобы они не разбредались никуда... а группировались. Садил их в эти машины, и чтобы они ехали. Ехали уже в... ну, в тыл, уже как... как эти... пле... военнопленные.

Угу.

Четков: Их же там записывали, там всё...

Угу.

Четков: Ну, и вот. Ну а мы тех-то не знали. Как что делали с власовцами... Ну, и вот как-то я тоже как-то... там... смотрю... один... этот... едет автобус. Это... не автобус, а... машина грузовая.

Угу.

Четков: Какие эти... были-то... Эмки или что ли там... разные...

Да-да-да.

Четков: Еле-еле там бегали. Ну, и там они натолканы, я смотрю, что-то с рюкзаками эти немцы. Ну, я побежал за этой машиной, догнал эту машину – немца этого схватил, вытащил его оттуда, вот. Привёл его к ребятам там. Начали мы его раскурочивать. А у него, значит, женская одежда, ты понимаешь ли? Трусики женские, вот это... это... рубашки. И всё это... И этот...

Немецкое всё или русское?

Четков: Русское всё! Ну какое немецкое, русское у немца!

Вот ворюга!

Четков: Мы всё это раскурочили его и ш... платок вот это... оренбургский платочек. Пуховый. Ну, я его взял себе. А ребята всё остальное там. И взял это ранец... тоже взял... ну, отпустили его, он там... он там где-то какая-то часть его подобрала, он там уехал.

Угу.

Четков: Ну и вот, а потом, значит, уже... когда после этого мы уже... после... части уже там... военные действия отошли... ну, уже пошли в тыл, в город туда... ну, и... а... а жить там было... жили мы в землянках. Сделали землянки, нам не давали там, выкопали землянки там всё это... и спали на этих... лес был. На ёлках. Ёлки там сделали...

Угу.

Четков: Ну и вот этот капитан, я уже рассказывал... этот... лейтенант. Что-то мы там делали, нужно было дежурить там, потому что... и он у меня эту шальку вот это... и забрал. Ну, и вот я тут с ним... чуть его это... лопатой его хотел... его навернуть, но там: Лейтенант! Что вы смотрите! Испугался... но после этой ссоры нас... в военную часть. Там это... ну, там вызвали меня там... оперуполномочен-

ный там всё... Я не знаю там, ну, отпустили там, ничего не было. Ну, я вот... значит, весна. Всё хорошо. Старшина говорит: Ты художник! Давай! Пиши там, что... победа! Советская власть! Победа там. Да здоровствует Ленин там и так далее. Ну и вот я из дерна вот это вырезал... вот это знаешь – дерно? Знаешь дёрн, да?

Да.

Четков: Резал и вырезал вот это... Победа.

А откуда они знали, что Вы художник?

Четков: А я не знаю – откуда художник.

Просто так сказал!

Четков: Просто так сказал – и всё. Ты художник.

Случайно так, в голову взбрело.

Четков: Да! Ему в голову взбрело, вот этому старшине. Ты, говорит, художник, говорит.

Накаркал!

Четков: Накаркал. Ага! Одно я там не рисовал. До этого-то я везде рисовал, всегда я рисовал. И в ремесленном рисовал, и в школе рисовал я. Потому что я с четырёх лет занимался... занимался рисованием. Мне мама сшила, в четыре года сшила большой альбом, из серой бумаги вот этой, которая... и я рисовал!

То есть с детства уже.

Четков: С детства рисовал, понимаешь ли ты? Вот. И всё время... Вот такая серая бумага, знаешь? Вот эта.

Да-да. Картон. Как называется...

Четков: А, она не картон... такая плотная-то бумага. А она эту кар... эту... а... в Новой Ляле был завод. По выпуску этой бумаги.

Обёрточная бумага называется.

Четков: Обёрточная бумага. И вот... И вот это вот она мне сшила вот этот альбом, и я рисовал, я помню, колобок рисовал. Акварель купила, там всё кисточки были. Я всё это рисовал. По-путёвому. Сказки мне рассказывали. Ну, и вот... а потом я после этого в школе рисовал, там тоже говорили: Ты художник! Вот. А потом когда вот уже в ремесленное пошёл, потом армия, потом уже там колония – там уже не рисовал, конечно. Там не... ну, вот тут в армии только так вот... Художник, говорили. Ну вот... потом произошла демобилизация. Нас демобилизовали. А... демобилизовались как? Значит, там пошёл слух: надо, говорит... демобилизоваться надо. А как? – говорит. Да так, говорит, знаешь... надо закосить. Как, а как закосить? Да вот так, говорит. На второй этаж по лестнице бегать несколько раз и накуриться. Потом – к врачу. Сердце твоё, говорит, вот так (показывает). Ну, хорошо, ребята. Давай. Там, значит, пошли. И я тоже. Несколько раз, тэ-тэ, накурился там. Там всё. Как у тебя там сердце? Да вот чё-то побаливает. Чувствую себя не очень-то хорошо. Демобилизация.

Вот так вот, да?

Четков: Да.

Всех! И то есть нормально было, да?

Четков: Всё, конечно!

Всех? Потому что все там пришли...

Четков: Да!

Всех отпустили?

Четков: Да. Отпустили. Понимаешь ли ты? Всех! Ну там же они не целой же ротой! А только несколько человек так нас было. Ну, неужели вся рота там это... все узнают!

Да.

Четков: Скажут, что-то подозрительно, понимаешь ли ты? А тут вот... ну, кто-то хитрый нашёлся. Похитрее – подсказал. Ребята, давай так вот. Косанём, говорит. Ну, давай. И вот. И всё – и мы...

Это же сорок пятый год был?

Четков: А?

Сорок пятый год уже был?

Четков: Сорок пятый год, уже война кончилась. А мне... а мне ещё надо было... там год я где-то отслужил, полтора, а мне ещё надо, знаешь, два с половиной-три года служить. Ёлки зелёные, ты что! Это...

Почему так много?

Четков: А... Не знаю.

То есть, после войны ещё какое-то время нужно было отслужить, да? В армии.

Четков: Да.

На всякий случай.

Четков: Да. Три года надо было. Три года. Ну и вот я демобилизовался. Демобилизовался, отец был тоже дома уже. Вот...

Борис, Вы рассказывали, о чем-то интересном.

Четков: Значит, вернёмся к первому... там такие... детские годы якобы. Вернёмся к детским годам. Где вот я жил. Ну, жизнь в Красноу... в Новой Ляле. Да нет, жизнь в Красноуральске начнём. С Красноуральска. Я учился там первый, второй и третий класс. И вот в четвёртом классе когда я учился, у нас был такой... ну, класс был хороший... один был мальчишка, который всех бил.

Угу.

Четков: Всё время бил. И вот... А я как-то всегда ввязывался в такие дела, чтобы это... не было. Я с ним подрался и его отлупил. Он из ярости, из своей ярости, схватил эту... опасную бритву и мне по глазам.

Ничего себе!

Четков: Вот даже вот до сих пор вот здесь вот шрамы.

Угу.

Четков: Вот так, вот тут вот есть вот такие. Ну и что? Я, значит... слепой, меня увезли в больницу. Я слепой сидел на печке. Думал, что у меня глаза совсем урезали.

Да-да-да.

Четков: И вот. Ну, сижу там, значит... А в это время... вот в этом городе в Красноуральске работал дядя мой, прокурор города.

Угу.

Ну он... он это узнал, приезжал, тут всё это у него... познакомился и говорит: Что же, говорит, судить их бесполезно. И их из города выслали. Просто выслали. Это фамилия Березовский.

Угу.

Четков: Березовский, (шёпотом) еврей! Березовский.

Это который сейчас, Березовский?

Четков: Да!

Во Франции живёт?

Четков: Да! Я до сих пор запомнил! Ну и вот, ну вот так вот всё это, годы прошли, всё. Тут и уже я... и жил... и в Новой Ляле жил, и там везде. Вот. Но а потом, позже, когда уже мы переехали опять-таки в Новую Лялю, вот... Ну, я там с ребятами играл, уже более взрослый там... С ребятами играли на реке. На реке этой... Ляля такая река, она... судохо... нет, не судоходная, но она... на ней они занимались сплавом леса. Для того, чтобы изготавливать бумагу вот эту, серую бумагу, нужен лес. Лес. А леса много шло из Сибири, там отсюда, сплав. А мы бегали по брёвнам. По брёвнам бегали, и вот я раз – побежал, а брёвна скользкие, потому что они в воде, их же эти сплавщики гонят несколько там... сто километров... ну, гонят их всё время. Они же всё время в воде, эти брёвна.

Угу.

Четков: И вот я вступил и – туда (показывает вниз). Брёвна сошлись. Ты представляешь себе? И я не знаю, каким образом, сплавщик увидел это и меня за волосы вытащил. Ты представляешь себе?

Вообще.

Четков: Да. Вытащил.

Спас жизнь.

Четков: Да. Вытащил меня за волосы. Ну а так вот мы играли, значит, там всё. И особенно нас интересовал... интересовал этот... пожарники. Пожарная команда. Почему? Потому что пожарников... была большая площадь, и у них были козлы. Обыкновенные козлы. Вот. И мы туда приходили с ними играть. С козлами там, собаки у них были там... И вот... а козлы такие... мы на них катались! На этих козлах. Ну и вот, на козле прокатаешься, где-нибудь чего-то удержишься, козёл подбегает к тебе

сзади, как тебя швырнёт рогами! (смеётся) Знаешь, понимаешь, швырнёт тебя! Ну вот так вот забавно было. И вот... И как... как вечер... как вечер, значит... А эти... очистка была этих... туалетов. А там, значит... ну, никто же не чистил, да?

Угу.

Четков: А там была команда, специальная команда была, которые очищали вот этот... чистили вот эти... ну, нужники. А их было там, если команда так, лошадей пятнадцать-двадцать и такие бочки. И вот они это начерпают всё это в эти бочки. Понимаешь ли ты? Сядут и поехали так. И по всему городу это везётся. Вонь такая! Каждый вечер, понимаешь? Такие... такое благоухание идёт! Ну, мы, конечно, куда-то убегаем. Вот. А ещё тут вечером... вечера были интересные. Значит, пожарники, они очень... ну, любили своё дело, все эти начищали эти... А у них каски были медные, каски вот это... всё это медные такие, лошади сытые такие, знаешь, такие здесь.

Угу.

Четков: И вот они выезжают, вечером выезжают с... с колоколами там это всё. Там все говорят: Ну, поехали козлы, говорят. На них – козлы, потому что они козлов держали.

Ага.

Четков: Козлы, говорят, поехали. А почему они козлов держали? Потому что козлы... какое-то было влияние... они ели сено, спали на сене, и лошади хорошо это ели.

Угу.

Четков: Ты понимаешь? Всё это как в природе устроено. Ты представляешь?

После козлов!

Четков: Да! И вот так вот, вот такие... это мы проводили время. Ну а потом я уже... говорил, что я поступил в это училище ремесленное, там вот время... после этого. После... остался отец. Уехал уже в другое место. Я там. Ну вот такие случаи. Ещё вот какие случаи такие были интересные со мной в жизни? Ну, вот, пожалуй... так вот, ну, я потом ещё вспомню.

Угу, конечно.

Четков: Так. Так. Значит, начнём со второго периода. С чего там?

Да. Борис, расскажите о Вашем творческом пути. С чего начался? Когда начался? Как Вы вообще пришли к тому, что начали заниматься искусством? Писать?

Четков: Ну вот, я уже сказал, что я с четырёх лет вот занимался... уже рисовал.

Угу.

Четков: У меня были блокноты уже, всё. Ну, периодически я рисовал. Ну а так, чтобы сильно заниматься этим, конкретно, я... ну, как-то не было времени и вообще, просто даже не думал.

Угу.

Четков: Рисовал-рисовал и всё. Ну вот, а когда уже, вот в армии меня уже там... сказали, что...

Назвали художником.

Четков: Да, давай, художник! Там всё. И когда я демобилизовался, когда я демобилизовался... ну, мне было восемнадцать лет. Демобилизовался, Новая Ляля, родители приехали. Купили мы свой дом. Там и... там всё это... утварь там разная была. Ну и вот, и я рисую так потихоньку, рисую. Люди... А пожилые люди там... Вообще-то, ты знаешь, в то время пожилые мужики были настолько умные, настолько они... ясновидящие были всего. Сидят, о природе говорят, рассуждают там, всё это... Никаких таких этих склок там, ничего нет. Ну, вот я тоже там где-то бегаю, рисую. А они говорят: Ооо, парень, давай. Художником – это интересно, говорят. Давай, рисуй, говорят, рисуй. Ну я... это, рисую так. Какие-то портреты нарисовал там, Сталина там это всё, знаешь? Время такое...

Угу.

Четков: И вдруг приезжает дядя вот этот, прокурор, дядя... Он в Ирбите прокурор... уже, он же там уехал уже, в Ирбите родился в своё время, и он там уже работал. Он говорит: Ну, всё, Боря, говорит, давай... Тебе, говорит, здесь учиться негде. Некому, тут город небольшой, говорит. Поедем, говорит, я с тобой поеду, говорит, поедем, я тебя возьму в Ирбит, там есть у нас, говорит, художественная мастерская. Ты там, говорит, будешь учиться продолжать. И учиться вот этому. Искусству.

Угу.

Четков: Ну, я приехал туда сразу, конечно. У него было двое детей.

А Вы сразу согласились?

Четков: А?

Вы даже не раздумывали? Сразу согласились?

Четков: Абсолютно! И родители никогда не сопротивлялись. Если я куда-то еду, они... не было никаких препятствий. Я сразу поехал. С ним уехал я. Вот. А потом уже... ну, уехал. Он меня сразу... ну, так как прокурор, ты представляешь себе? Там пошёл, позвонил там... там меня сразу, приняли меня. С удовольствием.

Организовал?

Четков: Ну да. Ну, а там. Значит, я посмотрел. Делать фактически они такого ничего не делали. И работы мне тоже никакой фактической не дают.

Угу.

Четков: Я вот так хожу, смотрю. А они... в основном делали портреты.

Угу.

Четков: Вожей там рисовали. Ну и вот я однажды увидел: один пишет. Вот так же, как я, пишет. Какой-то этюд. И что... и посмотрел краски близко – ничего не видно, а отойдёшь – всё видно. О, как здорово. Интересно как. Понимаешь ты всё? Ну вот я потихоньку там этот... присматривался там... всё к этому. Всё... в школе учился. Ну и вот, и... прошло какое-то время, там год или меньше, он каждое воскресенье нас водил в галерею. Каждое воскресенье... этот...

Дядя.

Четков: А?

Дядя.

Четков: Дядя, да. Каждое воскресенье. А там прекрасная галерея была. А почему? Это, знаешь что? Это... старинный купеческий город. Ирбит. Он богатый. Купеческий город, там купцы, там... там... этот... завод... мотоциклисты. Мотоциклов завод был. И он сейчас до сих пор есть. Там ИЖ. Мотоцикл ИЖ.

Это не в Ирбите, это в Ижевске.

Четков: А?

ИЖи в Ижевске делают.

Четков: В Ижевске? А почему ИЖ тоже там?

Не знаю. Там ИЖ, но не знаю...

Четков: Тоже в Ижевске, да?

ИЖи в Ижевске делают. Там Ижевский механический завод... А! Мотоциклетный завод. И там делают.

Четков: Вот. А там тоже какой-то этот. Только другой. Или сборка там идёт. Как-то из одних вечеров там, значит... Мы... звонок. Из Лялей. Говорит... Отец говорит: Боря, мы поедем... поедем, говорит, в Караганду. Потому что, знаешь? То время было голодное, там это... Трудно было. Вот. Поедем, говорит, в Караганду. Я говорю: Ну, хорошо. И мы с... Я собрался и вместе с ними поехал в Караганду. В Караганде, значит, там... был совершенно другой... другая жизнь. Там... приехали – посмотрели... там всего полно, хлеба полно, то есть... Особенно базары ломились от всего от этого. Торговали всем, и китайцы-малайцы там... национальностей было... иголками китайцы торгуют там, значит, там всё... Везут на верблюдах это... на ишаках, на верблюдах всё везут это. Там мясо там... Эти... режут баранов... там на базаре там это. Кумыс пьют, понимаешь. И меня... меня так заполонило эта вся... эта масса, понимаешь ты, разнообразие... вот этой... город и людей – всё. И я каждый день бегал с утра до вечера, на базаре рисовал там всех... Ну и вот... И... и купили мы дом. Купили мы дом. А там, значит... а там какие были дома? Саман. Из самана. Знаешь, такой саман, да? Значит... глина... глина, навоз – любой навоз: конский, значит, какой... солома – и вот это всё месится...

Угу.

Четков: Месится всё. И делаются такие вот «ящички», как бы формы.

Угу.

Четков: И вот, месишь ногами, эту массу ногами и потом её туда закладываешь, пройдёт день-два – и образуется кирпич. Кирпич делается.

Из навоза.

Четков: Кирпич не настоящий... такой, чтобы вот был, что его... обожженный.

Да.

Четков: А... Ну, он крепкий. Саман. Потому что даже из этого самана сделан Самарканд. Эти самые...

Угу.

Четков: Этот... Ташкент, многие до сих пор из самана...

...стоят.

Четков: Стоят эти дома. Соборы, понимаешь... вот эти... эти мечети разные.

Угу. Угу.

Четков: Ну, и вот. Мы это быстренько построили, пристройку сделали это ещё одну. Значит, так. Ну, и... А фактически значит что? Привезли с собой много, у нас всегда – богатые – барахла много было. Ну, туда сразу на базар там... менять там всё это... у нас хлеб, пшеница там, мешки там. Ну, и вот... А люди увидели, что приехали такие... А крыши там были стеклянные.

Угу.

Четков: Ну, значит, как-то спим, смотрим – на крышу забрались мужики, и – к нам. Ну, а отец у меня вообще смелый был мужик. Он... Он, значит, берёт топор... да, это... берёт ружьё, и я чего-то взял. Ну, говорит, давай, мужики, спускайся, говорит. Понимаешь ты? Да вот они, говорит, походили-походили там – и ушли. Ушли, значит. Ну, вот так, больше после этого больше не было. Мы сделали печь. То есть да. Печки не было. А я... так как я работал... учился в училище там...

Угу.

Четков: Я там проходил все эти – кирпичное дело там, металлургическое там, потом столярное, все...

В Караганде, да? Уже в училище учились?

Четков: А?

В Караганде уже в училище учились?

Четков: Нет, не в Караганде. А ещё раньше... это... в Красноуральске...

Ну, а что раньше...?

Четков: В училище-то.

Да.

Четков: Ремесленное.

Да-да-да.

Четков: В ремесленном. Я думаю: Ёлки, а что же печку? Я взял её – сложил. Сложил печь. Значит, там, я знал, как эти идут...

Воздухопровод?

Четков: Аа... эти... Да, идёт этот... эта...

Тяга.

Четков: Как идёт. Дым как идёт.

Тяга.

Четков: Дым.

Да, тяга.

Четков: Да. А он идёт совершенно спокойно вот так. Смотри – вот.

Угу.

Четков: И потом выходит туда, чтобы тяга была.

Угу.

Четков: Я сложил вот такую печку там... так всё прекрасно, всё горит там то есть... Всё. Ну, отец устроился на работу уже. Вот. А я бегаю, хожу. Осень. Пора красивая, там всё это, знаешь? Эти... женщины ходят в этих длинных юбках, в чал... чалма там... там закрыто у них. Некоторые открыты. Ну, ты... Ну, Казахстан. Женщина идёт-идёт, значит... села по дороге, закрылась этим. Села по дороге, сделала своё дело, опять-таки открыла и пошла. Там туалетов фактически не было. Представляешь себе? То есть ну... вот... был такой ещё был, понимаешь ли ты?

Угу.

Четков: То есть, там ещё советская власть фактически не пришла. А они уже потом это уже, знаешь? Эти... Вот. А когда я устроился... устроился тоже... устроился на работу... в этот... на шахту. Художником. Там, значит, ну... обязательно начальник шахты – русский, потому что у него образование. А вот все остальные, парторги, всё – казахи. Казах. Ну, и вот казах, значит, тут приходит на работу, такой... как ушёл, одевается – национальная форма, всё уже это... они это уже забывают, понимаешь ты? То, что они там... Ну, и вот казах мне и говорит: Умеешь? Можешь рисовать лошадей? Я говорю: Могу. Приходи в гости. Значит, я... а у них... тоже такие, большие избы были у них. И сени там, всё... В сени захожу, смотрю – в сенях корова лежит. Распластанная, там уже... её уже готовят... на шаш... на бешбармак. Я так остановился. Проходи-проходи. Я пришёл, значит. Туда прошёл. А они там всё раз-делали, женщины готовили лапшу. Голые ляжки, на ляжках там... лапшу готовят там. Так всё это. Всё это сделали так. Ну, вот. А столики вот такие низкие. Мы сели за стол так. Все так... ноги у всех у них. Ну, и... суп такой с этой... такие котлы большие. Сурпа называется. Сурпа. Ну, вот. В пиалы нам суп... налили каждому там всё. Женщин нет! Женщины сзади. Вот. А любили они водку. Водку пьют, водку. Ну, я-то не пил тогда-то. Вот так вот. Ну, так немножко попробовал. Суп кончили. Начинаем есть, значит, весь этот... мясо. Берут мясо, грызут-грызут. Женщина сзади сидит: Маяя – кидают ей, женщине. Мая – это на. Мая! Она там ловит это, ест там, понимаешь. Это... всё это, вот... вот. Вот такой вот обычай был. Ну, ладно. Значит, прошло время какое-то. Я всё на базар ещё бегал. И какой-то мужик подходит ко мне и говорит: Слушай, парень, я вижу ты тут целыми днями пропадаешь, говорит. А ты знаешь, что у нас, говрит, есть столичный художник здесь? Я говорю, нет. Он говорит: Да. Вот Клуб Кирова, представляешь себе – художник? Иди, говорит, к нему, он тебя, может быть, возьмёт... в ученики. Я это собрал все свои рисуночки это всё и пришёл в одно воскресенье. Пришёл, смотрю – такой лыс... лысоватый, серьёзный такой и очень интеллигентный человек такой. Видно, там... держится так... держится так величественно, так всё это ходит. И ребята выстроили работы, много работ выставили. А в то время там жили... и из Москвы были ребята вот... то есть это... семьи. Ну и ребята тоже с ними.

Угу.

Четков: Потому что всех... война же была, всех высылали, особенно... особенно немцев поволжья, всех выгоняли.

Угу.

Четков: Сталина была... приказ там всё... это... Вот. Ну, и там ребята тоже были из Москвы... были там всё это. Ну, он выставляет там всё. Смотрит там, рассказывает. А я там в сторонке где-то стою, стеснительный был, стесняюсь. С альбомчиком стою так в сторонке. Ну, он посмотрел всё. Потом говорит: Всё, ребята, кончили, говорит, на этом. Спасибо, говорит. А ну-ка Вы что тут стоите, молодой человек? Ну-ка идите сюда. Я подхожу, значит. Показывайте, давайте. Я показываю. Он смотрит-смотрит. Да. Вы рисовать не умеете. А где, говорит, Вы учились? Да я, говорю, нигде. Я, говорит, вижу – рисовать, говорит, не умеете. Но хорошо чувствуете внутреннее состояние человека. Я Вас возьму в ученики. Представляешь себе? Ну, и ёлки зелёные! Никого... А у него был всего один ученик. И взял меня второго.

Угу.

Четков: А те, кто были... Те... никому не предложил. Они просто приходили консультировались. Он всё, сказал. И вот мы начали у него учиться. Начали, значит... С чего начал? Он начинал с того...

А как звали второго мальчика?

Четков: А?

Как звали второго ученика? Второго ученика?

Четков: Аааа. Коля. Николай Жирнов. Жирнов Коля. Ну, он такой, значит, такой тоже... ну, парень-то хороший был так это... Его так... жена его с уважением к нему так... а ко мне чего-то. Он-то больше ко мне, потому что я был трудолюбивый, не знаю. Вообще такой серьёзный. А она как-то нет, а всё Коленька-Коленька. Коленька, значит. Коленька только.

Ага.

Четков: Ну, а Коленька чем занимался? Ну, мы ему платили. Деньги ему какие-то небольшие платили за учёбу.

Угу.

Четков: Ну, а Коленька, значит, чем занимался? Рисовал ковры на клеёнке.

Угу.

Четков: С лебедями. В то время лебедей там... И каждое воскресенье они нарасхват были на базаре. А я как попробовал – у меня ничего не получается. Ничего! Мама смеётся, тётка тоже приехала, тоже смеётся. У меня какие-то все кривые, страшные. Они смеются надо мной, ничего не получается. Ну, ладно. Ну, отец работал там. Ну, какой-то... деньги ему платили. Ну, и вот... и... а учёба началась с того, что... знакомство вообще с литературой, что такое художник, как он себя должен вести, как... Какие есть материалы, краски, этюдник там, всё. С этого всё началось. Значит, первое, что он сказал, что художники... люди, которые имеют как творческие работники... они должны себя вести совершенно свободно и относиться к своей профессии очень серьёзно. То есть мы должны приходить в этих... в белых рубашках с галстучком. И в костюме. И писать, говорит, заниматься живописью. То есть вести себя, как интеллигенты настоящие. Ну, значит, началась учёба с изучения, откуда началась живопись. С живописи, то есть... появилось это с Италии... в Италии было, вначале гризаль какая-то была. Потом уже появилась цветная живопись. То есть, короче говоря, всю историю, то, что он... с чего начиналось... он нам всё это рассказывал. И показывал на репродукциях и в кн... и книги. Потому что

у него много было, около пятидесяти тысяч... около пяти тысяч только одних репродукций. Он оттуда привёз. Он же был зам. директора Третьяковской галереи!

Угу.

Четков: И он... плюс к тому, что он был художник, он ещё был искусствовед. И он учился во Франции.

И вам всё это рассказывал? Что и как, да?

Четков: Да. И вот он как... вот эту теорию всего этого. Он нам всё это показывал, ставил натюрморты. Говорил о композиции. Прежде всего, как начать работать, он сразу говорил: Вот лист бумаги. Вот это, говорит, плоскость. И вот на этой плоскости вы должны располагать предметы. Каким образом, он рассказывал. Эта композиция строится вот так, горизонтально, вертикально, угловая. Такая – на один угол, на второй угол или центральная экспозиция. То есть вот все вот эти теории, которые я уже потом, будучи... учился уже в учебных заведениях, я это даже не слышал.

Угу.

Четков: Он очень много говорил. То, что он... настолько он всё это... ну, вот два человека, понимаешь? Вот он нам всё это доносил... доносил как бы это... серьёзно это... а... без всяких посредников, никакая аудитория там.

Конечно, напрямую.

Четков: Да. Напрямую всё это шло. Ну, и вот... и вот... и давал задания. Вот, будете дома, принесите или этюд, или эскизы, или что-нибудь. И вот... и у меня была программа... значит, я там... до двенадцати... ложился я в двенадцать часов вечера. Вставал я в четыре, в четыре утра. В четыре я, значит, там... рисовал... писал... значит, литературой занимался, куда бегал. И, значит, целый, до двенадцати ночи к нему... шёл к нему на учёбу... до двенадцати ночи этим я был занят.

Угу.

Четков: И так вот в течение трёх лет. Трёх лет. И вот была зима. Вот там зимы были страшные. А вот надо было пять километров... идти к нему на учёбу. И вот так вот стоишь – не видно человека даже. И вот в потёмках вот так вот... пурга, пурга... в пургу так вот идёшь к нему туда. Потом писал этюды я. Писал этюды в сорокоградусный мороз. Садился на крышу и писал. Краска мёрзла!

Угу.

Четков: Я разводил керосином. Керосином разведу – писал этюды там, всё, то есть, я настолько был увлечён этим, что для меня ничего такого не существовало. Понимаешь это? Ну, и вот... прошло уже к концу учёбы нашей, да? Работал я в этом... в клубе работал. Ну, рисовал там плакаты. Да здравствует Коммунистическая партия там... ну, знаешь, вот такие вот эти.

Да-да-да.

Четков: Ну, эти-то (машет рукой)... казахи меня не особенно загружали. Знаешь, им это. Ну, а начальник смотрел там, что я вроде ничего не делаю, деньги мне не давал. Я там прихожу, я говорю: Вот, мне опять зарплату не дают. Щас! Берёт трубку, на этого нажмёт на начальника... а начальник такой тоже был там... такой... любил выпить. (шёпотом) И любил блядовать. Девочки к нему ходили там всё эти. А эти девочки от него ко мне идут! Ну, ко мне идут, просто... мы беседуем, понимаешь ты? Так он думал, что я тоже с ними... такой же... завидовал! Понимаешь? А он... правда, он молодой мужик был, ему лет тридцать было. Ну, а тот, что парторг – имел большую власть.

Угу.

Четков: То есть власть они имели такую, что начальника могли вообще... снять с работы, сказать, что вот он не выполняет, всё такое. Но у них там вроде свои дела были. Нормально они жили. Всё, берёт трубку – раз! Мне: Иди! В кассу. Расписывайся! Ну, вот так вот прошло вот это время. Ну, отец мой что-то там тоже... немножко недоволен стал. Говорит: Вот! Все художники с голоду умрут! Вот и ты вот, ты тоже так же вот будешь! Зачем это всё? Ну, и вот я (вздыхает и машет рукой) обиделся и... значит, это... ушёл от... этого... От шахты был барак. Ну, комнаты там были разные там... ну, отопление хорошее было, уборщица была... я сказал этому парторгу: Знаешь, я пойду в барак в комнату. Хорошо. Мне дали комнату. Я там свободно был там, ко мне девочки приходили. Там всё... я писал там всё. Ну и вот... вольную жизнь вёл, ты понимаешь?

Ага. Свободны были.

Четков: А?

Ни от кого не зависели, были свободны.

Четков: Да, всё! Да, независим был, плевал я на это дело. Там что-то мне будут говорить... там, художники там. Уже... Ну, и вот... и...

Сколько Вам было тогда лет?

Четков: А?

Сколько Вам тогда лет было? Лет сколько было?

Четков: Лет мне было двадцать-двадцать два так... двадцать три... так вот, да. Двадцать три, потому что я уехал, я там ещё сколько жил, три года учился там. Да, вот так вот. Ну, и вот. Там, значит, ходили казашки. Разносили молоко там. Понимаешь ли ты, всё это... ну, я покупал у них. Ну, мать ко мне приходила там. Ну, и вот осенью. Осенью он, сказал, что, ребята, вы уже художники, но, говорит, вам надо иметь дипломы. Сейчас, говорит, без диплома... вас никуда не возьмут.

Да.

Четков: А вы, говорит, уже самостоятельно можете работать, всё. Ну, я сказал, я... хорошо, я подам документы. В Ленинград.

Угу.

Четков: Значит, всё. Пришло время к осени, я написал в художественное училище. Послал документы, диплом, то есть... аттестат. Это... смотрю, жду-жду... Ничего нет. Я так... я собрал деньги, всё, и поехал. Приехал. Приехал, значит, сюда, в Питер. Ленинград. Не могу устроиться нигде, ничего нет. Ничего не знаю, сижу возле цирка так, понимаешь ли ты? Ничего там нет, никого нет. Нашёл это училище художественное, значит, посмотрел там – да, говорит, документы есть, можешь, говорит, сдавать. Ну, познакомился с ребятами, которые там сдают.

Угу.

Четков: С этими с ленинградскими. Они такие эрудированные парни, значит. У одного там устроились мы, родители уехали на курорт. Значит, у него квартира шикарная там! Собака там это... Буль-терьер или какая-то... вот эта короткохвостая. Ну, и вот, мы рисуем там утром до... часов до четырёх, до пяти рисуем. Утром бежим, покупаем батон хлеба, кефир. Поедим – и опять, понимаешь ли ты.

Ну, это...

Это вы готовились к экзаменам?

Четков: А?

К экзаменам готовились так?

Четков: Да. Готовились к экзаменам. Да, всё это рисовали... всё это... вот... Они это... об искусстве говорят. Там всё это... Ну, я думаю, ну ёлки зелёные... в общем, такие парни образованные! Куда: Ну я – пфф! Вроде бы не смогу, понимаешь? Вот так вот-то.

То есть Вы чувствовали себя там не совсем ловко, да?

Четков: Ну да! Чувствовал себя не так, не особенно, значит, так это... Потому что они действительно... они родились здесь.

Угу.

Четков: Они знают Эрмитаж. Знают Русский музей. Значит, всё, а я там... один там ни разу не был, понимаешь ли ты?

Ну да.

Четков: Несмотря на то, что я смотрел на это всё, но это репродукции...

Угу.

Четков: А это же...

Не то.

Четков: Ну, нааяву! Ну, я думаю, я наверное, конечно, не сдам, они все поступят. А я, конечно, не сдам. Ну, и вот, начали мы. Пошли мы, начали сдавать экзамены. Серовское училище. Всё, значит. Я всё сдал, у меня на пять, а их не приняли. Из них никто не сдал. А я сдал.

Живопись сдавали, да?

Четков: Живопись, графику, рисунок – всё. Значит, там было. Ну, и вот... значит... учусь, нашёл я квартиру. У женщины. Ну, а так как не зависимый... я был независимый человек, думаю, что-то надо делать, я устроился в это... на Невском в кафе и... да, не на Невском, а это... на Лиговке.

Угу.

Четков: Я с Невского возил продукты, вот как... большая коляска вот такая была... большая коляска вот так вот... я возил со склада на Лиговку в кафе... возил продукты. Осень. Я легко одетый, ты понимаешь ли всё? Ну, и вот, значит, я заболеваю. Заболеваю, значит. Температура сорок. А я утром встаю, так всё нормально, хозяйка такая хорошая была женщина, одна жила она. Чего, говорит, Боря? Да я, говорю, температура так сорок, так – ерунда какая-то. Я пошёл в Русский музей. В Русский музей пришёл, пошёл, прихожу, смотрю – сидит милиционер и врач. Температуру смили – тридцать... сорок один. Мне даже встать не дали, на носилки меня... положили – и в больницу. И там, значит, уже начали меня возить по больницам. Не знаю, не могут определить. Туберкулёз или что? И вот в одной больнице лежу, в другой – туда.

А откуда они взялись у Вас дома? Врач-то?

Четков: А она вызвала.

Аа. Женщина.

Четков: Она вызвала. Эта женщина видит – она подумала, грамотная женщина. Она видит, что мало ли какая у меня болезнь?

Угу.

Четков: Почему у меня такая температура?

Угу, угу.

Четков: Сразу она догадалась, что это... ну, и вызвали врача. А если я буду сопротивляться – милиционер тут. Ты представляешь с себе?

Всё предусмотрели.

Четков: Всё предусмотрели, да. Ну, а когда смерила меня – сорок один, ты понимаешь ли ты? А я – хоть бы что! Давай, всё.

А Вы не замечали сами, да?

Четков: А я не ощущал. Что сорок один градус. Ну, и вот... начали меня возить по больницам, не могут определить. Я уже вот полгода там, возят меня там. И привезли меня в Военную медицинскую академию. А там был профессор Рагоза. У него... и он меня сразу определил! У него, говорит, бруцеллёз. А что такое бруцеллёз? Это болезнь животных. Значит, животные заболевают этим, а так как я у казашек пил сырое молоко, бациллы. Микробы. И они ко мне попали. Но так как я человек здоровый был, сильный, и питание было хорошее, эти микробы спокойно сидели.

Жили там просто, да?

Четков: Так же, как в нашем... в организме всё есть, все микробы.

Да.

Четков: Ну, и вот. А как я... немного истощился, понимаешь, да? Питание было не особенное. Осень ленинградская. Ботиночки тоненькие такие. Так. И меня и схватило, понимаешь ли ты? Вот я и... прихватило меня. Ну, и вот и... значит, уже... вот уже год-полтора я по больницам. И вот... вот попал в эту больницу, Военную медицинскую академию... и там лежу. Лежу, большая палата. Я уже ничего, собственно уже...

А вот Вы в полтора... у Вас какие-то симптомы были? Что-то болело, вот? Как вот вы жили?

Четков: А ты знаешь? А вот... фактически ничего не болело, понимаешь ли ты? А шла у меня кровь из носа.

Угу.

Четков: Сильная была кровь и температура. И я уже не ходил просто. У меня болели ноги.

Угу.

Четков: Боль в ногах. И я не ходил. И каждую неделю мне делали переливание крови. Каждую неделю. Значит, делали тампоны, вот сюда в нос натолкают мне там тампонов там. Сидит какая-нибудь, придёт врач молодая там, толкает-толкает. Я как рвану – она вся, халат весь в крови! У ней всё это. Молчит. Тогда было, вообще было такое терпение, такое уважение к человеку, я тебе честно говорю. Молчит. Всё это, пойдёт переоденется и опять-таки начинается. Так. Ночью...

А Вы специально что ли так делали или нет?

Четков: Да нет! Ну просто там уже зуд. Ты понимаешь? Натолкали тебе...

Больно было?

Четков: Тут вот такую кипу! У тебя этого... марли! Туда натолкают, понимаешь ли ты? Она сворачивает и толкает туда её, чтобы... тампоны делает, чтобы... у меня кровь не шла. Ты представляешь себе? Вот я выдерну это, и она – ну, это один-два раза было, а так вот лежишь вот это... Ну, и вот... потом, значит, ночью... утром там... тебе это всё вытащишь, кровь хлынет, вот такие были плевательницы, такие. И полная плевательница. И... ну, а потом, значит, на следующий день, когда... переливание крови. Там, значит... брали... у меня третья группа. Брали первую группу, вторую группу. Там... и от девочек, там и от кого... Вот ты, говорит, ты первая группа... девочка одна, говорит, дала, восемнадцатилетняя, говорит, понимаешь ли ты это? Ну, и вот мне всё время мне это вливали. А я... я не ходил. Не ходил и болели ноги и температура. Всё время. Температура не спускалась всё время. Тридцать девять, тридцать восемь, вот... Ну, и вот и... А я лежал так вот, окно – и двери. И всё время открывали, и у меня перепонка лопнула. Не стало перепонки. Я вот на это ухо плохо слышу.

Продуло.

Четков: Продуло меня, понимаешь ли ты? Ну, а ночами я потел. Раз а три. Мне, кричу: Няня! Весь мокрый! Приходит няня там, санитарка. Несёт чистую...

Одежду.

Четков: Чистое бельё.

Угу.

Четков: Кальсоны, рубашку. Переоденет, проходит какое-то время, через час-два-три – опять с меня пот. И опять... сейчас я бы давно уже – фффф!

Сейчас бы никто с Вами не нянчился, да.

Четков: Сейчас – неет! Там такое отношение было! Понимаешь ли ты? И вот потом я в конце уже лежал отдельно. В палате. Запах пищи я уже не переносил. Уже всё, не мог. Меня уже кое-как... только давали там что-нибудь поесть. Обмотанный вот такими... ватой... обмотанные ноги. Лежу и...

Почему ноги обмотаны были?

Четков: А?

Почему ноги были обмотаны? Они что, болели?

Четков: Больно было прикасаться друг к другу. Ноги. Друг к другу нельзя было – боль была. Вот. И я лежал уже, как подопытное животное. Утром приходили студенты-медики. Меня осматривали, ходили. Врач рассказывал, какие там симптомы. Всё.

Вы уже на последней стадии бруцеллёза, человек почти умирает.

Четков: Да! Я уже давно (машет рукой), всё – давно уже. Труп уже, всё. Вот. Ну, лежу, значит. И однажды лежу. Всё, уже не ем несколько дней. Приходят солдаты, он, говорит, умер. Умер на меня. Берут меня солдаты и в морг.

Ничего себе!

Четков: Потащили. А там, значит, в Академии большие пороги такие, и они о пороги там запнулись, понимаешь? И я пошевелился. Так он, говорит, живой! Назад меня!

Ой, Борис, вообще!

Четков: Меня назад! Назад, ты понимаешь, это надо! Назад меня, значит. Ну, ладно. А я-то не помню. Рассказывают. Назад меня. Потом, значит, прошло какое-то время, мне выписывали вот... ампулы вот такие вот ампулы. Я тебе покажу.

Ещё осталось?

Четков: Нет! Не остались, но они вот такие были.

Аа, да-да-да-да. Это как...

Четков: Вот такие ампулы, только красные. Вот такие ампулы. На золото... выписывали из Америки. На золото выписывали.

Одна ампула, да?

Четков: Не было таких. Такие вот ампулы. И вот я их глотал там всё. Ну, вроде бы меньше-то немножко стало лучше.

Угу.

Четков: Лучше стало. И вот... и одна врач там... ну, делает мне... то сюда разрежет мне, в какое-то место мне вошьют женсоке, то ещё что-то. То есть уже экспериментировали на мне, понимаешь ли ты? Вот. И одна врач говорит: Давай, говорит, возьмём у него пункцию. Из этого... из позвоночника мозг возьмём. У меня. Что, говорит? Всё равно, говорит. А вторая говорит: Я, говорит, не дам. Через мой труп! Не дам, говорит, и всё! Ну, и вот у них там споры все были. Если бы они мне это сделали, я бы, конечно...

Умер сразу.

Четков: Ну, мозг.

Да.

Четков: Я был бы инвалидом.

А зачем они хотели это сделать?

Четков: А вот, это эксперимент. Эксперимент, понимаешь? Они экспериментировали, они не знают, как лечить. Экспериментируют! Ну, мне немножко лучше стало так всё. Вот этот... заведующий и говорит: Ну, говорит, ладно. Говорит, надо отправлять его, мы ничего сделать не можем. Где он родился, давай отправлять его на родину. А я родителям не писал! Они меня нашли уже. Нашли! По-

тому что я в больнице там, всё. Я самостоятельный был. Нашли меня. Говорят, как? Что с ним? Говорит, они не знали даже. Потому что я – столько времени не писал! Нашли меня, и отец приехал в Красноуральск уже, то есть в Новую Лялю приехал. Да, нет. В Свердловск.

В Свердловск.

Четков: Отец приехал в Средловск и купил за городом дом.

Угу.

Четков: Дом купил, значит, всё нормально у них всё. Пусть, говорит, там при... там сообщил. Пусть, говорит, приезжает. Ну, меня это... взяли там... сопровождающие... и отправили. Я приехал. Приехал, значит.

Вы ходили уже?

Четков: Уже, да! Уже немножко ходил. Уже ходил, уже всё. Приехал. Там сообщили врачу. Мне дали... там комната отдельная была. Мне кровать сделали. И приходил ко мне врач. Каждые там... два раза в неделю там... три... приходил. Ну, я лекарства принимал. Там лежал, всё. Вот. Ну... и вот, осень. Ходит коновал. Подлечивает телят, то есть, жеребят там, кастрирует там...

Угу.

Четков: Подлечивает, да? Кастрирует. Всё там всё...

Это, как ветеринар сейчас, да? Коновал.

Четков: Коновал, да!

Как ветеринар, да?

Четков: Ветеринар! Да. Ветеринар. Ну, отец говорит: Слушай, говорит... подзывает его, слушай, говорит, вот у меня сын, говорит, бруцеллёзом болеет. Можешь вылечить? А могу, говорит. А сколько? Четыреста рублей. А в то время четыреста рублей-то, какие деньги были! Знаешь, сколько!

Много, да, было очень?

Четков: Он говорит: Ну, ладно, говорит. Всё. Вот он даёт мне лекарства, сулема, мышьяк, травы, всё это сделал. И вот, говорит... вот настой на литре водки. Литр водки. Пусть, говорит, пьёт от напёрстка до стакана. И от стакана до напёрстка – он у тебя, говорит, пойдёт.

Угу.

Четков: Лекарства эти все, говорит, аннулируй.

Угу.

Четков: Не пить. Ну, значит, я потихоньку начал. Ну, прикладываться. Значит, перед обедом там, каждый раз. Смотрю, мне лучше. Врач приходит: Ну? О! Лекарство помогает. Хорошо, говорит, у тебя дела? Я говорю: Да, вроде ничего. Вот. Как я стакан выпил, вообще прошёл. И он и ходить ко не стал!

Ага.

Четков: И прошло уже время – к осени. Я уже пошёл учиться. В техникум. Ну, я, значит, в техникум

не поступил, по... математику... в то время была математика, ты представляешь себе? В художественный вуз – математика!

Ничего себе!

Четков: А я математику не сдал. Я это... отошёл. Ушёл, значит. Ну, что делать? Я... так как я с черчением там знаком, всё, я устроился в школу преподавателем. В школу устроился преподавателем, и... а там, значит, из художественного училища преподавал опять-таки известный художник – Шмелёв.

Угу.

Четков: Который ученик Машкова. Ну, Машкова знаешь ты? Слышал, да, о Машкове? Я тебе могу показать.

Да, конечно, конечно.

Четков: Это ученик Машкова! Вот эта большая книга, я тебе покажу фотографии. Не видел?

Давайте посмотрим, да.

Четков: Ой, не то. Вот, я тут вот. Я с сёстрами. Это вот уже пожилые мои родители.

А покажите.

Четков: А?

Сюда покажите, на камеру.

Четков: Угу.

Вот семья Бориса. Борис... Это Вы вот здесь вот стоите?

Четков: Люба и Тамара.

Ага, Люба и Тамара.

Четков: Сёстры.

А это?

Четков: А это пожилые уже родители мои, уже в возрасте большом. Уже за восемьдесят далеко или под девяносто.

Угу.

Четков: Они очень красивые были... отец и мать красивые были люди. Вот. А это я. Вот это Гулаг, где я был. А вот это я. Это я, когда ещё до... в Караганде это... до поступления... то есть в Свердловске, до поступления в училище. В Свердловское.

Давайте тоже посмотрим. Это Гулаг. Это Борис молодой.

Четков: Вот. Вот этот Шмелёв воз здесь вот, а это художественное училище, где эта группа... мы уже перед дипломом.

Угу.

Четков: Вот. И он показывает мою... Вот это я... показывает мою работу всем. Как надо работать. Понятно?

Ага. Вот Шмелёв.

Четков: Шмелёв этот.

Вот Борис, вот его работа.

Четков: Угу.

А здесь на этой фотографии кто?

Четков: А эта группа вот это, где я... видишь, нет?

Покажите.

Четков: Вот тут я... сижу вот. Вот, это я. Лежу.

Аа, Борис такой. Молодой такой. Угу.

Четков: А?

Да, здорово.

Четков: Вот. И вот я начал учиться у этого Шмелёва, а даже... а это была группа... преподавателей. То есть как... как...

Угу.

Четков: Группа подготовительная это.

Да. Повышение квалификации.

Четков: Повышение квалификации. Но он со мной занимался отдельно. Отдельно, значит, я к нему приходил домой... он видел: я... видит, что я работоспособный. То есть, я люблю это дело – видит... что какие-то результаты. И он со мной отдельно занимался. Он говорил... и то, что я уже имел школу какую-то, Эфферта, он всегда потихоньку у меня переделывал. То есть, знаешь, ты посмотри, Боря, вот из академии худож... эти... ребята присылают мне свои работы... ты посмотри, как они пишут. Вот ты пиши так вот, у тебя какие-то всё цвета другие, отношение какое-то другое. Вот ты вот так вот. Но я говорил: Ладно, ладно. Я, конечно, переделать всё не мог.

Уже была школа потому что.

Четков: Я уже по-своему видел мир, по-другому. Видел цвета, отношения. Я уже не мог это... как они делать.

А Вы у Эфферта так же вот писали, как сейчас или?...

Четков: Ну, да! Да, свободно!

Да? То есть в таком же стиле?

Четков: Свободно! Да, я там... Там же, значит, что? Я даже там голландцев копировал. Он там говорил – голландцев. Там импрессионистов, то есть я уже те... тех... те вот, тех художников, которые вообще

запретные были для того времени. Даже о них даже не знали! Я это всё у Эфферта узнал.

Угу.

Четков: Ты, понимаешь ли ты? Что вот именно есть такие, как импрессионисты, как это... Йоген там, Ван Гог, понимаешь ты? Я даже копии его, Ван Гога делал там. А... вообще! Это даже запрещено было!

Угу.

Четков: Если был бы я... говорил бы о них в советское время, меня вообще-то как... да, я и так и... из Москвы за это и выгнали! Потому что я говорил свободно и о художниках, и о творчестве! А в то время! Поэтому... ну, он говорил со мной, рассказывал вот это... Шмелёв, а так, чтобы какие-то вот дебаты были... то, что вот именно... он просто говорил так, легонечко: Боря, вот ты вот так, вот так, вот так... Ну, и вот... Ну, осень пришла, осень... и я... начал поступать.

Угу.

Четков: Туда. И, главное дело, так, что... математику отменили. И... русский я уже не особенно так... здорово знал. И когда мы начали сдавать экзамены... и вижу – две девочки. Девочки, которые только кончили десять классов. Они говорят: А помоги, говорят, нам та-та-та-та... Я говорю: Хорошо. Тогда, я... Говорю, с русским у меня не особенно может быть. Мы тебе, говорят, поможем. Диктант.

Угу.

Четков: Ну, и вот, и пока он ходил... преподаватель ходил, я всё нарисовал. Им нарисовал.

За них!

Четков: Я!

За них!

Четков: Для них!

Ага!

Четков: Всё сделал – всё. Вот. Диктант, она тут сидит, и другая сидит. Я в середине. Так это сидим.

Прикол!

Четков: Понимаете?

Раньше так же поступали, да?

Четков: Да! Говорит: Боря, говорит, двоеточие. А я вроде так, да, я говорю, знаю. Вот так, те-те-те-те. Всё. Всё я тоже сдал. Отлично.

Угу.

Четков: Они отлично, и я отлично. Всё – поступили.

Здорово!

Четков: Представляешь себе? Во как! А... и вот, потом я им тоже там помогал, но потом они уже там стали сами работать. А одна такая – Малинина... Она кончила академию здесь. Я, правда её видел

как-то, но я прошёл, там уже с ними так... потому что, когда мы вместе учились, уже были... уже не в ладах. Почему? Потому что они любили болтать... за... на живописи и на графике, а я был серьёзный человек. Я говорю: Слушайте, болтаете – пришёл человек, там, на один, на два часа! Какой смысл, я говорю. Зачем приглашать? Так на меня вся группа, ты понимаешь ли ты? Ну, я тут такой был, потому что я был всех... во-первых, всех старше.

Сколько Вам тогда было лет?

Четков: Ну, вот когда вот уже... мне было лет двадцать пять.

Двадцать пять.

Четков: Да! ...двадцать шесть.

А куда Вы поступили учиться? В училище?

Четков: В училище художественное.

В Свердловское – так?

Четков: Даа! Вот. Я в художественное училище там поступил, вот... и... как-то так. Вот уже мне было уже когда... было уже двадцать семь лет. Уже когда я кончил.

Угу.

Четков: Понимаешь ли ты?

Два года там, да, учились?

Четков: А?

Два года там учились?

Четков: Нет! Подожди... не два года... я был... двадцать три так... двадцать три. Ну, как же! Пять лет! Ты что? Пять лет, художественное училище – пять лет!

Двадцать восемь, значит, было.

Четков: Да! Мне двадцать семь лет было уже!

Угу.

Четков: Вот, двадцать три там... вот, двадцать семь лет. Вот так. И, значит... А... кончил я... Да! В то время, когда я ещё учился, родители тоже опять-таки... там уже переехали... Родители переехали уже в город. Отец устроился там на какой-то... кожный какой-то... там это... завод какой-то. И вот нам дали квартиру, большую, огромную квартиру и – двор! И он принимал шкуры. Отец. Лошадь у нас была там, всё это.

Угу.

Четков: Ну, и вот, и я, значит, позна[комился]... с ребятами там. Осенью там или летом запрягаем эту лошадь, колёса, там петровская коляска какая-то была такая старая... и едем по городу на кобыле на этой, понимаешь. В лес... это... писать, понимаешь ты? На нас все так смотрят там. Кто такие? Откуда такая выехала? Вот. Приезжаем в лес... там поле, там её...

Отпускаете?

Четков: Привяжем её. Янкели или путы на неё оденем, она там пасётся, а мы пишем... этюды пишем. Вот так вот всё это было. Вот. Ну, а... двор-то колоссальный был. Приезжали люди там, это, значит... такие, этот... с деревень там, привозили шкуры. Шкуры, мясо там привозили, там, знаешь, так это? Нормально было. Ну, и вот сестра у меня, значит, вышла замуж там, а комната была, где мы спали, метров около пяти, такая высокая. Ну, я, значит, сделал себе полати. Она внизу с... этим... с молодым.

Угу.

Четков: Парнем уже. А я вверху. Ну, вот там у меня вот такое местечко было так. И я это... ставлю натюрморт и пишу акварелью там. Два часа ночи, три часа ночи – я это шпарю. Она: Боря, ну дай поспать! Ты выключай свет! Там всё... ну, я выключу этот свет. Вот так. Ну, а потом, значит, они уехали. Мои родители: Надо жениться. Да! Когда мы учились вот здесь, я познакомился с девочкой.

Угу.

Четков: Ну, там познакомился – всё. И она к нам приходила. Вот. И потом, значит, она что-то сказала... она, говорит, в положении, тебе, говорит, надо жениться на ней! Я говорю: Да не может быть, там всё. Да! Говорит, она, говорит, в положении. Там всё, говорит. Жениться тебе, говорит, надо. Ну, ладно. Сделали свадьбу. Женили, а оказывается – нет.

Не в положении.

Четков: Нет. Да. Ну, я это... значит, там живу, там всё... Идёт мой друг, так идёт... Боря, а ты чего, говорит, тут делаешь? Дак, я женился. Да что ты! Да бросай ты! Иди к чёрту! Что это за женитьба такая? Ну-ка давай – и я в окно выпрыгнул и убежал! И убежал!

Это родители всё так подстроили?

Четков: А?

Родители подстроили?

Четков: Ну да! Родители. Да. Им и надо, видите ли – жениться, чёрт возьми-то! Ну, я... так и убежал я. Это... и всё. В окно! А этот, как... это, знаешь? Вот этот... Юморист-то вот этот... еврей-то, который рассказывает...

Задорнов?

Четков: А?

Задорнов?

Четков: За... За... Нет, не Задорный! Еврей-то толстый такой... так?

А. Не знаю.

Четков: У, чёрт. Забыл его. Он тоже рассказал. Говорит: Я, говорит, женился, тоже в окно, говорит, убежал! Дак я, говорю, у меня такая же история была! Он тоже рассказывает это! В Москве! Люда помнит его. Как его, забыл его. И у меня то же. В окно убежал и всё. Вот. Ну, потом она ко мне приходила, всё. И, конечно, ребёнка пришлось... я заделал ей ребёнка.

Сделали всё-таки.

Четков: Да. А ей... родители... ей сестра и говорит: Пусть, говорит. Не надо, говорит. В... роди от него ребёнка – и всё, говорит. Ну, вот и я... она родила это ребёнка от меня, и всё. И вот... а ребёночек вот такой же был маленький, такой... а я любил детей-то... всё. Я как-то однажды прихожу... и хотел его украсть! А они в милицию побежали! Милиция... милиция прискакала тут, понимаешь ли ты? Я убежал. По дворам бежал. Они за мной бежали. Я по дворам несусь там где-то! И я – раз! В один в хлевный двор заскочил – и спрятался. И они меня искали-искали. Не... найти не могли меня. Не нашли, я удрал. Удрал я, значит, и больше не появлялся. Не появлялся...

Что бы Вы с ребёнком делали, Борис?

Четков: А?

Что бы с ребёнком делали?

Четков: Я не знаю! Я сам ведь не знаю, что.

Борис!

Четков: Я бы не знаю, что с ним делал. Ну, вот. Ну, значит, ладно. Потом проходит время, я уже... кончил училище уже, всё... и я им, родителям, говорю им: Мне не надо всё это... всё это ерунда. Я же поеду учиться, и до этого говорил: я же буду учиться, зачем мне эта женитьба? Это всё? Потому что у меня цель была учиться. Ну, и вот, перед тем, как мне уехать уже, я отработал два года, честно отработал. И перед тем, как поехать, она уже мне его приводит. Такого парня приводит. Мальчишка. Приводит. Ну, я на него посмотрел, так всё так. Ну, парень такой, хороший парень, похож на меня там вроде. И я уехал. Уехал... уехал в Москву. В Москву. Ну, уехал в Москву, там, значит... я уже рассказывал, как я поступил. А, да! Я не в Москву поехал. Я в... поехал...

В Петербург.

Четков: Я в Питер поехал. В Питер.

Угу.

Четков: В Питер поехал, значит... сдавать. Привёз меня преподаватель... в Академию. А в Академии, значит... а я... что-то мне не нравилась эта Академия там эта... пошёл рисовать там в парк там туда. Прихожу, там всё это. Вот. А он приезжает, преподаватель-то: Чего-то ты не сдаёшь? Да, я, говорю – вот... Пошли! Он опять-таки договорился, меня допускают к экзаменам! Допускают...

А что за Академия была?

Четков: А?

Что за Академия была?

Четков: Вот... вот эта Академия художеств вот наша.

Угу.

Четков: Вот эта наша Академия, питерская. Ну, я там сдавал, всё, значит... проходит время, там, значит, мне поставили двойки и говорят: Ему здесь делать нечего! Сказали мне. Ну, мне переделывать надо, понимаешь? То есть меня Эфферт, Шмелёв, там это всё там потихоньку... а я, чего меня учить, когда я уже? Учить – учёного, переделывать надо зачем я им? Они брали этих... вот, из школы, студентов брали, это... десятого класса.

Да-да, чтобы с нуля.

Четков: С ними занимались. Делали с ними, что хотели. А со мной-то заниматься надо, правда ведь? Отдельно, да притом, может быть, такой упрямый человек. Кто его знает? Ему делать здесь нечего. Ну, и всё, я забрал документы и иду, узнал, что есть такое Мухинское - Муха. Вот, в Муху прихожу, значит. Я уже говорил... прихожу вот, показываю, а там у меня, конечно, пятёрки стоят там, ну и... и написано, что мои документы были в Академии.

Угу.

Четков: Штамп ставили, чтобы работы-то не потерять. Как - мало ли, человека... его не примут, он забирает работы, ему надо забрать. Или они потом идут в архив... если примут его, то эти работы идут в архив. То, что вот такой-то поступил.

Угу.

Четков: Такой-то, такой-то. Ну, знаешь - документация.

Ну, да.

Четков: Это же история! Ну, я показываю всё это, а эта... лаборантка там ворчит... Вот! Там не сдали - сюда идут! И так вот полно вас! Ту-тэ-тэ-тэ-тэ. Ну, ладно, я молчу там. Стоит человек там. Подзывает меня. Боря, говорит, я, говорит, вижу - у тебя, говорит, хорошие работы - всё. Я, говорит, хочу, чтобы ты, говорит, у нас учился в Москве. Я председатель приёмной комиссии, Строгановка училище. Оно, говорит, такое же, как вот это. Поедем, говорит, в Москву. Я говорю: Хорошо. Моя фамилия Волошин. [57:53] Это известная личность. Волошин. Ну, я и поехал. Поехал в Москву с ним. Приехали, значит, да... а там... там, значит, толпа народу. Сдало... сдавать. То есть здесь как-то было странно интересно. Здесь уже тоже принимает, и там. А в... в Академии уже экзамены кончились. То есть это, видно, давали возможность, чтобы люди, которые не поступили где-то, пришли в другое.

Угу.

Четков: Понимаешь ли ты? А если бы все сразу, то наплыва бы... там по... талантливых ребят не было бы. То есть приходили бы только из школы.

Угу.

Четков: А то ведь... а они же ведь заинтересованы были, чтобы из училищ приезжают которые - всё. Мало ли он не сдал по какой-то причине.

Угу.

Четков: Допустим, набор - пятнадцать человек. А их приехало тридцать человек. Ну, из этих выбирает, кого надо, а остальные-то тоже ведь не хуже. Их тоже куда-то надо устроить. Поэтому они отсеивают и... а там уже периодически вот эти вузы... сдают уже после этого. Друие. И эти... этот же контингент идёт туда, и их там принимают и уже...

Угу.

Четков: Уже, как говорится, люди не пропадают!

Пристроены, да?

Четков: А?

Пристроены получаются.

Четков: Ну, да! Пристроены, и они уже начинают учиться, понимаешь? То есть, вот. Ну, и вот, короче говоря, мы едем в Москву, я там устроился, там всё нормально. Вот. Но... да! Но, значит, там перед тем, как сдать документы, такой здоровенный там зал колоссальный... такие деревянные двери... такие, ну, старинное здание!

Угу.

Четков: Старинное, оно ещё до революции было это Строгановское-то... там же учились. Вот. А где-то вдалеке там, за этими дверями, где-то вдалеке там... большущий, этот... такой... ну, эти... большие... стол. Большущий стол. Комиссия сидит. А где-то там, далеко, сидит директор, он невысокого роста, такой директор сидел. Ну, вот. И приносят документы. А это... в скважину все смотрят, как там что. И вот, говорят: Ну, как сегодня? Говорят. Только, говорят, комсомолцев принимают! Ну, нормально, значит! «Комсомолец» заходит, с такой бородой, приходит. Ты кто? Как у тебя? Комсомолец? Комсомолец. Сколько лет? Тридцать четыре. Ха-ха-ха там! Понимаешь? Ну, там каждый день такая хохма идёт! Все смеются, там всё это. Значит, то ещё кто сморозит там что-нибудь там. Где какой – все комсомольцы там. Тридцать четыре года – комсомолец. Комсомолец! Ну, ладно. Ну, и вот... ну, я, значит, третий день там. Что-то меня не вызывают – ничего там. Вдруг выходит эта... секретарша эта, комсомолка. Из комсомола. Отзывает меня в сторонку. Говорит: Ну, документы как там? Так вот, я говорю. На какое, говорит, отделение Вы хотите? Спрашивает меня. Ну, он её послал, Волошин-то. Так, я, говорю, знаете я, конкретно решил, ну, может быть, на керамику или, может быть... я, говорю, наверное, на ткани пойду. Отделение тканей. А отделение тканей – это тоже было интересно. Почему? Потому что там и гобелен, там история... история вся тканей, и египетские там гобелены, и там вся эта роспись. Всё это очень здорово. Я говорю, наверное, туда. А она приходит ему и говорит: Да, он, говорит, не знает, куда пойдёт. У меня документы откладывают.

Угу.

Четков: Понятно? Ну, меня отложили, значит, всё. Парень один из Свердловска... с живописи тоже там... Боря, говорит, это... я, говорит... у меня документы приняли, говорит. Всё. Завтра, говорит, мы экзамены уже сдаём. Вот, приходи, говорит. Я матери письмо написал, говорит. Ты передашь, поедешь в Свердловск. Вот. А пока оно идёт по почте, говорит, долгая история. Я говорю: Хорошо. Я прихожу на следующий день... что-то смотрю там. А там были из Белоруссии... пара, девочка и парень. Смотрю – стоят, рисуют. А их так же отклонили, как и меня.

Угу.

Четков: Не взяли документы у них, всё. Я говорю: А вы что, как сюда попали? А мы, говорят, съездили в министерство, нам разрешили! Ёлки зелёные! Какое-то письмо там? Туда – в министерство! Приезжаю, сидит... молодой мужик, лет тридцать пять так, тридцать шесть. Я, говорю, Вы знаете, вот все документы, направления, отличные там направления, чтобы я поехал учиться, всё. Я отработал своё всё. Я говорю: Вот, пожалуйста. Я, говорю, имею право сдавать документы? ...сдавать экзамен? Не учиться, а сдавать экзамен? Имею право? Имеете. Я: Вот меня не взяли. Хорошо, сейчас устроим.

Угу.

Четков: Берёт трубочку, тэ-тэ-тэ... езжай. Я приехал, встал и начал. Там всё это. Всё, значит, там. Живопись, я там акварелью так писал – народ сзади, стояли все, сту[денты]... всё смотрели, как я там

пишу. Всё на отлично там, всё это сдал. Вот. Это... литература. Сочинение. Значит, начал писать заголовки, ко мне подходит эта... литераторша: У Вас всё в порядке, идите.

Даже не принимала! Даже, да?

Четков: Потому что он уже сказал.

Ага.

Четков: У него же, знаешь, это? Что и как я там сдал. Всё! Всё остальное я прошёл. И сочинение, и история искусств, история, литература советская! Всё я... чуть что скажу – идите, говорит. Всё. Всё, я поступаю.

В Строгановское училище, да?

Четков: А?

Так Вы поступили в Строгановское училище.

Четков: Да! Так и поступил. Так я и поступил. И на отделение, действительно, на отделение тканей. Меня, значит, так собрались... к[оманда]... группа собралась, всё. Всё это, преподаватель сказал: Вы будете старостой. На меня сразу – старостой. Ну, я старостой, значит. Вот. А там была группа... из ребят... был Арсен из Казахстана.

Угу.

Четков: И это... это... Алёна тоже была из этой... из Киева. Эта... дочка этой... знаменитой художницы... вот это... по... вспомню я потом. Значит. И вот они подружились. И они все вместе, значит. И я тоже с ними там. Ну и вот, как вечером кончаем – Боря, пойдём с нами! Ну, а они богатые, понимаешь ты? Ему вот из... этой... из Казахстана шлют посылки вот такие всё так, а ей мать деньги там шлёт там всё. Ну, ты что, Боря? Боря, значит, с ними в друзьях там это всё. Песни, дружим. А они, значит... им надо смыться... ну, любовные дела там. Сам понимаешь, как туда... а я пишу – все на месте. Преподаватель меня спрашивает: Все на месте? А я журнал веду. Да, все. А что, он будет спрашивать там, считать по головам что ли там? Придёт и... [пауза, смена кадра]

Значит, Вы рассказывали про то, как Вы там...

Четков: А?

С ребятами как Вы общались...

Четков: Да! Ну, общение у нас было хорошее, значит. Ходили на фабрику. На ф... ткацкие фабрики, там изучали... что-то в глаза здорово бьёт. Ничего так? Вот так... вот так. Поменьше, да?

Вот так вот.

Четков: Ааа.

Так вот. Нормально?

Четков: Угу. Вот, значит... при... так, заведующий был у нас... нашего отделения... был Иван Семёнович... этот... он как-то тоже ко мне расположился хорошо. Там был музей. Музей... музей тканей. Отдельно даже... отдельное помещение было, в Строгановке. Вот, я туда всё время приходил, там эти... ткани вот эти были... образцы: египетские образцы там, эти все вот вплоть до... чуть ли не до этого...

такие вот. Египет, потом...

Индия, наверное.

Четков: Там, израильские, старые... старинные образцы там были. Всё это, значит, кусочки под калькой. Всё это хранилось, то есть... ну, целый музей. Я приходил, он мне там доверял. Я там приходил, рисовал, изучал там всё... то есть я уже там чувствовал себя уже, как хозяин. То есть я уже как-то...

Осваивались.

Четков: Отлично всё это... устроился. Вот, ну, и с ребятами там мы... дружба была. Вот. Рисовать... вечером мы устроили... вечерний рисунок. Вечерний рисунок был независимо от занятий таких. Мы собирались, по несколько копеек собирали там... брали эту... натурщицу, тогда это же ведь всё недорого было. Знаешь, в то время? Там, может быть, полтора-два рубля ей там заплатишь там, это... она сидит там, позирует... мужик или там... всё это рисуешь... вечерний рисунок был. Вечерний рисунок... вёл у нас... известнейший художник [01:07:00] Сергей Герасимов. Это была личность такая! Он преподавал... был зав. отделением монументального искусства. Там было... там же было много отделений разных.

Угу.

Четков: Керамика, стекло, монументальное, дерево, металл, ткани – то есть это... ра[зные]... много-много разных отделений было. Он вёл на... на... монументалке. Ну, и вообще – как... академик, как профессор – он вообще там... многим руководил. Ну, такой солидный дядька был. А их... Герасимовых было два: Александр Герасимов...

Угу.

Четков: ...и Сергей Герасимов. Александр Герасимов – это был Совесткий художник, который там... который организовал якобы Союз, вот. А Герасимов был... то есть...

Сергей.

Четков: Сергей Герасимов был совершенно другой художник, другого плана. Он... ну, он писал... очень интересно писал. В общем-то известный уже был художник тоже. Вот. Мы иногда ходили на выставки. Его выставки не особенно делали, не в больших таких помещениях, а где-нибудь в закоулке в Москве сделают там... Выставка Сергея Герасимова. Бежим туда это так. Там смотрим там. Ну, вот так вот и проходила учёба. Так вот прошёл год. Год прошёл, преподаватели у нас были ещё старого времени. При царе ещё были они профессора. И они остались.

Угу.

Четков: Им ничего. Там, один преподаватель был у нас – ему за сто лет было. Кому девяносто пять, кому девяносто, кому восемьдесят пять. Понимаешь? Вот такие вот.

Угу.

Четков: Состав такой у него интересный был ещё. Ну, и вот год уже прошёл, на второй год нас собрал наш этот... преподаватель... этот... зав. кафедрой, наш этот... немец тоже был, фамилия у него немецкая это... вот и... собрал нас и нам рассказывал, что... как мы... как учились здесь и как было, в Строгановке.

Угу.

Четков: Вот, говорит: Ну, учились, говорит, в Строгановском... когда поступали, он тоже учился здесь., говорит, давали документы и ходили, говорит, во все классы. Где, говорит, нравилось. На все классы: на металл там... ну, везде, говорит, где, говорит, кому понравилось, тогда, говорит, туда и оставались. И се[йчас]... не то, что сейчас, говорит. Вот ты на ткани поступил. Может, тебе и не нравится, говорит. Вот, ты на металл. Может быть, не подходит. А тогда, говорит, выбирали сами. Ну, и вот... тут сидим, а я ему и говорю: Вы знаете, что? Переведите меня, говорю, на другое отделение, на... на керамику. Стекло. А пиши, говорит, заявление.

Угу.

Четков: Я написал заявление, меня на керамику перевели. Понимаешь ли ты? Перевели на керамику... Ну, керамика мне понравилась там это... живопись какая-то живо... там гончарные круги, там роспись эта вся. Вот. А стекло мне не особенно [01:09:52]. Почему? Потому что стекла как такового не было там, в училище. Вот. А в керамике там и печи были, печи... обжиг там... было всё это. То есть, было очень здорово оборудованное хозяйство. А стекло – это надо было ехать, они проходили практику на заводах. А учёба сама по себе была как бы, знаешь? Как просто схоластическая такая. Они на этих... на больших планшетах рисовали рюмки там рисовали, там это всё. Чёрный планшет, и белой краской рисовали там. Мне это не понравилось. Думаю: что, какая-то сухая... сухая учёба. Что это за ерунда какая-то? Я так не особенно внимание обращал. Вот. Ну, и... значит, перешёл. Значит, там работал там всё. Всё время пропадал в мастерских там. Потом у нас это... были преподаватели интересные. Вот это... которые... был преподаватель... Герасимов. Потом ещё был вот... Герасимов – я говорил. Потом ещё был Васильев [01:10:51], тоже вот у нас зав. кафедрой был наш, Васильев. Каждое лето я уезжал... там, когда мы поступили, я летом уезжал. И вот таких вот... вот такие форматы, вот такие – по триста этюдов привозил за лето. Помню, рисовал там всё. А наш: А что-то ты лучше меня пишешь как-то? Делал мне выставку... там. Вот. И путёвку мне давали в Дзинтари. Все учатся в сентябре – а я там опять-таки отдыхаю и пишу этюды там.

Угу.

Четков: Приезжаю – продолжаю там это работать. Ну, и вот, группа была, конечно, не особенно, потому что там коммунисты, в основном, были. Коммунисты, значит... ну, и девочек несколько там было... которые кончили десять классов. Ну, москвички. Ну, вот так учёба идёт, я себя... чувствую себя совершенно свободно... прихожу когда это всё, с преподавателями я дружен. Все это мне пятёрки ставят, тэ-тэ-тэ. Идём мы на... идём в музей какой-нибудь с преподавателем. Беседуем там, говорим о творчестве там, всё. Вот. Ну, и вот так учёба идёт. Учёба идёт, значит... и вдруг этот... Васильев (делает жест – конец). Пятый курс. Пятый курс, значит... приходит один, бывший лаборант – зав. кафедрой его ставят. И начинает... за мной начинается слежка, там уже «капают» на меня эти... коммунисты все... сидят, кто сидят, особенно был Ридин такой был, этот... заядлый коммунист, он был бывший... бывший этот... зам... начальник какого-то отделения... керамического завода, его приняли... это... Дулёвского. Приняли его сюда, вот там... ну, он такой дубина. Рисовать – ничего! Но всё пятёрки ставят ему. Разговоры какие-то идут о творчестве там и всё это... Я принимаю участие там. Там рассказываю, говорю там. Была выставка Пикассо [01:12:46]. Я о Пикассо говорю, о свободе там, всё это. Ну, они всё это на уши... вешают, а там всё это доносится туда.

Угу.

Четков: Что как я себя веду – там всё это. Ну, и этому... вот. Ну, этот... как-то получилось так, что дали нам индийскую репродукцию. Из Индии, копию делать. Копия, ну, она в таком состоянии... такая тёплая была, колорит-то тёплый. Ну, а я её сделал холодной. И вот прихожу... этот... сдаю работу. А почему ты сделал её холодной? Ну, я говорю: Ну, как? Я же ведь её сделал, рисунок я выдержал. Да!

Выдержал. Ну, а колори, говорю, я просто так чувствую. Потому что я чувствую, что она в холодном состоянии. Он: Как это так? Ну, и с этого начались у нас разные разговоры. То есть, мы уже... мы о творчестве уже говорили. Споры. И он начинает на меня уже... там всё. За мной стали следить, писать, когда я прихожу. Там уже лаборант записывала всё. И начинали на меня досье... катить. В этом принял участие зам. директора... ректора... зам. ректора. Категорически, значит: Что он такой этот? И меня выгонять. Значит, идёт Совет, все у меня пятёрки: живопись пять, по композиции пять, значит, рисунок пять, всё это. Как выгонять такого человека? Значит, они... у них цель – оценки сделать на тройки, а профессора отдельные, они не соглашаются. Он проходит, у меня стоит пять с плюсом. Вот ему надо, говорит, поставить тройку. Только пять! И уходит. Они ничего сделать не могут. Люди независимые, понимаешь?

Угу.

Четков: Они же у нас не преподают. Они неза[висимые]... просто консультируют и ставят оценки ребятам.

Угу.

Четков: Какие все. Они... первая неделя – не проходит... оценки сделать мне, понимаешь ли ты? Вторая неделя. Я думаю: что-то не в порядке, что-то... обычно проходили эти Советы – раз. Ну, за неделю, три дня, два дня – всем оценки выставили, всё! Продолжаем учиться. А тут смотрю: вторая неделя идёт, не учимся. Всё идёт Совет. Ну, вот, вызывают меня... завуч... и говорит: Боря, говорит, они тебя хотят выгнать. Ну, я говорю: Я понял, что-то, говорю, не то. Но они, говорят, хотят у тебя оценки сделать на тройки. Они, говорит, сделают это. Потому что, говорит, зам. директора... проректор категорически, говорит, против тоже, чтобы... поэтому, говорит, я тебя могу перевести, говорит, в Ленинград. Я работал в министерстве. У меня, говорит, там есть знакомства. Я, говорит, напишу, говорит... на тебя письмо там всё... отношение твоё. А работать, говорит, на заводе будешь только ты. Я, говорит, знаю. Представляете себе? Какой мужик был, а? Я говорю: Ну, ладно. Я в последний раз съездил в Дзинтари, на курорт. Всё, приехал... никому ничего не говорил, хотя у меня была уже невеста, которая... у которой отец работал в Кремле... это... был мой друг, который с первого курса меня это... у него работала мать в Кремле, врач. Отец был министр железной дороги. Я бы мог кому-то из них что-то сказать, что вот так и так – тут сразу... Звонок там оттуда – и всё. Так, как раньше делалось. Я никому ничего, слова не говоря, всё собираюсь и уезжаю сюда. Пристроился здесь... здесь вот... устроился. Вот. Значит, приезжаю. Марков такой, ректор... не проректор, а он зав. отделением был. Вот. Марков. Профессор. Ну, что? У нас вот. У нас всё по-разному... то тут... как вот ты здесь будешь учиться? Так всё у нас тут... Да, я, говорю... я же, видите, я человек серьёзный, я же не мальчик какой-то. Я говорю: Оценки видите мои какие там всё. Ну, ладно, переходи. Переходи! Ну, я... сдал документы, всё. И опять-таки день-два прошло – Ты будешь старостой! Ну, нормально! Ребята такие – вот такие (показывает жестом – хорошие) все, значит. Вот. Пишем мы это... я пишу уже по сво[ему], [01:17:12] все это... ко мне: Ох ты! Здорово! Ну, все эти студенты, ты уже там, понимаешь. Вот. А напротив там, вот так вот, как вот этот – там немножко подальше, это... институт другой. Окна эти, окна эти... А они, эти наши хулиганы, понимаешь? Эти пацаны... банки с краской... они туда кидают! Представляешь себе? Там, значит, жалоба... оттуда. Меня вызывает этот Марков и говорит: Ну-ка, говорит, скажи, кто, говорит, кидал? Вот такой и такой. А что я буду говорить что ли? Иванов, я Иванова знаю что ли? Иванов. Я с ним потом дружил там... Миша там был... там. Хорошие ребята. Я говорю: Я не был, не знаю. Как не знаешь? Ты должен сказать, говорит. Ты, говорит, там вот... там жалоба такая. Я говорю: Не знаю. Ну, так раз-два он меня вызвал, понимаешь ли? Ну, что я... ни на кого... никого не продал там... и всё на этом и кончилось.

Угу.

Четков: Понимаешь? Ну, диплом. Да! Не диплом! А уже работы. Выставлять надо уже всё. Ну, мои работы смотрят – что будешь с ним делать? Торжку ставить? Говорит. Пятый... шестой курс. Да ладно, поставь ему тройку с минусом. Ну, говорит, его!

А почему так? Потому что по-своему?

Четков: Не принимали! [01:18:29]

Потому что по-своему писали?

Четков: А?

Потому что по-своему писали?

Четков: Да! Не принимали!

Своя техника, другая.

Четков: Я не... я не питерский! [01:18:36] Я не питерский, ты понимаешь? Я не входил в эту... в тех[нику]... в их понятия живописи, понимаешь ли ты? У меня цветная живопись, всё. А у них всё – серая!

Угу.

Четков: Всё... завуалировано всё. Такое, знаешь это?

Угу.

Четков: А я свободно так писал так. Ну, и вот. Ладно, говорит, тройку поставь ему с минусом – пусть идёт, говорит. Ну, а тот тройку мне с минусом поставили – всё. Значит, диплом что такое? Я беру детский сервиз. А у нас были мастера по ги... гипсомодельному делу.

Угу.

Четков: Ну, я там посмотрел, что ты – раз-два, что ты, что я буду учиться! Я сам всё... я говорю: я сам всё сделаю! Я сделал рисунок, макет – всё. И всё выточил сам. Все мо[дели]... гипсомодели. Там всё это выточил. И на завод. Ломоносовский завод. Фарфоровый. Прихожу туда, всё там... там и художники старинные, Лепорская была, известнейшая там. Ещё там такие... вот один ещё мужик там был. Ну, мы всегда – ленинградских своих людей принимаем хорошо! Давай, Боря, устраивайся. Всё, меня устроили там. И я начал там модели делать там. Уже другие там продолжать...

Это была дипломная работа, да, как бы?

Четков: да! Дипломная работа. Уже всё – я уже год...

Угу.

Четков: Год уже я там, на заводе. Меня уже никто. Я изучаю там, значит, показал им, что я квадраты делаю. У нас, говорит, квадраты не идут, потому что, говорит, печи, говорит, у нас... обжиг разный.

Угу.

Четков: Я начал печи изучать, где как... а печи большие, вот как наша вся эта... квартира.

Угу.

Четков: Там же тысяча идёт... ну, кера[мический]... фарфоровый завод!

Угу-угу.

Четков: Понимаешь? Там же тысячи делают каждый день... выходит продукция.

Да. Да. Да.

Четков: Там и мастера... и роспись идёт. Там это всё там... ну, я попробовал в одном месте, в другом месте. Потом, значит, для того, чтобы у меня получился квадрат, я сделал форму вот такую вот (показывает). И форму вот эту вот... вот эту форму, которая... я использовал модель... этого... форму гуська.

Угу.

Четков: В этом... в архитектуре. В архитектуре старинной... там карниз делается в форме гуська.

Угу.

Четков: Я это использовал, туда этот сделал так... И у меня когда... нашёл место, где хороший обжиг там. И у меня – раз. Получился квадрат. Форму мне не разорвало. Этот... вот этот...

Угу.

Четков: ...потому что это держит. Всё. Ну, расписал. Значит, холодная роспись у меня была. Горячая, тёплая роспись там... роспись сделал. Ну, значит, привёз на завод... в училище. Ну, принимать... периезжают с фарфорового завода, с Ломоносовского, стекольщики, всё смотрят. Ну, что? Ну, что? Ну, поставим тройку. Мне поставили тройку. Написали в дипломе – тройка. Ну, я... получил и уехал.

А Вы... почему Вам тройку поставили?

Четков: Откуда я знаю – почему?

А что на заводе сказали, когда Вы сервиз этот сделали?

Четков: А?

На заводе что сказали, когда сервиз сделали? На заводе?

Четков: А завод говорит: Хорошо. Отлично, говорит, хорошо. Но их-то... их же...

Ну да.

Четков: Не пригласили-то заводских этих художников. Они своим делом занимаются, пригласили других там. Комиссия... комиссия, в основном, из этого... из училища. Строгановки...

Угу.

Четков: То есть этой... из этого... где я учился.

Ну, да-да-да-да.

Четков: Из Мухина.

Из Мухинского.

Четков: Из Мухи. Мухинского, в основном. Ну, тройка – тройка. Ну, я... всё написали там... диплом вроде бы не написали ещё. Там... это... выпускные. А я уже жил... уже в Сестрорецке. Там вот женился уже там, понимаешь всё это? Вот. Звонят там мне... я на выпускные не пошёл, звонят мне: Боря, ну ты что не пришёл на выпускные? Да я, говорю, знаете? Ну, ладно, говорят, обиделся? Мы тебе поставим четыре.

Ха! Вот так вот, да?

Четков: Ага. Я говорю: Ну, ладно. Какая разница? Я говорю: Хорошо. Ну, и ладно, поставили четыре – четыре... значит, распределили меня в Киев. На стекольный завод.

Угу.

Четков: Распределили – приезжает главный художник... посмотрел на меня так... Я, говорит, его не возьму. Я, говорит, возьму своего, украинца там... Ну, ладно... у меня... свободное расписание мне... сделали. Я свободно... устроили меня в художественную школу недалеко там... на... на Мойке. Ну, я там начал преподавать... Тоже там директор был... Тишкин. Полковник бывший. Ну, так как он это всё... не особенно разбирался, я начал теорию свою в керамике там... вот. А он пригласил гру... на эту керамику преподавать грузин, стариков, которые не имеют ни образования, ничего! Это... горшечники! Горшки делают!

Угу.

Четков: Я... я возмутился. Я ему говорю: Почему это? Я говорю: Я веду группу. При чём здесь эти люди? Они только горшки вот эти расписывают. А у них, знаешь... мафия... мафия.

Угу.

Четков: Блат там, понимаешь? Вот это... Ну, и вот Тишкин на меня. Значит, на Совете на меня... Один Совет, значит, на второй... А преподаватели, ребята, смотрят... все молодые эти... которые потом уже стали в Мухе преподавать. Тоже это... Ты если, говорят, ты ещё Четкова, говорят, тронешь... если ты будешь говорить, мы, говорят, тебя отсюда выгоним. Ты, говорят, вообще кто такой тут? Ты никакого понятия не имеешь, а он, говорят, художник. Он меня, значит, оставил в покое. Оставил меня в покое. Значит, я на второй год уже... начинаю преподавать прихожу. Ну, уже там уже обстановка, конечно... А у них как? Они это... девочек... Собирает девочек и наверх туда с ними. И там их щупает там, их... это всё – директор же... вот этих... а там, значит, у них такая... штука. И... ну, я вижу, чем они там занимаются, понимаешь ли ты?

Угу.

Четков: А девочки там разные ведь. Пощупает её там вот это... значит, нравится это им. Это... пятёрочки ставит там... им бы хоть... Ну, а я стал замечать... а они видят, что я это... недоволен. Ну, они на меня это... да... давление. Ну, ладно, ребята меня защитили. Второй год пошёл. Второй год, значит. И вдруг... я как-то иду где-то... встретил меня этот парень, однокурсник наш. Боря, а ты, говорит, что ты тут? Да, я, говорю, вот это... преподаю там. Да, брось ты, говорит! А он из Чудова. Поедем, говорит! Большая, видишь, работа? Там есть художники, надо... надо, говорит, художника, говорит. Поедем, говорит, будешь стеклом заниматься! Я говорю: Ну, хорошо, поедем. Мы с ним приезжаем туда, на завод. Никого нет. На заводе. Вот... а ещё... рабочий день не кончился, а они... А где, говорит, все? Да, где, говорит, в ресторане! Малые... Малая Вишера, все сидят, говорит... компания сидит. Директор, зам. директора, значит... партком, зав. ком... то есть сидят... своя компания – сидят там. А это был Жульев. А Жульев такой был коммунист тоже там. На за... на занятиях его почти что не было! Он всё

по политическим делам! Всё это... всё это ездил, понимаешь? Он уже и в Чудово устроился уже! И там работал уже главным уже всё. Ну, а так как я парень такой общительный был, они меня все полюбили за то, что я трудяга, никому ничего... зла ничего не делаю, там всё это нормально, кляузы не пишу, отмечаю, что все были... Понимаешь ты, всё это... Боря, поедem! Поехали это... приехали в этот ресторан. Директор был этот... Кукушкин. Такой (щёлкает себя по горлу – выпивка) был парень! Как... полковник! Мужик такой, только про баб всё время рассказывал! Что он с бабами это всё рассказывал... анекдоты нам рассказывает! Ну, а мы это... ну, приехали – вот! Говорит, привёз я художника! О! Хорошо! Мужика привёз! Давай! Значит, всё там нормально. Значит, там подписали они там. А в то время эти... электрички ходили, но двери не закрывались.

Угу.

Четков: Вот. А уже ночь. Одиннадцать часов. Всем надо ехать в Вишеру. В общем... там, значит... кричат: Уже, говорят, Вишера! Двери открывает – они все в снег! Все в снег падают там. А какая... очнулись – а там ещё на половине пути! А они... ну, там снег... по пояс, понимаешь, снега! Это... и вот они полночи там брели в эту... Вишеру!

А Вы тоже прыгнули?

Четков: А?

Вы тоже прыгнули?

Четков: Нет! Я поехал в Питер. А когда я приехал, они мне эту историю-то и рассказывают. А мы, говорит, прыгнули, говорит! И, говорит, припёрлись, говорит, утром, говорит. Мороз! Там это все, говорит, в снегу. Вот, и Кукушкин этот... Вот, ну, давай, устраивайся! Я устроился, значит... девки меня, это... приняли хорошо. Давай, Боря, теперь, говорит, мы будем сила – втроём! Будем на директора писать жалобы, нам не даёт вот это всё... всё вот это... Ну, я посмотрел, значит. Обстановку обсудил. Что там? В чём дело? Вот, дерева нет. Формы некому точить. Никто формы эти... деревяшки не пилит, там всё. Ага, я говорю. Так, какую-то бригаду дали временно там. Я говорю: Ребята, пила есть? Есть. Топор есть? Есть. Ага. Лом есть? Есть. Говорю: Можете? Да. Пошли на склад. Берём... на склад беру этих ребят... Давай. Отворачиваем бревно круглое для формы, пилим... пилим, под мышку. Куда? В цех, деревообрабатывающий. Прихожу. Ребята, надо сделать. Вот, мы там, во та та та та. Ничего, договарюсь... с начальником – всё. Берут, точат всё. Приносим эти формы, кладём. Всё, дело идёт, никаких жалоб ни на кого там. Скоро Совет. Директор смотрит: О! Мужик-то – никуда не жалуется. Ни у кого ничего не просит. Через месяц: Главный художник будешь! Главный художник.

А что за завод-то, расскажите?

Четков: А?

Что за завод?

Четков: Стекольный завод!

Стекольный.

Четков: Большая Вишера.

Угу.

Четков: Стекольный, где вот это всё сделано.

Угу. Да-да-да. Там...

Четков: Во! Всё. Значит, делаем формы, всё это... стекло. Дают нам эту бригаду, делаем бригаду. Едем на завод... на Совет в Москву. А там, значит... каждый завод, каждый главный художник завода выступает со своими изделиями, что он сделал. Понимаешь ли?

Угу.

Четков: Вот, выступает Киевский завод... выступает там... этот... Гусь-Хрустальный и так далее. Выступает Завод 1 КДО. Выступает Старший художник такая-то. Главный... это... директор Кукушкин: Стой! У меня есть главный художник! Четков. Как? А вот так. Он главный художник. Подписано уже в Главке. Заявление. Так что, пожалуйста, будьте добры. Ну, я, конечно, выхожу, все это в шоке. Представляешь ты? Откуда такой Четков? Никто не знает, понимаешь ты? Вот. Я говорю там... всё это, значит так... ну, кое-как там сдали, всё нормально. Девки на меня обиделись. Как это так дескать? Ты вот это... не стал там с нами... вот тэ-тэ-тэ... ну, прошло какое-то время, они увольняются. Увольняются... ну, я там работаю один. Делаю уже вот эти вещи там. Так... не те, какие надо. Меня это... отзывает главный художник журнала «Декоративное искусство», художники ребята, всё. Ты, говорит, что, парень? Ты что, говорит, делаешь? Ты, говорит, видишь, как все это делают? Ты, говорит, давай делай так, как мы! А я говорю: Как вот? Я делаю... Нет, говорит, ты что-то не то везёшь на Совет. Зачем? Нам твои, говорит, фокусы не нужны. Ты делай, как все! Я говорю: Ну, хорошо, ребята. Я, говорю, буду делать, как все. Ну, кончилось там... значит... Потихоньку, значит, начинаем там. Из Главка приходят эти... письма. На Совет привозить то-то, то-то, то-то. И я приглашаю там... приглашаю одного парня там. Тоже коммуниста. Приглашаю... Володя! Коммуниста... приглашаю его. Значит... и он тут нашёл уже девочку, и уже с ней на коленочках сидит. Сидит она, я прихожу, говорю: Володя, там работа, говорю, вот такая-то, такая-то. Хорошо, сделаем! Ладно, значит. А там надо рисунки показать, в дирекцию сходить там, чтобы...

Угу.

Четков: На производстве надо же делать... не только вот эти вещи (показывает за спину), а производство. Неделя проходит. Опять прихожу, я говорю: Ты сделал? Нет. На коленях... она у него на коленях. Я говорю: А что ты на коленях? А ты, говорит, её выгони! А я говорю: А что я – приглашал что ли её? Ну, у меня с ним-то споры начинаются. Ну, на Совет я уже привожу то, что надо. Там уже идут... разговоры там... Привозит не то... Художник там... Вот, привёз этот натюрморт вот (показывает) этот, стекольный... Там уже находятся защитники. Меня уже защищают. Дескать мол... вот. Володя это... Володю этого никак... Я, значит, я говорю в Обкоме... Райком этот... Я говорю: Вот так и так, он... Вот, я говорю, пожалуйста, он ничего не делает. Ну, а коммуниста выгнать с работы не так-то просто! В то время было.

Угу.

Четков: Но всё равно, я говорю и говорю: Он не ходит... на Совет он не везёт ничего, не несёт. Ну, он понял, что это... и уходит в Малую Вишеру художником, там надо было... Там завод такой, подобный, но там не такое, но всё равно! Ну, и вот. Девочки эти ушли. И приходят вот эти... два парня. Кончили вот это... приходят. Ну... И да! Ещё до этого... директор, что вот такое дело. И я добиваюсь, чтобы мне дали отдельную бригаду. Чтобы я не з[ависеть]... я не буду... не просил... у... у начальника смены... у начальника цеха: Дай, пожалуйста, бригаду на Совет! А у него план!

Угу.

Четков: Он говорит: А у меня, говорит... Я плевал, говорит, на ваш Совет, говорит! У меня план, го-

ворит! Надо делать. Что, говорит... Ну, и вот, когда пришло письмо с этого... с министерства, что приехать на Совет, тэ-тэ-тэ. Я директору говорю: Вот так и так. Я говорю: Мне надо бригаду. Хорошо. Мне дают бригаду. Вот эту бригаду, которая независима ни от кого! То есть, они вот, как творческая бригада в лаборатория. Всё. Я ребят собираю! Утром. Говорим, что надо делать. Чертежи им готовлю свои, то, что надо. Идём работать. Вот. То, что сделаем... то, что мы не доделали, вечером опять ко мне приходят они. Мы это разбираем, что мы сделали. И как.

Я продолжаю.

Четков: Угу.

Всё. Работает. Мы остановились на...

Четков: Дали!

На Вашей творческой бригаде.

Четков: Творческую бригаду дали.

Да.

Четков: Да. Ну, после того, как... я добился, чтобы дали творческую бригаду... мастеров... то руки в творчестве у меня были совершенно раз... это...

Раскрепощены?

Четков: Да. Развязаны были руки.

Развязаны.

Четков: Развязаны – творчески, вот. [00:45] Я уже стал творить творить вещи, которые совершенно не... независимы были от всех! Этих Художественных советов. И от всех этих художников. Конечно, меня принимали «в штыки». Даже... даже издевались. Смеялись. Вот, Четков опять привёз петушки-братушки! Ха-ха-ха! Петушки-жирафчики! Хо-хо-хо! Такое вот издевательство было просто это... Но я всё это терпел. Терпел, значит, и... следующий Совет я продолжал делать новое. Новые произведения. Совершенно так... потом... Потом, значит, когда... допустим, где-то был зал отдельный, отдельный зал... я выставлялся, вот особенно был на Гусь-Хрустальном.

Угу.

Четков: Был Художественный совет. Все эти залы... большущие залы были... ограждены... вот это... ну, целлофаном.

Угу.

Четков: И вот я иду, там ещё, не доходя до этого своего зала... смотрю: весь народ – рабочие там, с метёлками там, с этой шваброй – вокруг моего стола! Все эти... окружили, и все смотрят. Рассматривают мои произведения. Рассматривают... я остановился, смотрю и думаю: Что дальше будет? Вдруг проходит главный художник... министерства нашего. Что, нравится? Они говорят: Нравится! Он так, рассерженный такой! Ушёл, ушёл в общем... это... Почему-то именно мы не принимаем, а народ почему-то... им нравится.

А народу близко, да, Ваше творчество?

Четков: Да.

Он понимает его.

Четков: Да, а именно, потому что я уже не иду в той струе, какая должна быть у них. То есть вещи стандартные, ординарные. Там нет... всплесков! В них нет энергии! [02:25] А я вот именно...

А Вы принесли что-то новое.

Четков: Да, я новое подаю, хотя... несмотря на то, что они хотя каждый раз надо мной издевались.

Угу.

Четков: Подсмеивались. Но в то же время они внутри завидовали! Завидовали, что я вот ... почему это именно такие вещи делаю? Даже такие вот случаи были, когда... выставлю свои вещи, ухожу... а они все собираются вокруг моего стола, художники! Собираются, смотрят. Я иду, они все – раз! И в сторону отходят! Как будто бы они не видели ничего, ты понимаешь это? Всё это им неинтересно. Помню, когда-то была выставка в этом... в Москве. В Союзных художниках, в Союзе художников, и я выставил больше тридцати произведений... выставил я. Стекло там, всё. А Шевченко был такой известный, ну, знаменитый тоже это... он, как это... уже... член Совета, заслуженный художник уже, понимаешь ли. И вот... и жена его, тоже Шевченко. Неужели это всё Вы сделали? Я говорю: Да. Странно. Потому что, понимаешь ты...

Не верили?

Четков: Да. И потом, когда уже вот начался уже... приезжали эти... министерство всё... мои вещи все сняли. И оставили три только произведения. Три! И моих ребят тоже... которые тоже... по одной штуке оставили. Всё убрали. Всё только своё выставили. Ну, значит – что? Я написал... три вазы, и их поставили на зе... у зеркала. Большое зеркало такое.

Угу.

Четков: И я написал: три вазы по зеркалу размазаны и сбоку рюхнулся простак – просто так. Представляешь себе – написал такое? Вот так – видишь, как они относились? Ну, потом в результате, конечно, начали со мной это... заигрывать, то есть уже приглашать меня.

Со временем, да?

Четков: Да, со временем.

То есть Вы всё-таки... от Вас не отказались?

Четков: Да.

То есть несмотря на то, что они... всячески над Вами подсмеивались, они всё-таки пошли с Вами в дальнейшем на сотрудничество и начали приглашать на всякие выставки, так?

Четков: Да. Значит, уже тут художники уже начали понимать, уже стали ко мне с уважением относиться. [04:30] Даже некоторые уже стали подражать, то есть как вот я делаю такие вот, я даже на Гусь-Хрустальном... пришёл это... привёз один... заслуженный художник он... привёз похожие на мои вещи. Я говорю: Слушай, ты что это? В КДОшники тоже записался? И он быстренько убрал это всё, и опять-таки по-другому, понимаешь ли ты?

КДОшники.

Четков: Да. Ну, вот...

Ну, Вы, значит, сделали какую-то революцию в сознании людей своим творчеством.

Четков: Да.

То есть то, что было раньше только один стиль там...

Четков: Да.

Или какое-то копирование, то есть полностью... Вы...

Четков: Ну, да. У них...

...привнесли что-то новое?

Четков: У них, значит, что? У них были... У них был такой процесс работы... Они, значит, приезжали на завод... вот многие из них, кто не работал на заводе... вот это... все эти члены Совета. И кто работал на заводе – они, значит, делали рисунки, чертежи. Приглашали мастеров, отдавали им, и те делали! А сами сидели в лаборатории, пили кофе, рассуждали, то есть ну, как...

И не участвовали...

Четков: Как богема!

...в процессе производства.

Четков: Не бегали тут, на завод.

Да.

Четков: Не бегали с мастерами там. А я, значит, в корне переломил эту всю систему. Полностью от и до работал на верстаке с мастерами. Для меня... вздоха они не могли сделать, чтобы... вот, дует туда, я – подожди, отановись. Вот это вот так надо. Брал этот пинцет, работал с пинцетом, с ними... фотографии есть. То есть я уже полностью вошёл в эту... в этот процесс работы.

Угу. Угу.

Четков: Художественного стекла. Поэтому, когда я приносил свои вещи, они были живые!

Ну, конечно, Вы стали частью Ваших произведений.

Четков: Конечно! Они стали живыми, понимаешь ты? И они невольно... воле-неволей, но они ведь тоже художники, и у них тоже есть чувство. Они же понимают, что действительно что-то... человек делает такие вещи интересные. И уже они... многие уже начали... то есть работать же... в таком вот плане как бы. Тоже себя оживлять.

Им интереснее стало работать?

Четков: Да. Им интереснее, да.

Угу.

Четков: И вот когда я где-нибудь встречался, там где-нибудь: Ну, что Вы привезли новенького? Сразу: Что Вы новенького привезли? Уже...

Всё-таки ждали? Ждали?

Четков: Да, члены Совета уже интересуются.

На что ещё фантазии Вашей хватает?

Четков: Ну, да! Что Вы новенького привезли? Я говорю: Ну, так. Ну, это здорово, это хорошо. Я говорю: Вообще-то вот... [06:44] у меня тема барокко идёт. Русское барокко. Ууу. А в министерстве там... в управлении... там... они тоже узнали... там всё... видели, всегда говорили: Ну, как Ваши боровки живут? Боровки! Они не говорят... они не могут выговорить, что барокко, им наплевать на это – что... Они не понимают!

Да.

Четков: Боровки, говорят! Ну, как боровки? Борис Алексаньч, как? Я говорю: нормально. Ну, что – мы видели, интересно.

Боровки!

Четков: Боровки, да. Мы видели, интересно. И вот когда начинались какие-то выставки – за границей там... везде... в Италии, значит, в Германии, вот... брали мои вещи [07:20].

Так, может, поэтому они и не понимали? Они просто не были достаточно образованными, чтобы понимать Ваше творчество?

Четков: Конечно!

Все эти, в министерстве кто сидел, они по большому...

Четков: Они! У них...

Поначалу-то им было это чуждо и непонятно.

Четков: Да!

Потому что они не разбирались.

Четков: Ну, конечно!

А потом, когда люди начали понимать, они видят, что Ваше творчество, оно близко, то есть...

Четков: Да оно широко!

Да, да. Тогда они сказали: О! Ну, да-да-да, это хорошо. То есть...

Четков: Конечно!

...это просто здорово.

Четков: Вот всё, что... я же говорил... вот, допустим, Петушки-братушки. Это же русская история. История, значит... древнее – батужки, петушки, братушки... вот. Ха-ха-ха! А потом-то они поняли. Они же смеются над своей историей, над своей Россией смеются! Петушки-братушки – это ведь, зна-

чит, что? Люди вот эти... живой... мир, мир живой. Понимаешь ты, братушки какие-то там. Или петушки-жирафчики, петушки-баранчики, то есть это... знаешь, вот такое вот? Как-то вроде бы смешно, а в то же время это же ведь... это же философские вещи.

Угу.

Четков: Это философия. Такая вот философия вот таких произведений. Потом – барокко. А барокко – это же... Рококо. Барокко. А барокко – это русское барокко, я сказал, понимаешь? Делал. Не то, что... барокко-то это Испания, Италия, там это... а русское барокко. Бокалы. Вот, потом венецианское... там, ну... О! Это венецианское стекло. Ты под Венецию работаешь! Так я говорю: Посмотрите! Посмотрите венецианское стекло, посмотрите моё стекло. Я, говорю, использовал ле... гутную технику. Я её использовал, да. Но я её пере... сделал по-своему. Гута – она везде гута, то есть лепнина.

Угу.

Четков: Лепнина, она везде идёт. Она с двенадцатого века. Она идёт эти вот... все... работы. Так, Венеция там, эти... дожи вот это... эти особенно, у них свои местрские были.

Угу.

Четков: А я вот работаю в таком направлении. Поэтому... Ну, и вот, в конце концов они, конечно... уже начали уже понимать, а в основном вот эти все вещи, которые вот мы... я привозил в министерство всё, они... отправляли на выставки! На выставку. Но главное – меня нику... никогда не приглашали! Была вот выставка... в этом... в Англии! Сто лет. Столетие стекла. Она... эта выставка делается... семьдесят девятый год, она делается один раз в сто лет. Выставка стекла. Международная выставка стекла.

Угу.

Четков: Это... в Лондоне. Ну, я... я узнал в последнее время... мне, конечно... мне никогда ничего не говорили. То есть элита только именно пользовалась всеми своими благами: ездили на... за границу, выставляли свои вещи. Ну, а выставляли свои вещи, а мои – помимо меня! То есть меня не спрашивая! Увезли. И вот я...

А Вы знали об этом?

Четков: А?

А Вы знали? Вам говорили, что везут?

Четков: Уже говорили тогда, когда уже выставка состоится! Уже состоится выставка. Вот, мы...

Ну, говорили, что это Ваша работа?

Четков: А нет! Не говорили!

Просто – Советский Союз, да, писали?

Четков: Да! Советский... выставка Советского Союза.

А, от Советского Союза, да?

Четков: Да! Да.

То есть автор неизвестен.

Четков: Автор неизвестен, да. Не говорили даже, представляешь себе? Да. Вот. На... и потом, я узнал, значит, это... Выставка... выставка в этом... в Англии.

Угу.

Четков: Столетие. И послал свои работы туда. Значит, послал работы. Они говорят... Лорд! Лорд Каррингтон прислал мне вызов. И говорит: Мы, говорит, видели Ваши работы, посмотрели, но, говорит, к сожалению, уже, говорит, выставка состоялась. То есть экспозицию уже, говорит... состоялась экспозиция.

Ага.

Четков: Мы, говорит, их послать не можем. Но, говорит, мы Вас приглашаем на открытие выставки. Ну, я пришёл в Союз художников, всё. Они мне: У нас едут только самые-самые. Кто Вы такой тут? А я же не член Союза...

Ааа.

Четков: Ну, и меня, конечно, не послали. А послали художника, который совершенно никакого отношения не имеет, керамиста. Его послали туда. Понимаешь?

Потому что он был в Союзе художников, да?

Четков: Да.

Только поэтому.

Четков: Ну, и я тоже был член союза.

А почему же тогда?

Четков: А потому, что я не коммунист.

Ага.

Четков: И никакого, меня опасно посылать...

Всё понятно.

Четков: Ты понимаешь?

Да.

Четков: Они же мне сказали: Мы посылаем только самых-самых. Самые-самые посылаем, то есть... самые-самые, значит вот...

Короче, да. Своих.

Четков: Чтобы вот тут с ними вот это всё. В Советах сидеть. А я ну... такой вот бунтарь. Считали меня, понимаешь, везде. Поэтому... опасно меня посылать. Потом, выставка была там Осака-Саппоро. Это...

В Японии.

Четков: В Японии.

Я записываю, записываю.

Четков: Угу.

Просто переставлял, сейчас. Вот так вот сделаю. Вот так светлее даже. Вот так. Просто поставлю.

Четков: Осторожнее, там запачкать... Палитру убери, чтобы она там не мешала.

Она не мешает.

Четков: Краска на ней есть.

Вот так.

Четков: Всё.

Всё.

Четков: Так, значит... вот. Ну, так как начинались вот эти какие-то зарубежные выставки, я... мои работы всегда там участвовали. Всегда они брали, но уже там... тут просто... уже как бы все эти идут работы не поимённо, а как от Советского Союза. Вот достижения Советского Союза, вот такие работы. И так же я послал... так же я попал в эту... в Осака-Саппоро... в это... в Японию. Таки, ну, в Японии они, значит...

А как Вы туда попали?

Четков: А со своими работами, но я туда не попал, а увезли мои работы!

Ага.

Четков: Вот увезли мои работы вот это... гутные, потом это... русское барокко... вот эти... потом... венецианские бокалы – всё это, всё это они увезли. И в Японии там сделали для меня отдельный зал. Моих работ.

Угу. Угу.

Четков: Совершенно отдельный зал! И когда приехали вот эти наши... представитель, всё... они сняли фильм, сняли фильм, и его показывали в Москве.

О Вас?

Четков: Обо мне. Показывали... я и н... а я и понятия не имел, что именно вот именно так. Они показывали фильм и рассказали, что вот... Четкова вот это, говорит, здесь работы, вот так и так... были выставлены... на второй день я... я же часто ездил в Москву, там, знаете, в министерство...

Угу. Угу.

Четков: Там всё... приехал, в Союз художников пришёл. Хожу там, смотрю, делаю там разное, как всегда там. Она на меня так смотрит, я говорю: А что Вы так смотрите? Так вчера, говорит, фильм о Вас показывали! Говорит, у нас.

А Вы даже не знали!

Четков: Да!

А фильм этот приезжали сюда снимать? В Петербург?

Четков: Значит, там наши петербуржцы сняли, видно, фильм, понимаешь?

Аааа.

Четков: Это японцы сняли фильм, да? И вот в Москве, не в Петербурге, а в Москве, в Союзе художников показывали.

Ну, да-да-да.

Четков: О выставке! Выставку всю показывали.

Как репортаж такой.

Четков: Да! Нашу выставку снимали... ну, вот. Отдельно – Советского Союза!

Ну, да.

Четков: И в том числе – и меня. То есть мои работы были отдельно. Японцы сделали отдельный зал.

Угу.

Четков: Ну, и вот, они мне рассказали...

Ну, Вас-то снимали не в Японии, а здесь, в Петербурге. И включили просто в фильм там, как в отчёт о выставке японской, да?

Четков: Ты понимаешь? Нет, они снимали в Японии фильм.

А Вас как снимали?

Четков: А меня не снимали никак.

Аа, просто...

Четков: Меня ведь вообще не было.

То есть работы показывали.

Четков: Только о моих работах речь шла.

Всё, понятно.

Четков: Я там никак не был. Они просто узнали, что я главный художник этого завода. И... там... художники там...

Да-да-да.

Четков: Этой... секретари там разные... узнали, что я... этот... о Вас, говорит, фильм там. О Вас, Ваши работы показывают. Вот о чём речь-то идёт.

Всё. Понятно.

Четков: Я говорю: Ну, интересно как. Здорово, я говорю. А меня даже не пригласили.

То есть Вы даже не знали, что фильм про Вас показывают?

Четков: Нет, я даже не знал.

Вот так вот.

Четков: Все вот такие вот вещи делались.

Всё за спиной делалось.

Четков: Да. Потом, когда вот... уже... уже я... вот... остановимся на том, что я уже... в семьдесят девятом году я ушёл с завода.

Угу.

Четков: Ушёл, значит, с завода я.

А почему ушли?

Четков: А?

Почему ушли?

Четков: А там... значит, что? Там всё время вот эта травля была, травля...

Коммунистическая.

Четков: Слежка за мной была всё! Даже вот... а главн... директор завода вызывает меня и говорит: Борис Александрович, вот Вы делаете стекло вот это. Давайте с нами! Я говорю: Что – с Вами? Я говорю: Вам стекло надо? Пожалуйста. Да нет, говорит. Тогда я говорю: Я больше ничего не знаю. Значит, я хотел... они, видно, там... какие-то «левые» работы, какие-то у них дела были... чтобы я входил в эту компанию. Видишь ты?

Чтобы с ними дела какие-то делали?

Четков: Да. А потом меня подставить. Как они подставили в своё время директора завода, которого вообще сняли. Видишь ты? У них вот такая вот... я видел это... ша... лавочка такая. Меня это совершенно не интересовало. И я такие... а как... я говорю: Меня не интере... меня творчество интересует, вы поймите. Я... я художник. Меня ни деньги не интересуют, у меня денег... у меня есть зарплата – нормальная, всё. Меня это всё устранивает. А то, что я делаю, я делаю вообще для истории. Ну, ладно. Та-та. Ну, и вот. Это всё время. Потом... действительно, а меня... поддерживал Обком партии.

Угу.

Четков: Новгородский. Даже приезжал первый секретарь Обкома... он был у меня в лаборатории, посмотрел всё. И когда мы все это... собрались его провожать, все вот так... он говорит: Берегите его. Это ваше будущее. Ну, это для них непонятно было. Они просто... как он уехал, они начали там это... за мной следили. Слежка. Где я бегаю, где я хожу, что я несу. Даже проверяли меня... в проходной проверяли, что я несу. Представляешь себе? Вот... ну, это вот, конечно, на меня это... травмировало меня. Понимаешь ты?

Ну, конечно.

Четков: Ну, сколько же можно? Я уже создал много вещей. Думаю: Я... лучше я уйду. Но когда Обком партии узнал, что я ушёл, они даже хотели создать комиссию. Представляешь себе?

Чтобы вернуть? Или что?

Четков: Да. Почему я ушёл. Комиссию хотели создать. Ну, там вот. А был художник, я говорю – Жульев. Он работал главным художником Чудова.

Угу.

Четков: Ну, он всё это замял. Говорит: Даааа. Знаешь, художник ушёл... там, знаешь, уходят там... Всё это замяли дело. Вот. А так, конечно, у меня был... могли вернуть. Я тоже... я хотел даже вернуться. Потом я когда уже поработал... без стекла я уже не мог... я приехал на завод, хотел вернуться, а там уже новый директор там... уже ну всё. И я даже... а пришёл... пришёл на завод, вокруг меня собрались люди! Как? Борис Александрович, как у Вас дела? Здравствуйте, всё. А директор узнал, что Четков пришёл – по селектору кричит: Убрать Четкова с территории завода!

Ничего себе!

Четков: Представляешь себе? Вот. Ну, меня это... я и ушёл, конечно. И больше я уже не появлялся. С такой... с такой вот...

С таким отношением.

Четков: Да. Было такое неуважение. Сколько я сделал притом... какое-то пренебрежение. Потому что я занимался творчеством, а их... для них это непонятно! Если и Совету было непонятно – так заводу тем более!

Ну. Конечно.

Четков: Представляешь? Первый директор был... то есть... вот этот, который был до меня директор. Бывший моряк, лейтенант. Ну, что он? С флота его там демобилизовали, как он коммунист – поставили директором завода. Потом этот тоже какой-то пришёл... какой-то совершенно инженер... какой-то технолог или там кто-то вот... никакого понятия не имел о культуре, о стекле. Ну, какая? Ему только вот давай план производственный.

Ну, да.

Четков: Показывает эти штуки там... ему совершенно это чуждо! Чуждо!

Угу.

Четков: Поэтому нас вот... мы, художники, держались за счёт того, что министерство было заинтересовано, чтобы эта промышленность развивалась... и за границей показывать своё лицо!

Да.

Четков: То, что они тоже что-то делают.

Угу.

Четков: Вот. А если бы этого не было, то бы на заводе ни одного художника не было бы. Всё бы задавили вот эти... начальники цехов, которые сами делали формы. Говорит: Да что нам художники! Вот, мы нарисовали, вот давайте, говорит, в производство пускать, ты представляешь себе? И при мне

даже было поначалу! А потом я это пресёк.

Без художественного образования, без всего!

Четков: Ну да! Какое! Даже у них десяти классов-то не было! Семь классов там это, но они, как коммунисты. Они ездили там, вызывают в партшколу, там – У нас тоже высшее образование! Партийное тоже. Ну, я говорю: Ну, и хорошо. Это... завидовали нам, понимаешь? То, что мы-то художники. Мы богема. Вон – приехали, ты понимаешь ли ты. А потом: Мы тоже, мы тоже! А что они там? Наберут этот ящик коньяка, едут туда сдавать, это (щёлкает себя по горлу – пьют)... там пьют. Там, понимаешь ли ты всё это?

И всё?

Четков: Потом им зачёты ставят. Вот и вся учёба в этом... в политшколе-то высшей.

Дааа.

Четков: Какая это на хер эта... Все они там до этого... Ленина, Сталина изучать будут там что ли? Или это вот... вот поэтому так вот и жили. А если бы не министерство... ни там главк там разный... там бы вообще художники не нужны были, понимаешь? Поэтому в Советское время... это... промышленность... лёгкая промышленность: керамика, стекло... очень хорошо развивались. В данный момент...

Благодаря художникам?

Четков: А?

Благодаря художникам?

Четков: Благодаря художникам.

И министерству культуры, да?

Четков: Благодаря художникам, да, и министерству культуры. Да. Благодаря вот этому только. Вот. Поэтому мы выставались на выставках, у нас были Художественные советы в республиках.

Угу.

Четков: выезжали, и на Украину, Белоруссия, потом эту... в Узбекистан, Казахстан, всё ездили и, значит, все художники приезжали, привозили свои произведения. Все выставались. Было обсуждение. Неделя-две даже шло. И споры там были, всё. Вот это... всё это интересно было! Понимаешь ли ты? Вот. Допустим, вот это... по Свердловской области там... Как они? В Чувашии... что ли там какие? Нет, это там Мордовия. Подожди-ка ты, республика тоже... Татарстан какой-то там.

Татарстан.

Четков: Да. Туда ездили. А там шикарные заводы были! Стекольные. Понимаешь ли ты? То есть вообще очень интересно было. А сейчас же всё закрыто! Сейчас же все уничтожены! У нас промышленности фактически лёгкой нет! Один... одни только вот – Ленинградский фарфоровый завод, да и то он, по-моему, продали его. Видно его англичанам продали. Понимаешь ли ты? Гусь-Хрустальный еле-еле кое-что делает.

Угу.

Четков: Вот. Наши заводы... 1 КДО, это... Большая Вишера, Чудово, Малая Вишера – всё закрыто. Их нет. Там... в Белоруссии только сохранился, на Украине тоже нет! Понимаешь?

А они расформированы полностью, их можно ещё воссоздать? Или нет?

Четков: Нет! Всё уже, всё. Там даже ни станков, ничего нет. Всё там... На нашем заводе пила... пило-правный, то есть это... доски пилят.

Угу.

Четков: Там где-то рамы делают. Там где-то в других то же самое. Тоже ничего уже нет. Потому что оборудование... печь... что? Печь надо поддерживать!

Угу.

Четков: Их разломали – да и всё! А кто же будет возить это... заниматься этим делом? Надо же специалистов. Специалистов разогнали... ничего... никого не... поэтому всё сырьё идёт на Запад. На Западе делают... из нашего сырья делают произведения... работы какие-то, а мы их потом покупаем!

Угу.

Четков: Покупаем стекло, покупаем керамику. Немецкое... стекло, это... потом... шведское стекло.

Итальянского много.

Четков: Итальянское стекло. Всё у нас оттуда, а что они, думаешь, высокие произведения что ли нам посылают?

Нет, там...

Четков: Нет, конечно. Ширпотреб!

Ширпотреб обиденный для...

Четков: Да. Для нас делают ширпотреб – и всё. И мы этим ширпотребом пользуемся. Своего... мысли своей у нас нет уже. Всё, она уже убита. Она уничтожена. Понимаешь ты? Поэтому художники и вот эти... класс вот этой интеллигенции... нивелирована. Всё. Они остались не у дел. Зачем эти высшие учебные заведения, когда вот они сейчас делают... Куда они пойдут? Куда они работать пойдут? Зачем их учат? Фактически надо... Нет! Вот он кончает учёбу – а куда он идёт? Что он делает? То есть только вот... только вот... то, что если у него есть мастерская, маленький муфелёк... что-то там делает там... из стекла там дует... там эти... что-то вот такие вот вещи. Или витражи. Вот витражи делает там... у кого там осталось стекло, а в основном... в основном, развития никакого нет. Была организована своя бригада. У меня уже руки в творчестве как бы были развязаны полностью. И тем более, что... это была поддержка министерства... промстройматериалов. И министерства культуры. И мы, значит, на каждый Художественный совет обязаны, должны, помимо производства, должны привезти творческие вещи.

Угу.

Четков: Вот. И этим самым я, значит, уже двигал своё... своё творчество двигал уже независимо от всех!

Угу.

Четков: Хотя им это нравилось-не нравилось, но я уже, как бы это... показывал своё лицо. Лицо – то, что я работаю творчески. А это было важно. Важно! В каком положении я сделал? Как? Но всё-же я... подавал свою мысль.

Угу.

Четков: Вот. Это было интересно и... и этим самым они пользовались, и когда... где-то были выставки, допустим, в Германии, там всё, в Америке, в Англии там, ещё куда-то там... в Швеции, они брали наших более интересных художников. Не только именно меня, а более которые уже начали более развиваться уже, мыслить – их брали и выставляли! То есть это... как достижение Советского Союза.

Угу.

Четков: И там, конечно, они уже были на высоте. Потому что у нас именно шло развитие! Но... так как... как я личность, они, конечно, на меня не... никакого влияния не имели! То есть на меня даже не обращали... если какие-то были выставки, какое-то было приглашение, то они только этим – они пользовались этим. Они! Не я.

Угу.

Четков: Они могли только моим стеклом. А это... я как рядовой художник, который, ну, работает – да и Бог с ним! Пусть работает! Они и в Англию ездили, они и в Италию ездили. Они, значит, все эти члены Совета... это... поочерёдно там... развивались там. А мы – мы только узнавали... я узнавал тогда, когда... А! Уже там выставка состоится! Ну, мои работы увезли там... а я об этом как бы даже и знать не знаю.

Угу.

Четков: Поэтому это меня, конечно, не особо устраивало. И я в конце концов ушёл! И тем более, работа была... травля на заводе. Тоже там недовольство всё время было. И где у меня была гостиница... у нас гостиница была... те двое художников, которые были у меня, они уехали в Израиль. Один – в Америку, один – в Израиль. А я остался один. Гостиница – колоссальная, трёхместная там. А там: Вот, надо семью поселить, а художника – зачем он там, художник? Живёт один там, всё. И меня – в барак. Барак, значит... тёмный барак... пьянка, драка там, я в комнатухе – ну, сколько можно там? Какой? Я, правда, никому не говорил ничего. Я потом думаю: Да, я лучше... я уйду, чем я тут буду в этом... борделе этом.

Угу.

Четков: И я ушёл. Ушёл. А если бы, конечно, я пошёл... поехал в Обком, начал бы добиваться там... жаловаться там, всё... Они и так боялись, что я там... что скажу... они и так: Ну, вот, он опять ездил в Райком! Там что-то опять там это... наверное, опять он там что-то... Да я никогда ничего не жаловался там! А вот третий секретарь Обкома: Ну, как, Борис Александрович, там? Вас там не зажимают? Дают творчеством заниматься? Дают, нормально. А как директор? Да, я говорю, как-то не... они не внедряют, я говорю, ничего. Я то, что, говорю, у нас делается, они... Ну, им, конечно, втык за это делают! Они делают только одно, а то, что у нас... уже утверждено Художественным советом и должно пойти в производство, они этого не делают! Им опять-таки втык дают! Опять главный художник виноват. Ты представляешь себе?

Угу. Угу.

Четков: Съездил туда куда-то, что-то спросили его, а он говорит, а... понимаешь ли ты? А я-то за-

интересован, и мы все заинтересованы, чтобы наши вещи шли в производство! На кой чёрт мы работаем, правда ведь?

Конечно.

Четков: Ну вот... ну, а всё это... так, ладно. Потом, значит... были ещё... всё это... Всё это я, конечно, пережёвывал. Всё это терпел. Но а вот, главное дело то, что меня устраивало – были творческие дни... и творческие командировки за счёт завода... по всем республикам, куда ты хочешь. Ты представляешь себе? Я и на Соловки посетил, в Армению ездил, в Грузию ездил, на Север туда. И вот я поехал однажды в Армению. Я уже рассказывал, что я с Кочаром... не говорил же?

Нет, ещё не говорили.

Четков: Вот, я приехал в Армению. И я узнал, что известный художник, знаменитый художник Кочар, Ерванд Семёнович Кочар вернулся из Франции. [28:29] Он в своё время... у него известные работы... это... скульптура Давид Сасунский... стоит в Армении. Это его... это как символ Армении. Эта скульптура его. И его все знали, почитали не менее, чем, как, допустим, Сарьяна.

Угу.

Четков: Но он работал там! Он как... Он ушёл от... уехал от Советского... после революции там уехал. А Сарьян был здесь. Ну, и вот я узнал, что Кочар... я пришёл к нему, так же, как у этого... у Эфорта... пришёл я: Здравствуйте. «Здравствуйте. Чем Вы занимаетесь?» Он такой, очень обходительный, вежливый человек, культурный. Я говорю: Я занимаюсь стеклом. Вот. «А, стеклом – ну, хорошо. Та-та.» Это его не особенно волновало. Я вытащил свой альбомчик так. Я говорю: Вот, я рисую вот. Он: Да? Ну-ка! То есть он это... интересно, говорит. Начал бегать возле меня. А Вы кто, говорит, такой? Я говорю: Я русский. Не может быть! Вы еврей, поляк? Я говорю: Да, я русский! Да, не может быть! У русских нет таких художников! Жена, давай мои каталоги! Я работал с Браком, с Пикассо! Значит, тут всё это на столе всё появилось. Всё там, коньяк там, всё это... он меня это... я уже сижу такой уже стал близкий человек. Пошёл... идём в мастерскую. Вот у меня мастерская. Я туда никого не пускаю! Вот, тебя приглашаю. Идём! Показывает мне работы. Ты знаешь, говорит, то, что я делаю, они всё сдирают, говорит, у меня! Сдирают! Я, говорит, никого не приглашаю. А вот тебя приглашаю. У него, значит, скульптура стоит вот так, вот такая (показывает) скульптура... и тут графика, сбоку. И он её поворачивает, и женское тело как-то вы... это... вырезано. И оно так поворачивается-поворачивается. И действительно это новшество такое, понимаешь ли ты? Ну, там интересно так. И вот мы с ним подружались. Значит, я приезжал, он... меня встречали там. И мне даже неудобно было. Пожилая женщина, а я как прихожу – она, как сыну: Ой, давай там! На столе там... шевелится там. Давай! Мы тебя это... и вот... Ну, а потом, значит, как-то я приехал. Думаю: Пойду к этому... Ну, так я знал Сарьяна. Пойду к Сарьяну. [30:37]

А Вам было просто интересно, как они отреагируют на Ваше творчество... да?

Четков: Да! Конечно. Да. На моё творчество реагируют. После того, как мне...

Продвинутые люди?

Четков: Да! После того, как мне Кочар сказал вот такие вещи. Ты знаешь, как я... в графике я... поднялся?

Угу. А Вы ему показывали графику? Или всё – и графику, и стекло, и живопись?

Четков: Да, я... Он на стекло не особенно... на графику он... он на графику. Графика его так поразила,

я говорю, что начал бегать возле меня. Вот. Щупает меня. Ты представляешь себе? Ты откуда, говорит, так вот. Бегают там кругом. Я сижу так. Вот. Ну! А... графика его поразила. Так же, как Эферт, тоже сказал, что ты не умеешь рисовать, но, говорит, чувствуешь внутреннее состояние. Так и он! Пришёл сюда, говорит... Ну, и вот... значит... после него я пошёл к Сарьяну. Думаю: Что скажет Сарьян? [31:27]

Ага.

Четков: Потому что до... до этого... до Кочара я в Союзе показывал работы, всё. Но они, эти художники известные, там всё... Ну, что? Ну, вот ты стекольщик... Ну, у тебя так и... плавная линия у тебя там, ничего там нет. Такая лёгкая линия плавная. Так идёт – ну, и что?

По существу, вообще ничего не говорили.

Четков: Вообще! О творчестве, о состоянии – никакого!

О каких-то линиях разговаривали.

Четков: Абсолютно! Линия! Ты как стекольщик – у тебя стекло течёт вот так это, плавно – ну, у тебя и линия такая, тоже вот так это. И всё! Никакого отношения!

То есть в целом картинку не воспринимали никак!

Четков: Не... никак! Никак! И я-то... а когда уже пришёл к Кочару, когда мне он... Он мне открыл глаза! На мои работы опять-таки, как этот... в Караганде вот этот... Эферт! Открыл глаза мне на творчество! На графику. На рисунок, вообще – на всё! На моё творчество! Я только понял, понимаешь ли ты, после этого. После Кочара я только вот начал эти идеи все делать (показывает на картину позади). [32:30]

Борис, а графику Вы когда начали рисовать?

Четков: В основном после... я рисовал... Рисовал я давно! Но в основном вот такая вот напряжённая, такая сила – я после Кочара начал. [32:40]

Угу.

Четков: Только после Кочара.

Вдохновил он Вас?

Четков: Да, он меня здорово вдохновил. В этом... Он поднял... поднял меня, а так до этого я всё время рисовал. Но рисовал не так как-то, вот и... как-то вот... ну, конечно...

Вы были не уверены в том, что Вы делаете правильно всё, да, там?

Четков: Да! Я не уверен был, потому что мне нет там.... не выставляли, не признавали. Говорит: Да, ну и что?

Линия плавная!

Четков: Ну и что? Ну вот, плавная линия. Ну, ты стекольщик – у тебя вот так это и получается. Якобы получается отчего-то.

Угу.

Четков: Вот. Я-то тут ни при чём дескать мол. У тебя вот стекло течёт там эта... линия плавная – вот ты и делаешь. А когда я это увидел, когда я это услышал, тогда меня он просто – до глубины души он меня тронул! Понимаешь? Он открыл глаза мне на всё на это! Но потом я пошёл к Сарьяну. [33:24] Пошёл к Сарьяну. Ну, значит, он уже был... уже в возрасте, уже под девяносто ему. Он выехал на коляске. Ну, у него большая мастерская! Там зал, это... двор большой. Ну, ты знаешь, Армения тёплая. Тепло же.

Угу.

Четков: Выехал, там всё в коврах там всё. Ну, как? Как Вы там? В столице там как? Я говорю: Да вот, всё нормально у нас. Ну, чем Вы занимаетесь? Я ему показываю, показываю это же всё... показываю.

Эту же графику?

Четков: Эти же рисунки.

Ага.

Четков: Эту же графику показываю, потому что... Ну, что, молодой человек? Ну, что у Вас? Ну, плавная линия. Ну, что – карикатурой занимаетесь? Карикатурой! Да ё... То есть... вот это вот такие вещи, вот такое – это для него карикатура. Ты представляешь? Вот такие вот, как... у меня (показывает на стену), вот те-то...

Графика?

Четков: Это для них карикатура, ты представляешь себе? Это не творчество, а карикатура!

Мнение художника в Советском Союзе и мнение художника из заграницы, да?

Четков: Да!

Вот, два мнения.

Четков: Да! Потому что интеллект его... здесь забитый интеллект, а там развитый интеллект. Ты представляешь себе? Он постепенно, он же... Кочар... этот... Сарьян! [34:36] Он же был великий художник! Поначалу! В тридцатые годы. А его потом з... деньги, слава, его задавили, он стал такой же, как все художники советские! Я его ви[дел]... последние его работы такие же и были! Почему я к нему пришёл? Потому что я его знал как... с тех работ! С тридцатых годов! У него какие там... помню, там были собаки там, потом дворы вот эти разные, вот эти армянские. Такие декоративные, чудесные вещи! А потом потихоньку-потихоньку свалился на соцреализм. [35:07]

Угу.

Четков: Он стал главным там! Стал почитаемым! Ему там... ордена ему насовали! Там всё это. В России... это его... в Россию там бе[рут]... зовут... Собрания там партийные. Ты представляешь себе? Человек независимо начинает скатываться. Слава, деньги, понимаешь ли ты? Школу открыл свою, там всё это. Вот. Но там Армения, всё равно... Армения от советских художников всегда отличалась! Своим темпераментом! Своей живостью! Своей... этой... декоративностью! [35:40] То есть у них всё равно, когда вот ходишь на выставках, всё равно это видишь – что это армянский художник, а это русский худо[жник]... советский.

Цвета?

Четков: Всё равно! Большая разница.

Цвета другие?

Четков: А?

Цвета другие?

Четков: Да! И цвет другой, и отношение к живописи другое, и к искусству совсем другое отношение, то есть...

Угу.

Четков: ...не просто так – сидел, намалевал там... [*неразборчиво*] серенькое, чёрненькое. А там темперамент чувствуется! Чувствуется отношение художника к этому произведению! Ну, и вот он: «Ну, что же Вы там в Москве живёте и гору Арарат до сих пор взять не можете?» Вот что я увидел... услышал от Сарьяна! Ну, я посидел, поговорили там чуть-чуть, и я ушёл, больше и не приходил к нему. Вот так. Поэтому... вот. Ну, а потом, значит... когда я ушёл с завода, я познакомился с одним... Да! Я... значит... этот был... пришёл... пришёл. Мэр города стал этот... забыл его. Дочка-то его сейчас это... Собчак!

Угу. Угу.

Четков: Был Собчак. Значит, Собчак открыл... какой-то был... день... вроде день творчества, что-то я не знаю. Потом... все художники приносили свои работы, произведения. И они их там... их показывали по телевизору, рассказывали там о них там, понимаешь ли ты? Ну, и я узнал тоже, что-то. И я принёс стекло. И принёс живопись. А там, значит, это... сидели там, правда, и предприниматели уже новые там появились, там это всё, то есть это уже такая... какое-то собрание было. И я на этом собрании познакомился с художником... нет, даже не с художником, а с этим... с музыкантом, виолончелистом... Виктор. Он уже женат был на австриячке и жил в Австрии.

Угу.

Четков: Вот. И... ну, а мать у него здесь жила... питерская была.

Угу.

Четков: Ну, и мы там с ним познакомились! Он увидел меня, что я там это... И мы с ним познакомились, он говорит: Слушай, говорит, Боря, я, говорит, вот живу в Австрии, говорит. Всё. И мы, говорит, можем там сделать выставку. Вот. Значит, так. Я говорю: Ну, хорошо. Я говорю. И он меня пригласил туда на выставку. А до этого вот был этот... художник... как его... забыл его... Ну, кто меня пригласил? Фукс!

Фукс.

Четков: До этого у нас в России, в Русском музее, была выставка Фукса. Ну, я там был... но меня... я не приглашённый был... но я всё там попался... Ну, он много узнал о художниках. И... а он... почему он узнал? Потому что он сам занимался стеклом.

Угу.

Четков: Фукс. И он узнал, что вот я такой художник.

Он видел Ваши работы, да? В Русском музее.

Четков: Да. Он видел. Да! Видел работы. Но... а лично я с ним не был знаком.

Угу.

Четков: А когда я приехал в Австрию, в Вену, вот. И, значит, Виктор этот... Виктор, он тоже говорит: Слушай, говорит. Есть, говорит, Фукс. Он, говорит, заинтересован тобой. Говорит, вроде. Я, говорит, ему позвонил. Он, говорит, нас приглашает.

Угу.

Четков: Эрнст Фукс. А Эрнст Фукс – это мировая величина. Это друг Дали. Его основоположник, этого... направления. Сюрреалистического направления. Поэтому он мог совершенно спокойно говорить с любым президентом... государства любого. Для него это всё было открыто. Ну, и вот он когда пригласил... меня... мы приехали туда. Он посмотрел мои работы. Там, ну... и сам он... А он, значит, настолько был занятый человек, что он с нами немножко посидит, выпьет кофе – всё! И работал. [39:33] Всё время он работал. А он работы делал так. Длина этой картины, метров десять-пять. А высота три-четыре метра. И он работал тоненькой кисточкой. Через муштабель так вот. И они были монументальные. [39:49]

Угу.

Четков: Ты представляешь себе? Вот, посмотришь эту книгу. Ну, вот как-то, значит... в один из вечеров мы, значит, это... Он говорит: Боря, ты давай располагайся здесь, вся мастерская вот это... быть, как дома. Вот. А у него трёхэтажный такой дворец. Значит, с одной стороны коло[сальные] высочайшие такие... решётка. Такая... такие витые решётки.

Угу.

Четков: И перед входом там стоят египетские скульптуры. Ну, там входа нет... это такой... как центральный вход. А у него вход с другой стороны. Вот, мы там вначале приехали к центральному, ходим-ходим... не знаем, где как зайти. Звоним. А он говорит: Вы не туда, вы там, говорит, проходите. Мы проехали там. Там охрана, проехали туда. И с той стороны когда проехали, с другой... у него там лес... сад. Лес там, всё. И лани гуляют... перед лесом лани гуляют у него. Мы вышли там. Да, здорово там. Вышли...

Красота.

Четков: Да, красотища. Крыльцо такое там. И вот так же, как здесь, вот так у него. Так смотришь туда, там это... лес. Лес, поле, и лани гуляют там, понимаешь ли.

Угу.

Четков: Вот так человек живёт! Ну, побыли там. Ну, и вот один из вечеров как-то мы сидим пьём кофе. Он поднялся наверх... поднялся наверх и говорит: Боря, я сейчас, говорит, разговаривал с директором выставки... говорит, это... в Италии. Альборелли. В Венеции. Там, говорит, выставка. Я, говорит, ему сказал. Мы договорились. Ты, говорит, едешь на выставку. Я, говорит, делаю предложение тебе. Я ему... Тебе, говорит, пришлют вызов.

Угу.

Четков: Ты, говорит, будешь участвовать. Ну, вот я приехал в Ленинград, в Питер... в Питер приехал,

значит... Ну, а для того, чтобы... они мне написали... для того, чтобы я поехал туда, было какое-то участие... где-то, что я участвовал в выставках.

Угу.

Четков: Или с кем-то я с известным художником какие-то... общение у меня имеется, понимаешь? То есть, ну просто так. Ну, я пошёл в Русский музей. Чтобы дали мне вот такое письмо, что я вот... участник, что мои работы... мои работы находятся в Русском музее, и так далее. Ну, они, значит... прихожу... хорошо, говорит. Я говорю: У меня есть вызов... в Венецию, в Италию. Ладно, говорит. Приходи, говорит, дня через два. Я прихожу, а они говорят: Нет, мы Вам этого не да[дим]... не можем дать. От... делаем отказ.

А почему?

Четков: А?

Почему?

Четков: Ну, потому что я авангардист, я скандалист... я всё такой художник...

Чтобы Вы не уезжали, да?

Четков: Да! Чтобы... да. Не хотят они, чтобы я это... под именем их, Русского музея, я участвовал. Не хотят. Ну я... тогда в Эрмитаж. Там в Эрмитаж, а там, значит, в Эрмитаже мои тоже работы были, в Эрмитаже я участвовал... были выставки моего стекла. То есть... и не только моего стекла, но и других художников тоже были, а в основном были выставки моего стекла. Заведовала этим стеклом Малинина такая. Тоже в меня влюбилась баба. Потом она мне козни ставила, что я... ты представляешь себе? Вот... всё время вот так вот. Если бы я драл её, значит, я бы на высоте был. Ты представляешь себе?

Ну да.

Четков: Всё время вот так вот! [43:17] Вот ради этого... а я там... даже не обращаю внимания, видишь? Да... Она: Уууу какой, говорит, Боря-то Четков, оооо какой! Как в первый раз. Ну, ладно. И начала мне это всё устраивать всё это, понимаешь ли ты. Я ей... прихожу и говорю: Вот так и так... это... Я говорю, это... Ууу, Боря! Всё! Мы тебе сейчас сделаем всё! Написали письмо отличное. Директор Эрмитажа печать мне. И я поехал от Эрмитажа. Ты представляешь? На выставку поехал от Эрмитажа!

Угу.

Четков: Ну вот, я тебе уже рассказывал, как приехал я в Венецию, там... как они нас там встретили. Потом как я выставил с воё стекло!

Дань, преви.

Устал?

[43:46 смена кадра и обстановки]

Четков: ко мне он, и вот он поэтому решил меня, значит, рекомендовать на международную выставку стекла. Стекла и... там и других... произведений. Ну, в основном было стекло.

Угу.

Четков: Позвонил это... этому... Альборелли, директору. В Венеции это...

А Вы когда к нему на дачу приезжали в гости?

Четков: А?

Когда на дачу к нему приезжали? На творческую, Вы ему стекло показывали?

Четков: Вот именно только он там и всё и сделал! Он там поз[вонил]... из этой...

Не, а он стекло-то там видел Ваше? Вы ему привезли стекло показать или нет?

Четков: В каких фотографиях?

Нет, стекло. Стекло?

Четков: А, да! Он видел!

Он видел? Там, да?

Четков: Да, он видел, и он знал уже, как-то познакомился. И он как увидел мои работы, он сразу... сразу, значит... заинтересовался. Потому что он сам занимался тоже стеклом. У него есть работы, где он работал... в Венеции... с мастерами. Поэтому и его... интерес его... Он когда узнал, что организуется такая международная выставка, он меня туда порекомендовал. То есть он сразу позвонил этому... Альборелли, а это были друзья.

Угу.

Четков: Он тоже друг его. Он говорит: Хорошо, пусть едет в Питер оформляет документы и... мы, говорит, ему высылаем вызов.

Угу.

Четков: Я приезжаю, значит, в Ленинград. Мне прислали вызов. Ну, я обратился – я говорил уже – я обратился в Русский, а потом в Эрмитаж. Эрмитаж мне сделал с удовольствием. Мы, говорит, Вам даём это... письмо. Ну, когда это всё... всё это я... сделал, собрал вещи свои, приехал в Москву... в Москву, и значит, там... в этом... в таможене там всё это... У меня вещей-то много было. Они, значит, начинали... тормозили! Говорят: ну, как? У Вас, говорят, много вещей! Там всё. Ну, хорошо, говорит, покупай билет. Потому что это, говорит, престижно. Ты что, говорит, из Советского Союза человек едет на выставку такую, международную!

Угу.

Четков: Ну, вот. Я купил билет и приехал. Я уже рассказывал, как он там меня... в таможене... не рассказывал? Как на вокзале там... это...

Упали как?

Четков: Да. С этим... со... как упал со стеклом...

Не... расскажите! Расскажите, как...

Четков: А?

Расскажите, как из самолёта выходили!

Четков: Как я со стеклом этим возился! Как я заворачивал эти коробки там... как меня там направили это... в Венецию. И вот, когда я приехал... потом, значит... ну... на... там переночевал кое-как. Потом в гостинице ночевал. Когда я приехал уже... пришёл туда уже... на выставку, ну, такие все мы замазанные... И, да! И приехали ещё из Москвы!

Угу.

Четков: Из Москвы приехали четыре человека. А ты, говорят, как здесь оказался? А я говорю: Ну вот, меня сопро... Ааа, тебя, говорят, наверное, это... Эрмитаж... то есть дал. А они даже не знают, что меня рекомендовал Фукс.

Да. Да.

Четков: А потому что они все... все... то, что у них вот эти были приглашения, всё. Они только делали для себя.

Для «своих»!

Четков: А?

Для «своих».

Четков: Только для своих, да, вот это... художники московские.

Угу.

Четков: Тут всё. А... остальные их не интересовали! Какое там? Какие работы? Как что? Они могли пользоваться работами, но художника не приглашать.

Угу. Угу.

Четков: Так, как они сделали... в этом... в Японии. Так они сделали в Китае, так они и делали во всех странах! То художники якобы ни при чём, а они тут главные. Они тут привозят. Они там увозят. И так далее. Ну, и вот, значит... я... дали мне там... а там, значит... четырёхэтажное здание, колоссальное! Колоссальное здание это, выставочное.

Угу.

Четков: Там каждому государству, кто приехал, давался определённый кабинет! Комнаты!

Угу.

Четков: Комната давалась. Ну, и мне дали тоже комнату, большую такую. Такую вот... стена отличная. Я там сделал композицию... экспозицию там, сделал всё. И когда мы пришли... вот, это... я оделся так. Оооо, Рус! Compliments! Ко мне, значит, сразу... корреспонденты появились, фотографировать начали меня, то есть я уже... какой-то появился интерес ко мне. Вот. Ну, и так выставка то есть... продолжалась. В течение месяца. Все художники, которые приехали вот... из Германии, из Франции, с Италии там... откуда всё... они просто совершенно... были свободны. Они приехали как бы с другими людьми, с искусствоведами...

Угу.

Четков: С рабочими, которые занимались этим делом. Выставку организовывали, продвигали их работы... а они просто, знаешь, отдыхали! И вот я это... выхожу.

А Вы сами должны?

Четков: А?

Наши всё сами должны были делать, да?

Четков: А да! Я всё... я один... в одном лице я всё.

Да.

Четков: У меня и переводчика нет! Правда, из Москвы переводчица была вот там она... так она кое-как иногда мне помогала. Но она... у ней муж много лет... работал он это... за границей. Ну, она изучила английский, изучила там. Ну, в основном там... это общение было на английском.

Угу.

Четков: Ну, она переводила кое-что мне. А так я, конечно, сам... сам это всё пропагандировал своё... свои работы. Даже заинтересовались там... и я три бокала продал! По тысяче долларов. Три бокала вот таких вот.

Угу.

Четков: Вот таких вот бокала там. Вот. Но там больше-то не мог. И потом я, значит, оставил...

Да-да, рассказывайте.

Четков: Кончилась?

Нет. Я просто на бокал.

Четков: А?

Бокал покажу.

Четков: А, ну-ну-ну.

Продолжаем.

Четков: Вот такие в той... в той... комнате в большой, вот такие тоже есть. Это русское барокко. Борочные. Там. В той комнате они. Вот. Таких вот три штуки. Ну, и я, значит, короче говоря... Так у меня выставка продолжалась. Продолжалась... вот... потом... я тебе уже говорил, как это... прощальный вечер был. Как нас везли на этих... на катерах, с музыкой. Мы там едем тэ-тэ-тэ. Вообще, это... это очень такое... незабываемое зрелище вообще-то было. Ну, такие выставки, конечно, бывают чрезвычайно редко.

Угу.

Четков: Да. Потому что это... Была выставка в Англии, сто лет, потом вот тут тоже как раз попала на это. Ну и вот, и, конечно, большая заслуга была именно, что Фукс. Фукс меня... Потому что так бы на эту выставку я никогда не попал. И мне бы вообще... Даже дали... даже разрешения бы не дали. Вот. А тут как вот... так получилось, что тут уже какой-то был раскол уже. Этого... нашего государства... уже какая-то... то ли развал, то ли, значит ещё продолжение как-то, но... Перепутье какое-то было. Поэтому я совершенно спокойно выехал за границу.

Как Вы с Фуксом общались?

Четков: А?

С Фуксом на каком языке общались?

Четков: А вот я... как вот... я говорю, что... я в этой... в Вене! В Вене познакомился с ним, когда он нас пригласил, он пригласил к себе на дачу.

Да. А на каком языке Вы с ним разговаривали?

Четков: А переводчик у меня был.

А! Переводчик.

Четков: Вот этот... Виктор!

Аааа, он переводил, да-да!

Четков: Он же австриец, он уже знал немецкий язык. И вот... австрийский, вернее... а немецкий это... австрийский... он же похож.

Похож, да.

Четков: Ну, он с ним созвонился. Он говорит: Можно, говорит, то есть.... Боря, говорит, здесь выставка эта, говорит... приехать тут... Четков, художник по стеклу, всё это. Да-да, говорит. Приехал. Вот он нас и пригласил. Пригласил... пригласил этот... меня и потом это... была... эта... актриса... актриса была сестра этого... который меня увёз в Москву. Забыл его фамилию-то. Я его тоже забываю. А она там живёт, оказывается! И вот мы все втроём поехали к Фуксу. Вот. Ну, он такой... Она... она его, конечно, так не особенно восприняла. Она говорит: Боря, у тебя работы-то, говорит, лучше, чем у него! Но, говорит, ты неизвестен.

Да.

Четков: Понимаешь ли ты? Ну, Фукс хорошо меня принял, мои работы. [51:48] Живопись такая, говорит... Как-то говорит, живопись у него такая как-то интересная, но цвета, говорит, как-то непонятные. Почему такие, говорит, цвета у него. [51:57]

У Вас?

Четков: Да.

Ага.

Четков: Понимаешь ты? То есть как-то, тоже не традиция... нетрадиционная, так... Ну, интересная, говорит, живопись. Ну, в основном, конечно, его заинтересовало стекло.

Угу.

Четков: Вот, стекло. Ну, и вот я вот пообщался... И потом мы с ним поддерживали связь. И когда я... приехал в Питер... сюда, была здесь... Есть такая... искусствовед. Михайлова.

Угу.

Четков: Вот она... она была профессором. Профессор, и она, значит, узнала, что я... А она интересно-

валась всеми художниками, великими художниками. Была... И Фукса она хорошо знала. Была в Италии, в Венеции, она везде ездила. И когда она узнала, что я именно знаком с Фуксом, она пришла ко мне. Пришла ко мне и говорит: Вот, Боря, говорит... Это... посмотрела мои работы и заинтересовалась. Я, говорит, буду писать о тебе книгу. Книги. Потому что... ты, говорит, чрезвычайно интересный художник и перспективный художник. Потому что у тебя мысль интересная. И фантазия. И цвет. Цвет и фантазия. И вот она... мы стали подбирать материал для того, чтобы напечатать книгу. И когда был разговор о том, что разрешение об этой книге, собрался Художественный совет в Союзе художников.

Угу.

Четков: И пришла она. Ну, и вот... тогда уже весь Союз там эти... члены Союза и заслуженные, они сразу на дыбы. А кто, говорит, такой Четков? Говорит, что ей такого надо? Говорит, вот есть заслуженные художники! Вот о них, говорит, и пишите. Говорит, зачем ей кто-то. А она говорит: Вы знаете, что? Они, говорит, у Вас не перспективные. У них, говорит, нет того, что есть у Четкова. Поэтому, говорит, я буду писать о нём. Ну и вот, заседание длилось долго, дотянулось до позднего вечера. Все уже утомились. Председатель Союза, этот... Чаркин ушёл. Все ушли. Там... многие остались, говорит... остались некоторые там искусствоведы, да говорят: Да пишите, говорят, что Вы спрашиваете! Говорят это... ну, она ушла там... и потом, когда приходит, и говорит: Ну, Боря, я не знала, что у тебя, говорит, настолько много врагов. А я говорю: Я даже и не подозревал, что у меня какие-то враги. Потому что меня... мои работы они выставляли – это одно дело, а то, что они были там... против меня настроены... я, говорю, не знаю, вот. А в советское время везде мои работы всегда брали на выставку, но никогда не выставляли. Всегда где-то они их... я их находил еле-еле, а потом, когда я начал настаивать, они мне говорили: А ты не хочешь, говорит, уехать в места не столь отдалённые? Чего, говорят, ты так настаиваешь? И потом, у нас, говорят, такое творчество... у нас не котируется, не идёт.

Угу.

Четков: Ну, и вот я уже потом не стал свои вещи по живописи выставлять. А если я выставлял стекло, тоже в Союзе художников – то витрина лопнет, разобьются вещи, то не выставят, то не успели, понимаешь ли ты всё? То есть всё время были препоны. Не было такого, чтобы именно вот работы мои прошли гладко, что кто-то о них узнал. Вот и после этого я уже стекло не стал выставлять.

Угу.

Четков: Совершенно. Потому что то разобьют, то ещё что. А ведь его же не повторишь!

Да.

Четков: И когда уже произошло вот это... раскол. Раскол. А я занимался витражами. Делал... в Союзе художников делал витражи эти... секция витражная там была. Вот. Ну, и... значит... и... отделилась вот эта... монументалисты сделали свою подсекцию. Монументальную. Ну, когда уже сделали подсекцию, уже произошёл раскол, там всё... и меня уже начали потихоньку выставлять. В Союзе художников. Но никакой пропаганды. Пропагандировать меня... так это... и когда вот, я помню, было... была одна выставка... я стою, подходит ко мне искусствовед. Вы знаете, говорит, Ваши вещи мне нравятся, но, говорит, я бы хотела их это... напечатать, но, говорит, не разрешают. Не разрешат. Ну, я говорю: Ну, что я могу сделать? Ну, не разрешают. Поэтому и происходило... сейчас вот, за последнее время, вот сейчас... была выставка... шестьдесят лет Союзу, мою работу не выставили. Она не... ну, не подходит. То есть по... по тем данным, каких... какие у нас эти работы у них... она не подходит. Так что я до сих пор...

А что у них за данные?

Четков: А?

Что у них за данные такие?

Четков: Ну, у них, значит, что вот? Допустим, у меня вот была картина «Три богатыря» [56:44]. Это то есть чисто политическая вещь.

Угу.

Четков: А это ещё... пока ещё опасно. Там, значит, что? Три богатыря. Первый на дохлой лошади едет – Ленин, Троцкий, Сталин. Это чисто политическая вещь. И они... для того, чтобы её выставить, надо какой-то... какой-то предлог... что? Потому что...

Обоснование.

Четков: Да. Они это боятся. Ещё боятся пока. Понимаешь ли ты? Что скажут люди? Что скажет начальство? То есть, как бы что не получилось. Им не... им не хочется терять свои места, они... потому что они уже там... при кормушке. Заслуженные все. И кто не получил заслуженного – они хотят получить. А тут такой казус. Какой-то... какой-то Четков привёз вот такую работу. Зачем? Лучше её отстранить – и все... и все разговоры кончились.

Никакой головной боли.

Четков: Да! И всё. И поэтому, вот до сих пор... до сих пор вот так вот я в таком положении, видишь ты. Более такие... работы интересные, с моей точки зрения, и они какие-то... острые. Вот. То есть не в... как говорится, не входят в творческую рамку их понятия. Вот. Поэтому они их не выставляют. А выставляют свои работы – и всё. А меня отставляют. Несмотря на то, что я много лет уже в Союзе художников, более тридцати лет.

Угу.

Четков: Уже скоро сорок лет будет. И уже не надо мне, как мальчику, бегать на Совет и показывать свои работы. А всё равно, я вот нахожусь в таком положении. Несмотря на то, что мои работы уже... много в больших музеях за границей, вот. Приобретали и закупали, а в России моих живописных работ и графических работ нет. Совершенно они не... не котируются!

Угу.

Четков: Только вот у меня котируется вот... в Эрмитаже стекло, в Русском музее тоже стекло. И в других вот... в республиках... это... бывшего СНГ... тоже есть работы мои. Стекло. Там, ну где-то вроде бы живопись, а... здесь нет. Здесь нет. И до сих пор, даже хотя... хотя были напечатаны книги в Америке о моей живописи, всё. Ну, это не производит никаких... никакого впечатления.

Угу.

Четков: Ну вот, значит что? Мы остановились на Фуксе, да?

Да.

Четков: Когда прошло какое-то время, значит... я каким-то образом... у нас столкнулся... понял... значит, узнал, что существует такая... Фукс... группа этого... Пушкин-групп.

Угу.

Четков: Существует. При Пушкинском музее. И эту группу возглавлял родственник Пушкина, живший... живущий в данный момент в Америке. Он заинтересовался моими работами. И... значит, я стал уже с ними сотрудничать. С этим Пушкин-групп. Это то есть... значит, те художники, не санкционированные художники. То есть здесь.

Неофициальные художники.

Четков: А?

Неофициальные.

Четков: Да! Да. Те, которые это... или как их можно назвать... андеграунд.

Да.

Четков: Якобы как андеграунд, художники андеграунда. Ну, и он начал меня пропагандировать. Выставлять мои работы. Покупать. И издал книгу. В процессе вот этой дружбы на расстоянии... он меня познакомил со своим другом, правнуком Александра II.

Угу.

Четков: Вот. Этот... Георгий. Живший в этой... Как у нас... где у нас... куда мы работы отправили?

В Швейцарию.

Четков: А? Швейцария? Он живёт в Швейцарии. Он ко мне тоже приехал, мы познакомились. Несколько дней, значит, он там... был... жил здесь. А оказывается, у него есть здесь в Питере купленная комната. Жильё. И он всё время с женой приезжает. Раз в месяц или там несколько раз в году приезжает в Ленинград. В Питер. Приезжает, и вот он... и с этим... с Кеннетом [Пушкиным] они общаются. Устраивают эти... вечера вот этих... свои там. Как – дворянские вечера. Даже я на одном был, вечере на дворянском, приглашён там. Приглашён был... вечер такой был. Ну, вот они общаются. Я писал Георгия, его зовут Георгий. Я писал его портрет, писал портрет Пушкина. Это... родственника Пушкина. Ну, и вот, вот такая вот у нас связь была, и сейчас она продолжается. Ну, сейчас вот, в связи вот с этим... с разной вот этой... передрыгами...

С кризисом?

Четков: Да, с кризисом... конечно, там уже отношения так... потому что им уже приезжать сюда нет никакого резона, там это всё. Ну, вот. Вот так вот. Такие вот пока вот эти дела. Ну, и с чего ещё мы начнём? Значит, что... о чём мы ещё будем говорить сейчас? Да! О выставках я тебе сказал, что выставки во многих странах мои есть. И живопись. Графики почти что нет, ну только живопись и стекло. Вот. А здесь в России моих работ нет. Ни живописи, ни графики. Поэтому материал вот этот пока в таком состоянии находится.

Угу.

Четков: Вот... ну, в дальнейшем я, конечно, думаю, чтобы... может быть, я где-то сделаю персональную выставку. Да! Да вот, с этой... с Михайловой. Михайлова, значит, издала первую книгу «Фантастический реализм Бориса Четкова» на... так как она... уже знала, консультировалась с Фуксом, консультировалась с этими... с академиками этого... у нас в России здесь, они давали добро... и она начала писать обо мне книгу. Напечатала одну книгу, вторую и третью. Первая, значит, мы сделали выставку.

Вначале в Музее Бродского. Как фантастический реализм... был очень большой интерес, и был большой... проходимость большая была. Потом сделали в Союзе художников эту выставку... это тоже продолжение вот этого... фантастического реализма. И в конце концов она защитила докторскую диссертацию на моих произведениях, и ей дали звание – доктор. Доктор философии и искусствования. Ну, а я просто остался таким, как... был художником, и так и остался. Никаких званий, никаких привилегий мне не было. Несмотря на то, что выпущено три книги. Одна книга выпущена Кеннетом в Америке. Которая вот у меня находится. Ну, и сейчас вот он вроде работает над книгой... а эту книгу...

«Портреты».

Четков: ...писал... Да, «Портреты». Писал искусствовед... забыл, как её... из Русского музея искусствовед делал монографию. Писал.

Боровской?

Четков: А?

Боровской?

Четков: Боровский! Да. Писал монографию... написал Боровский. Две, на две книги. Первая книга о живописи, и вторая о портрете – писал тоже Боровский. Но несмотря на то, что Боровский имеет большое влияние на всех, ну... пока приглашений для выставок в Русском музее или для приобретения или даже в подарок мне нет. То есть я вот... остаюсь вот в таком состоянии.

Андеграунд.

Четков: Да, андеграунд.

До сих пор остаётесь в андеграунде.

Четков: Вот именно, до сих пор. Но несмотря на то, что я когдаставляю что, ко мне большой интерес художников всегда. Интерес искусствоведов. Всегда вокруг меня собираются, мы говорим там о творчестве. А до, как говорится, начальства, до руководителей это дело не доходит. У меня вот был такой случай, когда был мэром города Яковлев. Как... А он, значит, человек, который интересовался творчеством. И я был в Эрмитаже, а там в Эрмитаже делается каждый год выставка художников за текущий год, то есть что они сделали. Независимо от того, член Союза, не член Союза. Если у него интересная работа, выставлялись. Ну и вот, я пришёл на эту выставку, у меня был каталог стекла из Венеции. И он, значит... я даже не... меня с ним не познакомили, ничего. Ну, подходит, со мной поздоровался, всё. А потом, когда где-то отходили мы... я подошёл, я говорю: Знаете, что я художник? Я говорю: Вот мои работы. Он посмотрел каталог. Хорошо, говорит, мы с тобой, говорит. Я, говорит... к тебе в мастерскую приедем мы. Ну, а там все это... окружение-то стоит, он же мэр города, ты представляешь себе?

Угу.

Четков: Ну вот, я говорю: Хорошо. А там стоят эти... его помощники. Ну, говорит, мы с Вами созвонимся. Созвонимся. Ну вот, значит... Звонок. Вот, говорит, мы тогда приедем, говорит тогда-то. Через недельку, говорит, ждите нас. Ну, я это всё... приготовил всё – всё. Потом звонок. Вы знаете, что? Мы к Вам не приедем, мы не готовы. Мы не х... мы не приедем. Там уже сделали препон. Уже всё это, что... запрет. Чтобы опять-таки меня никуда не продвинуть.

Угу.

Четков: Ты представляешь себе? И всё так – всякая связь с этим... нарушена. И я так остался в таком же состоянии, как и был. Представляешь себе? А если бы, конечно, был... пришёл он... значит, тут бы была...

Телевидение.

Четков: Была бы реклама.

Да.

Четков: Пришёл же мэр города в мастерскую, пришла реклама, там бы начали печатать, говорить. А кому это надо? Зачем? Кто такой Четков?

Угу.

Четков: У них своя компания, свои интересы, так что меня двигать...

Наверное, нужно сказать, что в этой области в сфере искусства и в выставочной деятельности, аукционной деятельности, она сейчас контролируется определённой группой людей, которая продвигает только своих протеже, да.

Четков: Да! Своих людей.

И делают деньги.

Четков: Да.

Это чистый бизнес.

Четков: И делают деньги.

Культура.

Четков: А я... делиться со мной они никак не хотят. Так же, как я участвовал... в своё время я участвовал с авангардистами. То есть я был в компании в этой... авангардистов. То есть авангард, который здесь русский был. Есть он, вернее. Но сейчас они, правда... у них там есть и своя галерея, сейчас они всё, отделились. Ну, сейчас они замолкли, а в своё время это был фурор. Так они меня пригласили! И я... для них я был... один член Союза... это... они выступали, говорят: Вот, Вы нас не признаёте, и Вы нам не даёте мастерские, выставлять. А вот у нас члены Союза есть!

Угу.

Четков: Которые, говорят, с нами, понимаете? Почему так? И вот я им был нужен-то до той поры, пока экономический вопрос не решился.

Угу.

Четков: Как они на... напали на академи... на деньги, как они стали рекламироваться, как они стали уже продавать свои работы – я уже не нужен был. И они меня отшили! Зачем я им нужен? Потому что у них своя компания. Свои... в то... в нужное время я их поддержал... а дальше я уже не нужен. Так и, как всегда, делается. Как и в политике. Как и в искусстве. А искусство – это тоже политика [01:08:39]. Такая же политика. Уже перешло на политику. Это уже... чистое творчество уже никому

не нужно. Поэтому я...

Деньги, деньги.

Четков: Я понял это, что... я там не особенно это нужен им. И я отошёл. Отшёл и начал заниматься живописью. И меня экономический вопрос... меня не особенно интересовал. Почему? Я работал в комбинате. У меня была определённая зарплата. Ежедневно это... зарплата, то есть ежемесячная. Поэтому меня это не волновало. Я только занимался живописью.

Творчеством. Да.

Четков: Творчеством. Делал эскизы к витражам. Утверждали меня – не утверждали, я работал. А если утвердили, я, значит, делал картон. Отдавал это мастерам. Мастера делали витраж. Я только контролировал.

Угу.

Четков: Вот и всё. Вся эта проходила работа. Остальное время я занимался живописью. Так как я, будучи... работая на заводе, стекольном заводе, я всё время всех... всех своих, кто со мной был, художников... я их вытаскивал на пленэр! Все! После работы, вечером, в неделю раза два-три я выводил на пленэр. И писали этюды. Живописью занимались. То есть приучал, чтобы... к живописи. К культуре. Мастеров возил в Эрмитаж, в Русский музей. Вывозил на Советы художественные, где они... как... развивались как эти... как мастера. Несмотря на то, что мне за это попадало. Но я говорил: Деньги-то не Ваши! Деньги-то завода! Если завод даёт командировки, какое Ваше дело там? Главный художник – а там всё это... Ну, и что опять банду, говорит, свою привёз? Я говорю: Ну, и что? Они же должны тоже развиваться! Как и мы. Поэтому вот... всё время... у меня какие-то всё время были препоны и конфликты. Но эти конфликты так... которые меня не особенно тормозили, я... наоборот, я больше развивался и двигал своих людей, которые вокруг меня... были эти. Вот так. Потом, и вот... у меня были самые лучшие мастера. Из всех вот этих... заводов. Самые лучшие, опытные и понимали стекло. Потому что они не наученные. Они вот с детства. Как их отец работал на заводе, они с детства смотрели, бегали на стекольный завод. Это их интересовало. И они даже – кто семь классов кончил, кто десять. Но они были художники. Они были... мастера!

Угу.

Четков: Мастера, а для того, чтобы... у них же были... они чувствовали стекло. Они, как... вот, как хлеб свой, всё это понимали его. И им не надо было... а если только их немножко подтолкнуть, дать ми культуру, так они такие вещи делали! Божественные просто. Понимаешь ли ты? Вот так.

А после того, как Вы ушли с завода?

Четков: А?

После того, как Вы ушли, там продолжалось всё... что-нибудь?

Четков: Нет! Всё разрушилось.

Всё разрушилось, да? То есть они сами не стали там ничего делать?

Четков: Всё... да! Эти мастера мои, кто ушёл подметать пол, эти... цех... кто смазывать формы пошёл, кто – что. То есть эта бригада распалась.

Угу.

Четков: Вот потом я уже... вот это... когда уже ездил... там был Виктор такой. Да и другие. Начали пить. Многие уже умерли. Один только вот остался, который маленький такой он. Этот... Горошкин Валера. Он только остался, он не пил, не курил. Вот, не знаю, сейчас вроде живой. Я к нему приезжал в гости. Вот. И он тоже так. А остальные все – никого не стало. Вот. Так что... потому что как я ушёл – всё распалось. Ну, а кто их будет держать? Пришли новые художники. Ну, они уже не имели такого авторитета, ткой силы. Вот. И они уже... а начальники цехов уже их...

Подмяли.

Четков: Да, помяли там. Подавили. Они делали там что-то там... Бригада была, но она уже... без интереса. Понимаешь ли ты? У них уже не было никакого интереса.

Не было лидера.

Четков: Да. Да, вот. Не было.

Руководителя.

Четков: Да, конечно. Я же зажигал всех, я же их... водил... они уже чувствовали, что я это... приехал. О! Борис! Борис приехал! Шеф приехал. Пошли ребята! Давай, так всё там. Поэтому вот так. А когда я... ушёл – всё распалось. Всё. Пришёл один художник, там... какие-то бутылки опять начал делать. Цилиндрики начали делать. А какой это? Кому это интересно? Какой смысл? Он... мои работы он: А что это такое? Что это такое – тоже! Кончил институт и говорит, тоже пришёл: А что это такое? То есть, ты всё делаешь там... да, я говорю: Ну... Вот так! Поэтому всё распалось. И Советская власть распалась – и всё, и началось, и завод пропал. Всё. Все разбежались.

Понятно. Спасибо, Борис, за интересный рассказ о Вашей жизни, о Вашем творчестве. И может быть, мы поговорим ещё об искусстве вообще? [01:13:34] О каком... о том, какое... каким оно должно быть? Должен ли художник – настоящий – думать о том... о том, как будет продаваться его картина – не будет ли продаваться его картина? Потому что, когда человек думает о деньгах, это получается уже вроде как и не творчество.

Четков: Да! Ну, вот...

А ремесло получается.

Четков: Ну, вот да. Ну... когда вот... даже от... сначала... и даже... и вступление в Союз художников, где я уже, вернее – когда... вот какие-то выставки, я носил свои произведения, у меня их не брали. Но меня экономическая часть – экономика – меня не интересовала. Почему? Потому что я имел доход с другой области. Занимался витражами, или я преподавал. Живопись – это был такой материал для меня, как чисто духовное. И у меня не было стремления, чтобы где-то продать, где-то протолкнуть, где-то с кем-то знакомиться, чтобы это создавать, нет. Я... если меня приглашали на выставку, я выставлялся как художник и потом... так уносил и всё. Потому что деньги за... деньги и живопись – это несовместимо [01:14:43].

Угу.

Четков: Несовместимо. Поэтому у меня даже и в мыслях не было... то, что – Да! Надо скорее продавать... там... на Невский бегать туда, где-то показывать. У меня этого не было. Я писал. Пока большой интерес был к живописи, и я ставил свои работы, в мастерской! Так они у меня и стояли. Если кто-то заинтересовался... моими работами, было так... приходили – я продавал недорого. Для того, чтобы как-то поддержать... Вот стимул: купить краски, холсты там... всё. А в основном, в основном... я про-

сто писал только для себя [01:15:16]. Для того, чтобы... для собственного такого удовольствия и развития моего творчества. Потому что... для того, чтобы вот... как-то бы быть на плаву, как-то всё время быть в форме, я, конечно... всё время занимался литературой. Ходил в музеи. Ходил в библиотеки. То есть не... уже как... нико[гда]... не стоял на одном месте, понимаешь ты?

Угу.

Четков: Даже вот когда... будучи... учась в Строгановке... вот. Мне, значит... я с преподавателями там в близких отношениях был... мне, ну так... работы... так эти, студенты мои, говорили: Ну, и что? Конечно, ему ставят пятёрки, он всё время в библиотеке сидит! Так и вы сидите в библиотеке! Я говорю: Кто вам мешает? Если в библиотеке сижу... я сижу на... хожу на пленэр... а они: отучились и побежали! Ну, это же... это же не дело. То есть это их... их дело, а моё дело другое. У меня строгий был режим. Я... учась в Москве в Строгановке... я ложился в двенадцать часов. Уже не как в четыре вставал, я вставал в полшестого. Делал зарядку, шёл на этюды. И в восемь часов я уже шёл с этюдов. А они только протирали глазки, бежали скорее в институт. А я шёл с этюда, завтракал и шёл на учёбу. В перерыве – перерывы – когда перерыв был час! Я полчаса кушал, а полчаса я шёл на пленэр, у меня был такой этюдник маленький на... пальце. Я писал этюды.

Угу.

Четков: И ребята... вот я... когда потом позже приезжал... Боря, говорят, мы до сих пор помним твои, говорит, этюды. Представляешь себе? Никто этим не занимался! Никого это не интересовало! Вечером мы организовывали группу... худо[жников]... ребят... из других отделений... делали... занимались рисунком. Рисовали. Вот. А днём... днём это я сам самостоятельно... живопись была тоже... в этом... у нас отделе, то есть ну... в нашей группе, там же был... было по программе. Живопись и натюрморт там... композиция. Там лепка там... там всё... и я там работал. И так вот, всё время учёба так... был большой... Учиться интересно! Ты понимаешь ли? Интересно то, что ты что-то познаёшь, тебе что-то говорят... ты идёшь туда – ты там узнаёшь, там узнаёшь... Поэтому... и вот... И вот я сейчас представляю себе вот... из той группы... из питерской. Из московской... почти что творцов никого нет. Нет никого почти что, нет! Я оказался один!

Угу.

Четков: Ты понимаешь ли? И живоисью занимаюсь, и графикой. И в стекле. А они... ушли все в области другие. Кто пошёл на Невский рисовать... кто...

Ну, зарабатывать деньги пошли! Зарабатывать деньги!

Четков: Да! Пошли зарабатывать. Да.

Они для того туда и шли, чтобы...

Четков: Да. Они не нашли своего пути... А я... как-то... это... этот процесс – деньги зарабатывать – меня миновал! Понимаешь ты – миновал! Если... если у меня какой-то был кризис вот так вот... вдруг кто-то делает мне предложение. Приедут, купят у меня работы. Потом появился Пушкин! Он периодически меня поддерживал. Периодически. То есть, значит, приедет в год раз или два... всегда он у меня что-то приобретал. Так что я вот за это... за эти вот деньги вот... я и... существовал. И до сих пор существую. Понимаешь ли ты? Поэтому заказов как таковых у меня никогда не было. Никто мне не заказывал. Никаких я копий никому не делал. А вот портреты я написал вот эти – так я их... вот этого... правнука Александра II и этот... я их просто... они... мне предлагали деньги, а я им подарил.

Николая II.

Четков: А?

Николая II.

Четков: То есть, Николай II. Так, по-моему – Александра. Не Николай! Александра II.

Александра?

Четков: Александра! Которого убили.

Угу.

Четков: На... на этом... вот этот... собор-то... на Крови. Его там убили.

Спас на Крови!

Четков: Спас на Крови. Его там же убили, там...

Угу.

Четков: Вот... там вот. Это Александр II. А не Николай. Вот... а это правнук.

Борис, а можно... так получается из Ваших рассуждений можно сделать вывод – во всяком случае я делаю такой вывод – что настоящее искусство, так же, как настоящая любовь – оно бескорытно? Когда ты что-то делаешь, ты не думаешь о том, что ты продашь?

Четков: Естественно!

И что...

Четков: Естественно! Я никогда...

Ради какой-то выгоды!

Четков: Да, я никогда!

Ты делаешь просто то, что...

Четков: Да. Когда вот занимался живописью, я никогда не думал о выгоде. Никогда не думал о продаже! Что вот именно я вот сделаю эту выставку... то есть, эту работу – я её продам! У меня этого даже в голове не было! Не укладывалось никак! Как это так? И притом... вот некоторые говорили: Вот, у меня придёт вдохновение – я буду... пойду писать! У меня не было такого состояния. Я прихожу, открываю мольберт, беру кисть – у меня сразу идея! Даже независимо от меня! Какие-то идеи возникают, и я работаю. Работаю – и всё. А куда эта пойдёт работа? Где она будет? Я... если я где-то что-то заторможусь, то я себя сразу ловлю на том: А что же я боюсь-то? Я же ведь не на всемирную выставку делаю эту работу! Что я боюсь? Надо смелее писать! [01:20:41] Надо вкладывать свои душу и...

Накаких рамок?

Четков: А?

Никаких рамок, так?

Четков: Никаких! Абсолютно никаких рамок! Совершенно был раскован и свободен. [01:20:49] Пэ-

тому для них... так же, как и в стекле – так и в живописи, я, конечно, был совершенно другим, поэтому и интерес... у кого-то был интерес, а у кого-то антипатия, у кого-то симпатия! У кого-то была антипатия.

Да.

Четков: Чего он тут приносит? Мы же того... делай вот так – а он приносит совсем другое. Вот. Поэтому и даже... и такие вещи. Вот я рассказывал, что... если ты, говорит, будешь ещё писать так, то, что это, знаешь ты... парень, ты давай, пиши так, как вот мы!

Иначе уедешь!

Четков: Да. Иначе будет хуже. Ну вот. Я говорю: А сколько... после революции сколько художников посадили? Сколько их отправили в Гулаги? Так вот... кое-кого расстреляли, ты представляешь себе? За это творчество. Потому что вот... А что делал Гитлер? Там же, что было в Германии? То и было в Советском Союзе! Там только соцреализм признавался. Поэтому те художники, которые работали в других направлениях, они... не высывались! Они просто как-то там... так, как я – сделал – и к стеночке! Никому не показывал и всё. И таким образом такие люди только сохранились. А если они были... настаивали...

Ну, да. Если бы они лезли на рожон, то их быстренько убрали – и всё.

Четков: Да! Так, как я в Москве. Я только просто разго... говорил о творчестве. Рассказывал... И быстренько меня хотели... с пятого курса хотели выгнать!

Угу.

Четков: Представляешь себе? То, что я имел своё личное мнение о творчестве.

Инакомыслящий?

Четков: Да. Инакомыслящий. Да – и всё. Поэтому... а нашёлся человек, который не хотел, чтобы меня просто куда-то выгнали. А перевёл меня в Ленинград. Где я закончил вот... учёбу. И потом уже стал дальше работать. И тут, всё равно, и в стекле, и где я преподавал – всё равно, мне устраивали препоны. Потому что я в рамки в эти не входил никак. Понимаешь ты? Ему надо было одно, а я говорил: Это другое. Понимаешь ли ты? То есть я говорил то, что я думаю. И я говорил то, что будет полезно для дальнейшего развития творчества. А им это не надо было. Зачем это нужно им там, чтобы кто-то ещё что-то там развивал? А! Чистая программа поставлена: натюрморт. Поставил – и ушёл. А я если поставил натюрморт, то я говорил, рассказывал о натюрморте. Где он? О композиции. О колорите. О тональности этого всего. То есть... я один, как выскочка, понимаешь ли ты? То есть я всех заинтересовывать их, студентов – а они... им это зачем? Они поставили натюрморт. Ребята, пишите! А сами пошли. Ну, и сидят студенты там. Рисуют, а как, зачем? Как что? И понятия не имеют. Поэтому такие люди не нужны! И сейчас вот... сколько я знаю... сколько у меня есть знаний... сколько всего... А меня никто не приглашает! Мои знания не нужны! Ни в стекле, ни в живописи, ни в графике! Не нужны мои знания! Почему? Потому что это их знания ущемляет. Как это? Я приду, как выскочка. Я вот буду говорить студентам одно, и у них ведь появится интерес. Они начнут говорить... тянуться ко мне! А мы-то кто такие? Как это так? А мы-то... мы тоже ведь художники! Мы тоже ведь... мы же заслуженные! А он кто такой? Поэтому я стал не востребовавшийся. И я потихоньку так же занимаюсь творчеством, пишу и не думаю о том, что... ни о каких этих... званиях, ни о каких этих... должностях. Я занимаюсь только вот... пишу и рисую. И вот и всё.

Но я всё равно уверен в том, что Ваше творчество, Ваше наследие – оно имеет большое будущее. И

это безусловно останется в истории человечества. Мне кажется, в истории живописи. Вот.

Четков: Да, я думаю, что да. Я думаю, что постепенно, конечно, я войду в историю как художник. Почему? Потому что там есть много работ на Западе. Там со временем... и вот эти книги. «Фантастический реализм» Михайловой... она, значит, подарила по одному экземпляру по всем городам... библиотеки, в крупные библиотеки городов. И в Лондоне, и в Париже – везде. Мои книги есть. Это... а она лично подарила. Вот. Её как знают... как доктора философии... доктора философии и искусствоведения. И вот она... и в Эрмитаже мои работы есть... в Эрмитаже даже в библиотеке книги эти есть. Вот. Так что это... может быть, со временем это всё всплывёт, если так будет... Но сейчас пока у нас не то время, чтобы заниматься вот этими... этими книгами. Потому что там очень интересные философские направления, о композиции, о возникновении живописи, о художниках... вот. Там всё это есть. Но а пока этим не интересуются. Это слишком заумно кажется для них. Поэтому они эт всё откладывают. Вот так. А придёт время, когда кто-то заинтересуется... и будет... будет прогресс [01:26:07].

Понятно.

Четков: Но это длинный процесс. Длинное время. Вот так. Ну, что ещё у нас? Мы... что ещё забыли? О чём ещё? Поэтому сейчас вот... только единственное и осталось – писать... и быть, как говорится... удовлетворённым своим творчеством.

Верным оставаться себе...

Четков: Да и то – не всегда. А?

Оставаться верным самому себе и творчеству.

Четков: Да! И то – да... оставаться верным – и то... до сих пор... всё я ещё и... нахожусь в поисках [01:26:49]. И меня работы... многие работы меня не удовлетворяют. Поэтому я продолжаю писать, работать и... рисовать [01:26:56]. А если бы я был доволен и удовлетворён своим творчеством, то я бы его кончил, бросил бы [01:27:01].

Да. Закончился бы...

Четков: Да.

Неинтересно просто.

Четков: Да. Это был бы не интерес. Неинтересно было... как... как этому... обывателю... как мастеру, который... Мастер – это хорошо, мастерство, но фантазия – это другое [01:27:15]. Подсознание – это одно, понимаешь ли ты? Вот. Сознание – это одно, а подсознание, выражать свои мысли – это... это другое [01:27:24]. Поэтому не всем это понятно. А если не всем понятно, то... мои работы пока они... стоят у меня в мастерской. Или где-то – кто более такой... более интеллектуальный человек, более такой развитый... он их приобретает [01:27:40]... или просто приходит ко мне и интересуется в моей мастерской [01:27:43]. Моими работами. Покажи, говорит, Боря, там – что ты пишешь. Вот и всё. Вот так. Вот так жизнь пр... дальше продолжается. А то, что говорят: Конец бывает творчеству. Творчеству всегда какой-то бывает конец. Ничего подобного! Пока человек... до сих пор он живёт... занимается творчеством, интерес всегда... будет. И фантазия его не покинет!

Неисчерпаемая?

Четков: Да, она... да, этот процесс творческий, он неиссякаем. Вот. А иссекаем в тот момент, если ты, допустим, прервался на много времени... надо будет тебе опять-таки возобновлять его, там всё. А

если ты систематически этим занимаешься, всё... так оно постепенно всё и идёт...

Угу.

Четков: Вот и... так уже когда... приходит уже, как говорится, всему конец... то и... и жизни конец. Понимаешь ли ты? Поэтому и творчеству конец. Вот. Поэтому... после этого тогда уже начнёт тебя кто-то копать, открывать... вот... и... говорить, что был такой-то там человек. А пока при жизни... мало людей, которые заинтересовались твоим творчеством. Вот, всё. Надо иметь силу... надо иметь людей, которые... чтобы тебя двигали. А коли... коль таких людей нет, поэтому творчество остаётся при художнике [01:29:04].

Да. Тем более, в наши времена, это...

Четков: Да. Тем более, в наши времена, да...

...всё дорогого стоит...

Четков: Вот именно! В наше время!...

...чтобы о тебе знали и слышали.

Четков: Да.

И видели – тем более.

Четков: Ну да. Сейчас не до искусства. Не до жира – лишь бы живу! Понятно?

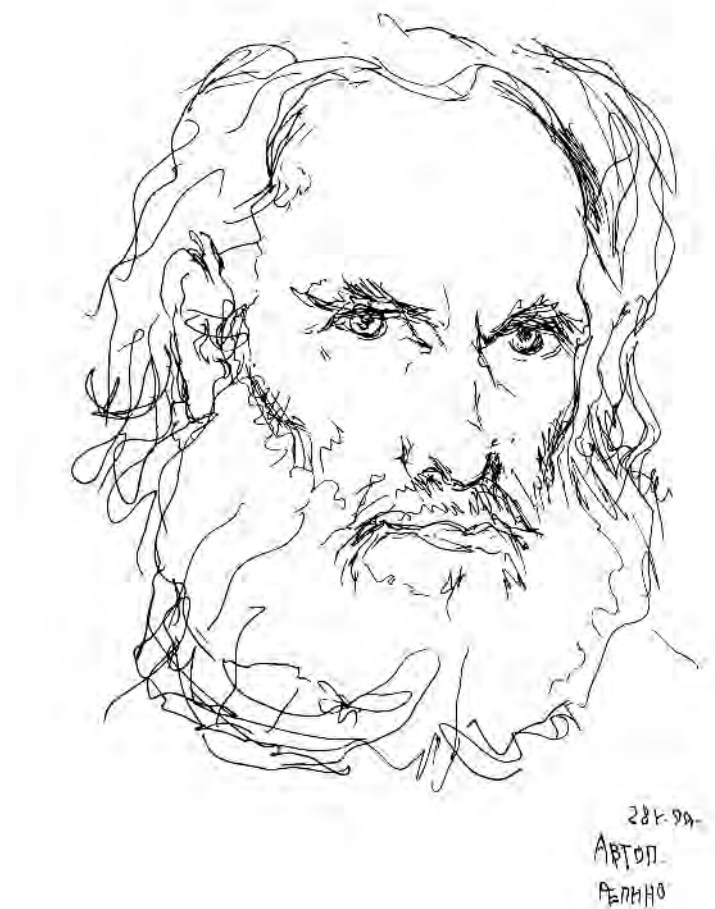
Борис, спасибо огромное. За Ваше... за Ваш рассказ, за то, что Вы поделились... с нами... о Ваших переживаниях, о Вашем жизненном пути. Мы Вам желаем... я Вам желаю... здоровья, как можно больше творить, и чтобы... Ваша фантазия никогда Вас не покидала. Вот.

Четков: ну, да. Вот так. И по мере возможности будем продвигать, да?

Да. Обязательно.

Настоящий документ является не отредактированной транскрипцией интервью с Борисом Четковым (переведенного с русского на английский язык), записанного у него дома в Ломоносове (пригороде Санкт-Петербурга, Россия) в декабре 2009 года.

Copyright 2014, Пушкин Group, Ltd. Все права защищены

**IN MY OWN WORDS:
THE AUTOBIOGRAPHY OF
BORIS CHETKOV**

I, Boris Aleksandrovich Chetkov, was born in 1926, October 26, in Sverdlovskaya district, Novaya Lyalya town. My father was born in a village Soltanovo nearby the town. He graduated from a technical college, worked as a HR manager and director of the Metal factory in Krasnouralsk. In 1937 he was disfavoured and fired, later – excluded from the party. During the next 2-3 years, our family was constantly on the move. My mother, Elena Fedorovna, was born in 1905. After the revolution her parents died, and her brother and sister were taken to a children's home. She herself started working as a domestic servant. Her cousins, icon makers, also disappeared.

My mother's family moved to Soltanovo village when she was 18. Everyone there had a surname Soltanov, and only my father was Chetkov. The story behind it is like a fairy tale. They were a rich family but could not have any children; they were advised to adopt on numerous occasions. One day, they found an abandoned baby at their door. He had a silk blanket, lacy sheet and a note which read: 'Andrey Chetkov'. So, Soltanovo village got a Chetkov!

After my parents got married, the family grew rapidly. Anna, Aleksandr, Volodya and Tanya were born soon. My parents were still very young, but worked hard. The grandfather used to say, 'I don't care whether you sleep or not during the night, but at 4am all the horses should be ready to go'. They never hired workers, and the six family members did all the work themselves; the family grew to be quite wealthy. The rumours about revolution spread soon, and local workers would come and threaten my father with dispossession of their property – despite him always helping them in hard times.

All was going relatively well - but the unforeseen happened. Everyone was out in town apart from the grandmother who was 90 years old. She tried to light an icon-lamp, but dropped it; the wooden floor immediately caught on fire. The house started burning; people ran outside the church, and my father realised it was our house burning. They raced to the stables to free the horses and cows.

After this, my family gathered what survived the fire and moved to the town Novaya Lyalya. My parents started living separately, and that was where I was born. But I remember that my grandfather had a huge house and a covered yard with big gates, as is usual in Ural. He had two cows, sheep, chicken and goose, and a red horse Gnetko. Everyone gathered at his for festivities and celebrations, having a grand feast and singing Russian and Ukrainian songs. Women would start, men – pick up. Celebrations would last a couple of days! During one such celebration, I was outside in the yard. Adults would come out once in a while to check up on me; I was just wondering around and singing 'No one will know where my grave is'. Suddenly, a horse came out of the stable and grabbed my collar. Good that I was wearing a thick scarf. It started picking me up! At this point, my grandmother came outside. She started shouting, 'Gnetko is suffocating Boris!' My dad ran outside, and Gnetko let me go, hid in the stable. Everyone was laughing about this later, and I didn't get any injuries.

When I was about 4 years old, I started visiting grandfather on my own. The town is very small, and is divided by a railway. One day I was on my way to granddad's and was about to cross the railway. Suddenly, a steam train appeared. The driver had to brake abruptly, and I fell down. After this, I wasn't allowed to walk on my own anymore.

Still, I kept visiting my grandparents; I loved their house, with all the animals and a big yard. A rooster with an amazing emerald tail surrounded by hens. Geese, ready to fight at a hint of a threat. I remember I was asked to get them back inside the yard in the evening. When I started approaching them, they started hissing and moving towards me – so I ran away. But they followed me with spread wings! I barely escaped.

I had a friend Volodya who lived nearby and used to play with me outside. He was very strong, 1 to 2 years older than me, and always walked around naked. His body was strong as a tree. If it was cold outside, I would tell him to put some clothes on. On these occasions, he would put on his father's valenki and a coat. He was very curious kid always asking my grandmother questions about the hens, roosters and other cattle - and she would tease him, saying the rooster was about to lay eggs, etc.

I loved being in the grandparents' house. They had photos of various opera artists on the walls, and a huge colourful reproduction – later I found out, of Rembrandt. They also had a lot of beautiful old books in leather covers, many of them with the pictures of horses and other animals. In the evening, I loved lying on a furnace and watching all the family members. I knew the house and the yard like a back of my palm - or so I thought. One day, I found a dark door which led to a box-room, and there, fitted to the wall, wooden planks which led to the attic. Immediately, I went there and found a huge, light space. A whole new, different world! There were many things which hadn't been used in ages, yet still in a great condition. There were saddles, harnesses, yokes... There were also whips tied together, some of them more than 2 metres long, later I was told – gypsy ones. Spinning wheels, a spindle, a painted sledge with a bell... It all was like a folk museum of applied art, the kind I would visit years later in big cities. I was enchanted by the place, and would go there almost every time I visited my grandparents. For a long time, my family did not know where I was going, thinking that I was just playing outside with other kids. But once, my grandfather found me. 'There you are! We had no idea you knew of this place!' He spent a long time showing me all the things in the attic, explaining their purpose and history. When I was about 5 years old, my mother gave me a big album made of wrapping paper. I started painting everything I was told about. For example, I tried to illustrate the fairy tales Kolobok, Grey Wolf and Serpent Gorinich.

Later, my parents moved to another flat and I couldn't visit my grandparents as frequently. During the summer and spring, I would spend all my time with my friends by the river Lyalya. There we loved to run along the slippery timber. Felling frequently took place, and at those times huge piles of logs would lie along the shore, 5-6 storey high; goats would walk on them, and we also tried to climb as high as we could. It was strange to see the goats with blue skies on the background, as if it was a picture; for us they were unreachable. Once, I slipped and fell into the water – but thankfully, a local worker saw and pulled me out. We also used to visit the firemen, who held goats in their stables – apparently, fleas would stay away because of their smell. Horses felt comfortable in their company, and we loved coming around and playing with the goats - but you always had to be cautious, otherwise they would knock you to the ground. Firemen loved their horses, and took great care of their armour such as copper helmets. They would ride troika every time, whether it was a fire or a drill, and they would carry huge barrels of water with them. Passer-by's would always say, 'well, goats are in a rush somewhere again' - calling the firemen 'goats' due to their unusual pets.

We later moved to Tatarstan to 'Blue Zaton' - Volga's branch. The area is very hilly, and you can see the river Sinyaa from anywhere. Its shores are very steep, 40 degrees or so. There, I went to a school nearby, 2 storeys high. Other boys and I would spend most of the time outside, playing the robbers and catapulting at different aims, sometimes even windows. Once I started shooting into the school's windows, I was discovered, and the principal told my father. I remember I hid my sling behind a water barrel that night, but my dad knew what I did and punished me.

I loved ice skating in autumn, when the Zaton River froze. Often the wind was very strong; it pushed me ahead and I felt as if I was flying. No one was around, only me in the night.

After moving to Ural, we bought a house outside the town. My father worked in a factory and often brought metal toys and interesting shapes made by turners. I remember he had a workshop where he was sharpening saws, fixing locks and making keys. I loved being around, listening to the sound of the saws. We had a neigh-

bour Ivan Ivanovich, a guard. He was lonely, and in the evenings would always sit outside and cook a soup called 'tulka'. His diet consisted of that soup, water, bread, salt and spring onions. Once he bought 50 grams of butter and left it outside on a plate; a dog was passing by and licked it off the plate. Ivan Ivanovich then took a gun and shot it dead. The owners came around and were shouting, 'we would have paid you for it, what have you done!' They picked the dead dog up and carried it home. What should have been a great dinner turned into a tragedy.

I attended a school and was drawing at home. Not much was happening.

We later moved again, to a village called Drajniy. We bought a house near the lake, and spent the whole summer there, swimming and sunbathing. I would often spend the whole day there, skipping lunch and going back only for dinner. I had a great dog called Jack. I had a dog before, called Drajniy; I stole him when he was yet a puppy and brought him up. He was white, with brown patches on the head. I taught him a trick – I would give him something to smell, and hide it afterwards. He would find it every time! Later I also taught him to pull my sledge across the snow. Jack became my good friend too, and would often accompany me to school. I skipped classes regularly, instead playing football nearby with other guys – and Jack would be there with us, too. However, he had a bad habit: sometimes, he would start running after goats, which made our neighbours really angry. Finally, my father decided to get rid of him. I came home from school and realised he wasn't there. My mother would evade my questions, simply saying Jack was just running around somewhere. After a couple of days, she couldn't stand seeing how upset I was anymore, and told me that father killed Jack in a forest. When I found out, I ran away from home. I slept in haylofts and ate whatever I could find. In couple of days, I was found and taken back home. I ran away several times after that, but was caught every time, on a road or train station. I stopped attending school altogether. I didn't ever do my homework, would just throw my backpack in the corner after coming home from school, and did not listen to teachers.

I didn't really draw at that time either.

In the evening, my friends and I would sit on the street with our legs straight, so that everyone would have to step over them. We watched the people - especially girls. The adults didn't like us much as we were breaking their windows with slingshots and spread dung on their houses. Our leader was a guy called Filka. He was a bit older, and a truly wise guy. He lived with his mother and did all the housework.

Once, my mother's brother visited us. He was 25 years old and lived in a different town. He found a job, and I remember that his uniform was too big for his slim figure. I would always pull at his long sleeves and jacket's hem, and he would always complain to my mother, 'Lena, what is he doing?' – and I would run away. After some time, my family decided to marry him. That was a funny enterprise. They bought a lot of food, laid a huge table and made a lot of moonshine and wash. My friends and I decided to take part – and started stealing the wash. It turned out to be very nice, and I spent the whole evening pouring it in a teapot and carrying it to Filka's, our leader's, house from our kitchen. My mother was very surprised that it finished so quickly!

Back to childhood. When I was 5, I would always fight with other kids – and as soon as they would go to their brothers or parents for protection, I would run to my parents, take their hands and pretend to be a nice boy. I was very active, even in the first grade. I was the first one to leave the classroom after a lesson. I remember there was a boy in our class who was just as restless; he would mess around, stain others with ink and tease the girls. So I decided to teach him a lesson. I got into a fight with him, and, protecting himself, he cut my face and hands with a razor.

My mother's sister worked in town council; her husband was an attorney. When he was young, he worked in Irbit and had to take the family of Pavel Morozov to execution by shooting. The First wagon carried Pavel's

grandfather and father, and the second one was for the guards and a doctor, strong working people. The grandfather had a huge beard, and the father was around 30 years old. It was autumn, the sky was blue, full of white light clouds. It was a warm autumn morning, and a breezy wind shook the leaves on the trees. Pavel's father was very thoughtful and his grandfather was looking at the sky. Trees were listening the leaves' whisper. The grandfather said, 'Nature is so beautiful! I want to live'. They were grain-growers; they kept some seeds to plant in the spring so that they had bread to feed the family. But Pavel, being a Young Pioneer, gave them away. So the officials came and took away all the stock, condemning the family to starvation; it was a tragedy for the family. But Pavel Morozov was proclaimed a national hero, and his grandfather and father - sentenced to death as public enemies.

Coming back to the later period, when we lived in Drainiy. I didn't want to study, and was sick of the university. Sometimes guys from a trade school visited the village. Their bright uniform attracted everyone's attention, and they could pick any specialisation they wanted. So I went to Novaya Lyalya where my grandmother lived, and went to a trade school: at first – as a joiner, then transferring to bricklaying. I felt it wasn't my thing either, and transferred once again, decided to be a locksmith; it was much easier, as I was familiar with the job, having watched my father when I was a kid.

Food was bad in halls, so I often visited my grandmother. She lived in a little house with her daughter. She was a staunch communist, and a very resolute woman. She worked in the police. There was one room and a kitchen in the house. When I visited, she would feed me with potato peelings, saying she didn't have anything else - while her daughter was lying there in the arms of an officer. If it was late to go to the halls, she threw some clothes on the floor and I slept there. But I could tell from her face that she didn't want me there.

There were many people from other towns in my college, especially – from Orel town. In the evenings, there always were big fights between the 'locals' and 'Orel people'. I was on the locals' side, but steered away from fights. I had two friends there: Boris Zaytsev and Ura, I don't remember his surname. Once we were walking along the street, me talking to another guy, and Ura with Boris behind us. Suddenly we heard noise and screaming, turned around to see what happened, and saw couple of people running away. Boris and Ura then told us that they got into a fight with the 'Orel people' and had thrust a knife into one of them. In the morning, my friends were found and arrested; I was, too, as an accomplice. I was only jailed for one year, but the guys – for two and three years. I didn't follow their lives, still have no idea what happened to them since then.

At first we were held in a lock-up ward, but soon taken to a train station and put into prison wagons. It was a long journey, and the heat was unbearable. We could hear the sound of locks and doors squeaking and cracking as we moved. Prisoners were begging for water, forgetting about food. We could also hear the guards, shouting and swearing. After 24 hours, we were given a herring each, with no bread or water. I was the youngest and the smartest of them all, so I climbed the plank bed and lay there. All those arguments and petitions for water were none of my business. Some of the prisoners even threatened to kill the guards.

Finally, we were ordered to come outside, and were pushed out of the wagons one by one. It was snowing, and very cold. We were surrounded by guards with their police dogs, straining at the leads and baring their teeth. When we were exiting the wagons, guards would scream 'to your knees!' from time to time; those who remained standing was hit by a rifle. Then we were counted and started walking in the unknown direction, through the forest. We reached some barracks and were accommodated there. We later found out it was a lumber factory in Nizhniy Tagil Gulag. We constantly heard axes ringing and saws squealing. Some of us had to guard a fire, some - feel trees and saw timber. No-one had any skill of course, we constantly heard screaming- 'Careful!' It was 1943, so I was 16 years old. I was very skinny and pessimistic. I was responsible for the fire and also had to carry thins from place to place. All in freezing weather, -25-30 degrees. Soon I was given a uniform which thankfully included mittens, a fur hat, warm vest and old boots. The barrack was divided

into sections with the plank-beds four stories high and an iron oven in the middle. Lucky ones got beds near the oven, so they could dry their socks and boots over the night; others spread their socks on the bed and dried them with their bodies. It smelled of dirty socks and damp boots. I would always climb to the top bed, as the youngest one there. I would find some hook or a sticking out nail and hang my socks to dry. The boots were my pillow, the vest my duvet. Mornings started at 4am; in the evening we were given some skilly and a piece of bread. I felt that other prisoners treated me with some leniency; they didn't swear at me, never took away my food and kept saying, 'Don't work too hard, boy'. Yet still, I couldn't relax: the guards were constantly on the look-out, and in any case sitting down could lead to frost-bitten hands and feet. After 2-3 weeks, I was moved to another barrack where I met my father, who had to serve there for three years. Our beds were standing in one corner of the room, and beds of all the rogue thieves in another. We didn't exist for them, their life was wine, strippers and jargon. After a couple of days, my father was taken to a battalion, straight to the battle-front. It was hell: the guns were firing, and the shell explosions were killing people, scattering their intestines around the nearby trees. The Germans threw away their guns and fled, and only Russians could be heard, shouting and swearing.

Whenever the prisoners were sent to the battlefield, victory was guaranteed, as they had nothing to lose. They were used to take an important landmark, to win back a settlement or simply for destroying the enemy. The wounded ones were taken to a hospital - only to be returned to a battle-front after recovery.

I was appointed to a factory manufacturing mine parts - at first as a tourneur apprentice, then - as a saddler. I worked 12-14 hours a day, non-stop. It was a very cold winter, and the building had broken windows. Some people would faint right at the workplace, but we kept up with our work; it was war.

Soon, I was promoted: I became a chief of the night shift. By the mornings, I was dead on my feet after running around the whole night, fixing the machines. In the morning, a factory manager would come in and shout: 'Where is the chief?' Upon that phrase I would always jump out of the window and run away. Thus I spent the whole year - after which, I came back home. My father was demobilised after the 20th wounding. I was conscripted. I was appointed to a tank college in the Kurgan mountains, due to my experience of a technician. We were given red American boots with foot wrap rags and taken to a military camp, already filled with the older officers. On our first day, we woke up at 6am and realised all the boots were gone! We ran to the morning call-over bare foot, where got a greeting from the first sergeant: 'Went to bed with boots, woke up without, ha?'

So the military service started. Once I remember that a friend and I were on a duty which started at 4am. So my friend invited me to go and visit his girlfriend, to have some tea and come back by 6am; of course, I agreed. We started walking. It was freezing cold, -40 degrees. When we finally arrived, we started knocking on a huge wooden gates.

-Open!

-Who is there?

-It is me, Vasiliy. Is Masha at home?

Pause... After a moment:

-Masha is sleeping with a lieutenant.

-Well, at least let us in to warm up a little.

We were let inside, climbed the furnace to get warm - and fell asleep until 8am! We got really worried, we must have been searched for! We started running back, and immediately bumped into some guys from the college. 'There they are, our runaways!' We talked to them briefly and they promised not to mention the encounter. Still, I got 5 days in a punishment cell, and Vasiliy - 15, for evading duty.

This was followed by intense studying, and we had no time for entertainment. I learned how to drive and manage tanks of different types; I was a mechanic, responsible for maintaining the equipment. At the exam, I had to drive the tank between the obstacles, with all the crew on board. Obstacles included tank ditches, timber, wood... At one of such, I didn't manage the tank and it turned over and fell into a pit. The crew got injured; I kept pulling various levers, and the members of the crew all were swearing: 'What the hell do we need this mechanic for, we won't get into a tank with him ever again!' A tractor pulled us out, and a captain said to me: 'Everything can happen at the war, well done for attempting to fix the situation'. So I became a first sergeant's mechanic. We were sent to Nizjiniy Tagil, where we had to assemble tanks for ourselves. This only took 2 weeks, as the whole process was mechanised. The war was about to end; we were sent to Kurlyandia, where significant German forces still held the territory. We unloaded in Latvia and went to Mitava, only moving at night. There were couple of minor fights and bombings on the way.

After the war's end, I was demobilised and came home to Novaya Lyalya. I started drawing again, despite my father's lack of support. There was no opportunity to study art or at least work in anything related. But once, our relative visited us, from Irbit. He looked through my drawings and said: 'If you come with me, I can help you to become a student in an art studio'. I happily agreed. It was there that I discovered oil-paint; I also remember being struck by the paintings I saw there. In the close proximity I could see all the brush strokes, but move away a little - and all the images appear in clarity. Every Sunday I went to the art gallery. They had a great collection of Russian and Western art. Soon enough, however, I returned home and our family moved to Kazakstan. It was in spring. Narrow streets, camels, colourful and vibrant colours around, noisy markets with plenty of bric-a-brac on sale. I was enchanted by this world, and spent all the time at the market, drawing everything I saw around - despite the obvious public disapproval. Once, I went to the market and started drawing in a quiet corner. Suddenly a stranger approached me and said: 'I often see you here drawing; you know, an artist from Moscow is visiting the town at the moment. You can go and show him your work, who knows, maybe he will take you as a student! He works in the Kirov's club'. I rushed there as soon as I could. It was a huge hall with lots of people and many young boys with their paintings and drawings. In the middle was an elderly man, looking through the works and talking quietly. I felt really intimidated by all of this; what was I thinking? So I just stood quietly in the corner, watching the other boys and hiding my 'masterpieces' behind my back. The crowd started dispersing, and suddenly the man approached me: 'What do you have there, young man?' I gave him my album. 'Where did you study?' - 'Nowhere'. And then he said: 'You can't draw, but you can feel the inner state of people. I will take you as my student'. It was Vladimir Eyfert from Tretyakov Gallery, friend of Grabar and Paris Art School graduate. So I became his student, together with another boy - Nikolay Zjirnov. Not only did Eyfert teach us to draw and paint, he also taught us art history. We learnt various techniques and glazing and looked at the works of other artists, some of which we tried to copy to understand their styles and techniques. We would work from 4am till 12pm, every day. Mostly, we would do still life and portraits; working independently, with a following assessment by the teacher.

In winter time, the blizzards were so bad we couldn't see more than a couple of meters ahead; it was hard to find the studio in such weather. Yet the bigger challenge was to work in -40 temperatures. Paint was constantly freezing, and I had to dilute it with kerosene. That was, however, only possible if you climbed onto a roof. Luckily, most of these were flat. After three years of training, Vladimir Aleksandrovich told us: 'You are real artists now guys, but you still need an official diploma'.

I had just turned 21; I went to St Petersburg and got into the Roerich Fine Arts School. I wanted a job, too, as I had no connections which would help me in my career. So I took couple of my works and went around studios, hoping to become someone's apprentice. Everyone rejected me. Once I was told: 'Go away boy, you obviously stole these works'. So I got a job as a loader, as I needed money to stay in the city. I was working in a cafe, delivering food for them from a warehouse. When autumn came, I got really sick - having only a thin coat and old boots, I was not prepared for early winter. I had a fever-temperature of 41 - and was taken to a

hospital. For ages, no one could tell me what was wrong. Finally, professor Ragoza diagnosed me with brucellosis. I started taking some American pills, but they didn't help much. They put me into a separate room; every day a whole crowd of students and doctors came to see me. My feet were wrapped with cotton; I couldn't stand the smell of food, and weighed around 40kg.

This illness left its trace on my psyche in the form of distrust of the world and a need to search for alternatives. However it hardly influenced my creativity. When I start working on a new project, I never think of work I had done before; I forget all the uncertainties, insecurities or inner torments. If I had a difficulty starting new works, say, 2-3 days, I would walk around my studio and look at my previous works as if for the first time, they are all forgotten to me. At exhibitions, many tell me that my works don't have an identity, because they do not belong to any school, and all art should belong to a particular one. I don't agree with this. To me, following someone's teaching is like feeling trees or making shoes, boring. Art should be an experiment, without any set rules. No limits, no horizon; not many understand this.

I dived into a fantasy world, which had no connection with reality. I kept making quick sketches all the time so that I could use them for my paintings later; some of them I used after as many as 30 or more years. Sometimes, diving into the colours of surroundings, I ignored the finer details; I realised this was an issue when looking through my old works. It doesn't matter how long you have been an artist, but if you are not in harmony with your work it will die before the artist himself.

...And at that point, it seemed like that moment wasn't far away. Every morning my nose was bleeding excessively; to keep me alive, I was given blood transfusions every day, 150-200 units. This lasted for 2-5 years, and no one could heal me. In the end, I was sent home where I was born: Ural. My parents bought a house outside the town, and I stayed there, visited by a doctor every single day. We had a horse doctor living nearby, who took care of local cattle. My father called him up once and said: 'My son has brucellosis, can you cure him?' And he said he could. He made a tincture from various herbs including arsenic and sublimate, poured a litre of vodka in and told me to drink a glass of it every day – and forget about any branded medicine. By autumn, I was well enough to become a student of V.F. Shmelev in his studio, a famous protégé of Mashkov. At the same time, I worked in a school as an art and technical drawing teacher. In a year, I got into Sverdlovsk Art College; after graduating went to Art College in Tashkent. From there we got sent to Leningrad, to the Repin Institute – but I wasn't accepted. I tried the State Art and Industry Academy, but got rejected there too. However, after I showed my works to the commission, a man approached me and said, 'Boris, I would like you to study in Moscow. I am Voloshin, head of Admissions.' I passed the exams and got into the textiles course at the Stroganov Moscow State University of Arts and Industry, transferring to ceramics and glass two years later. I loved studying there. Extra-curriculum painting classes, the great library, the en suite museum. The famous artist Vasiliev was head of department and the artist Vitachin taught Sculpture. Returning from home, where I went for two months during the summer holidays, I brought more than 300 drawings back to Moscow. Vasiliev organised an exhibition, muttering that my drawings were better than his. I went to Dzintari in Latvia a couple of times, for rest and work. It was the place where I felt completely free and independent. I would organise exhibitions, talks and discussions about art; engaging academics and the general public.

In the end of the 5th year, my painting professor approached me with congratulations; in his opinion, he said, I was exceptionally gifted. I got 5 (A) in all the subjects except Ideology and Political Economy, in which I scored 3 (C). Everything seemed to be going well.

However, trouble came from where I didn't expect it. The Head of department, Vasiliev, died, and was replaced by a zealous communist Seleznev. However, a couple of times after Seleznev's appointment I noticed a girl, also a student, who was standing behind a column and scribbling something in her notepad while I was dis-

cussing art and, in unflattering terms, social realism. It turned out that I was a black sheep among the communists, most of whom were Young Communist Leaguers in school. On one occasion, I was discussing exhibitions of Soviet and Western art with Seleznev; a seemingly innocent conversation. He suddenly started talking of my works (at that point, we all had submitted them for a final diploma) and giving me recommendations - how I should change them. Later it turned out, they were not suitable due to ideological reasons. Two weeks later, the head of the institute told me that the department insisted that I was expelled; so he helped me to transfer to the State Art and Industry Academy in Leningrad.

Leningrad met me with hostility. At the autumn exhibition, my works were painted over; my paintings and drawings were marked with a mere 3 (C). However, I was allowed to uphold my diploma, even though my fellow communist students were clearly not happy about it.

My diploma was a child's service; everything was made by myself, including glazing and painting which I undertook at the Leningrad porcelain factory. This work also got a 3 (C) – with a note: 'he is not an artist, but a good craftsman'.

After graduation, I was allocated to art school No. 90. I didn't fit in there either. The Principal was a retired colonel, and didn't like my independent character; at the teachers' meeting, my presence in school was on the agenda. However I saved him the trouble and left the school to work at the glass factory. I loved it there! The place was very lively, with everything shining and glittering, glass ringing and people running around. Living conditions however were appalling. I was renting a tiny room, more like a closet. At nights, I was attacked by a whole army of bed-bugs, so I couldn't bear staying there and moved out. I stole a mattress, duvet and a sheet from the factory warehouse and made a bed on a working table in the factory laboratory. My workplace, as if in compensation, was great: it consisted of two rooms, and I shared it with two other female artists. They told me that, apparently, artists had no say at the factory. They were coming up with new designs - but introducing a new design to a production line, one would need to make wooden casts and shapes. No one was interested in spending time and effort on that; the factory had a set plan of how many objects it needed to produce, and the artists' ideas were not a priority. If they wanted to see their design implemented, they would have to make casts themselves - but they lacked the necessary skills. So once, I invited craft workers to our laboratory. I showed them the sketches, and discussed the ways we could implement the designs. I was told that to create a product with a new design, they needed ready birchen forms; just as we expected, they refused to make them themselves. So, I took a saw, axe and a crow-bar and went to the warehouse. I knew how to work with these due to my father; we had always been responsible for chopping and storing up firewood before winter. We prepared bricks of wood and brought them to a turnery. After a long discussion with the head and workers, we decided we would make the casts and get them straight to a joiner's department. There were other difficulties along the way; we constantly felt unwelcome. Finally, the compromise was reached: the casts were to be produced.

There was a little museum at the factory premises; I gathered goods made at the factory and organised a great exhibition of contemporary and pre-revolutionary glass, pleasing workers and management. Guided tours for public took place a couple of times. I was getting increasingly excited about new projects, as I realised that despite there being many malevolent people, you could always find open-minded people with progressive views too. I started organising tours to the Hermitage and Russian Museum for our workers, trying to uphold their cultural knowledge. I am convinced these tours were at least partly responsible for the increasing quality of glass produced at our factory. Soon our works, mostly of my design, were taken abroad to take part in exhibitions in abroad including America and France.

In 1974-75 I was invited to the International exhibition in Japan, where my works were exhibited in a separate pavilion. Our filmmakers even made a documentary about my participation, and screened it in the Artists'

Union headquarters in Moscow. During that time I was working on a new collection of glass: 5 cups in Russian baroque style, wine glasses 'Caballero' and a large service called 'Age of Reptiles'. My glass works were a success, and I was often taking part in official exhibitions. I also kept drawing and painting, despite understanding that in the Soviet Union, I had no chance of becoming an artist. Innovations were not to be tolerated - even though unofficially, many were longing for new, fresh ideas in art.

The factory gave me an opportunity to go anywhere within the Soviet Union once a year. I went to Georgia and Armenia. At the same time Ervan Kochar, a famous artist, was visiting from France. I got in touch with him and we decided to meet up. At first I showed him my glass works, and he kept saying 'yes, it is good, yes'. But as soon as I took out my drawings, he became very alert: he stood up, started looking through them with enthusiasm, exclaiming: 'Who are you? A Jew, a Pole, an Austrian?? - and I answered, 'I am Russian!' - 'Liar! Russians don't produce such artists!' He brought in his art catalogues, and I ended up staying at his place past midnight, discussing art, browsing his studio and enjoying succulent dishes prepared by his wife. Encouraged by his comments, I contacted another artist, Saryan - but he was not as enthusiastic, and our conversation didn't go further than small talk.

I had to go back to the factory. Working with glass is enchanting, it carries you away, liberates your fantasy; the artist becomes a magician when he creates an object from a shapeless hot paste. But everything changes. The Factory's management changed, the majority of artists went abroad to be replaced by new blood. I realised it was time to move on. To mark the end of my longstanding career, I prepared a small exhibition and got ready to leave the factory.

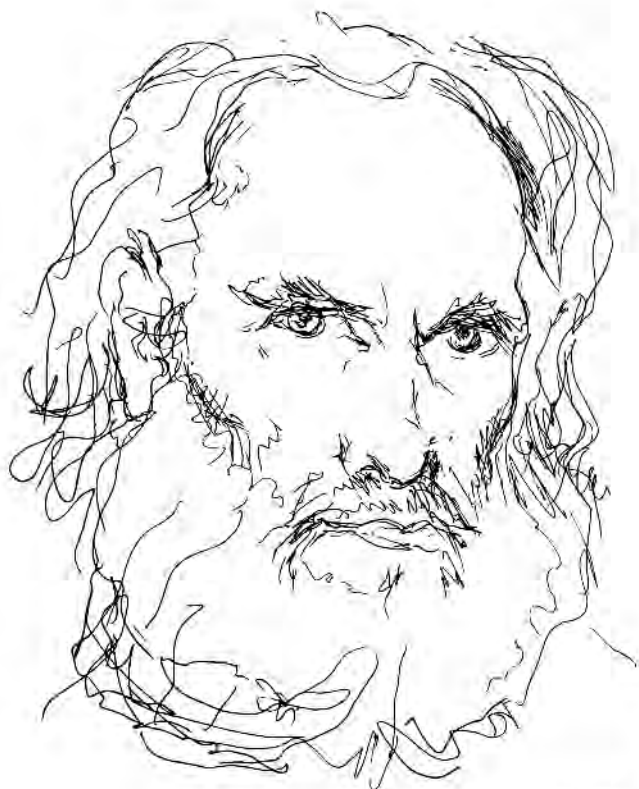
Glass gave fire to my soul, and it left a deep burn in it. Leaving it behind was like leaving my dearest creation. I was parting with my colleagues, my like-minded fellow artists for so many years who became my great friends. Experience I gained at the factory proved to be invaluable in the stained-glass window production, especially knowledge of technical processes such as contrasts application and usage of opal glass. My new colleagues saw my non-traditional work and called me an 'adventurer' - but gradually, other workers adopted my techniques themselves. Stained glass allowed much less room for experimentation compared to traditional glass work. Work didn't take much of my time, so I kept myself busy by drawing and painting. I spent all my time in the Hermitage library, studying other artists' techniques and styles and reading philosophy and science manuscripts. I was especially intrigued by chromatics, and read everything I could find on the subject.

I soon had the first solo exhibition displaying my drawings and paintings alongside the glass work in the Summer Garden in St. Petersburg. It was covered by national news, and a short documentary was made, which was shown in cinemas before films. More solo exhibitions followed including ones at the Culture House 'Five Corners' in 1974 and in the Hermitage and Vladimir Palace in 1981. My paintings were still unpopular among the exhibition curators, but my glass works granted me an access to exhibiting halls. I regularly took part in exhibitions abroad - namely in Germany, Austria, France and USA. In 1994, I was invited to take part in the International exhibition in Venice, Italy, on the recommendation of my good friend Ernst Fuchs. I was representing the Hermitage, and was the only Russian artist at the exhibition.

At the moment, my works are exhibited in Moscow, Sergiev Posad, Krasnoyarsk and other Russian cities and towns. Many of them are now privately owned by collectors in Austria, Germany, Italy, USA, Japan, France etc. After the USSR collapsed, major glass and ceramics factories started shutting down, thus closing opportunities for artists to exchange their knowledge. Now everyone has to make their own way to success. I will stop here. Artists remain artists everywhere, even living in pitiful communal flats!

July 20, 2004

Translated by Varvara Bashkirova

28.09-
АВТОП.
РЕЛИНО

**СВОИМИ СЛОВАМИ.
АВТОБИОГРАФИЯ БОРИСА ЧЕТКОВА
2004**

Я, Четков Борис Александрович, родился 27 октября 1926 г. В Свердловской области, городе Новая-Ляля. Родители, отец родился в 1900г. в деревне Солтаново недалеко от города Новая-Ляля. Окончил ВТУЗ, работал начальником отдела кадров и позже директором Металлургического завода города Красноуральск. После 1937 года попал в опалу и был снят с работы, после исключён из партии. После чего мы всей семьёй стали жить в разных городах страны по 2-3 года. Мать, Елена Фёдоровна, 1905 г. После революции родители погибли. Брата и сестру отдали в дет. дом, а её взяли в дом работницей. Так же двоюродные братья, которые жили с её родителями, исчезли. Они были церковные иконописцы. При неизвестных мне обстоятельствах мать восемнадцатилетней девушки оказалась в деревне Солтаново, где жил мой отец Четков Александр Андреевич. Вся эта деревня была по фамилии Солтановы. А одна семья Четковы. А как это произошло. Как в сказке. Жила семья зажиточная, но у них не было детей и им, как велось ранее, посоветовали взять приёмного ребёнка. И вот однажды у них на завалинке свёрток, и там обнаружили ребёнка в стеганом шёлковом одеяльце, простынку с кружевами и очень хорошо одетого с метриками, с датой и именем Андрей Четков. Так во всей Солтановой появился Четков. Позже у этой семьи родилась девочка, красивая, статная, получившая образование. А Андрей ловко управлял хозяйством и преумножал их доходы. И имя ей было Аполинария Прокопьевна. Она как бы не замечала вездесущего Андрея. Но пришло время, и отец сказал вот твой жених и муж. Были слёзы и истерика. Но слово отца было закон. Обвенчались. И у них стали появляться дети один за другим. Анна, Александр, Володя, Таня и родители сами молодые, учились, но и беспрекословно выполняли хозяйские обязанности. Росло хозяйство. Приходила пора сенокоса или уборки. Дед говорил: "Ребята, меня не касается, вы спите или гуляете утром, в 4 часа лошади запряжены и едем на сенокос". Росло хозяйство, рабочие и выездные кони. Зимой местные крестьяне заваливались на печи. А дед брал пару лошадей и ехал в извоз, в город, и к весне возвращался с товаром: бархат, шелк и головы сахара. Бабка души в нём не чаяла. Какая семья- 6 человек работяги. Понемногу настегало тревожное время. Шли слухи о революции. Местные мужики приходили и говорили: "Андреич, тебя будем кулачить", хотя в трудное время он им помогал, а в праздники разносили пироги. А работников он не нанимал, всё делалось своей семьей. Но случилось непредвиденное. Все были в деревне, а дома оставалась девятилетняя бабушка и решила зажечь лампадку у иконы, но сорвалась с подставки и упала. Огонь стал распространяться, и вспыхнуло пламя, загорелась изба, и огонь распространился на усадьбу. Забили в набат, выскочили из церкви. Отец говорил: "Да это мы горим". Но самое трудное было выгонять скот из конюшни, а лошади вообще не выходили.

Собрав кое-какие пожитки, они всей семьей переехали в город "Новая-Ляля", но мои родители стали жить отдельно, и там появился я. Но как я помню, у деда был большой дом и крытый двор с большими воротами, как водилось на Урале. Были 2 коровы, овцы, индюки, куры и гуси, и лошадь "Гнетко" рыжей масти. По праздникам, особенно в октябрьскую ночь, собиралась родня. Богатое застолье и звон песен. Запевали женщины, а мужчины подхватывали. Веселье продолжалось несколько дней, а потом расходились или разъезжались на лошадях. В основном пели русские и украинские песни. Детей обычно не было, меня привозили заранее, и мной занимался дед.

В один из праздников собралось застолье, и пели песни, а меня одели по-зимнему, и я пошёл гулять во двор. Из избы слышались песни. Изредка кто-то выходил и смотрел, чем я занимаюсь. А я ходил и пел песню "И никто не узнает, где могила моя".

В это время из конюшни вышел мерин и взял меня за загривок. Благо на мне было пальто с поднятым воротником, и я был укутан толстым шарфом. Стал он меня поднимать вверх, вниз. В это время вышла во двор бабушка. Увидев, закричала: "Мужики, Борьку то Гнетко задушит". Выбежал дед и закричал. Тот бросил меня, взбрыкнул ногами и убежал в конюшню. Меня раздели, но повреждений никаких не было. И стали смеяться, ну вот и никто не узнает, а Гнетко узнал. А когда я подрос уже годам к 4, я самостоятельно стал ходить к деду. Городок небольшой и был разделен железной дорогой, где ходили поезд дальнего следования не большой вокзал. Но где был мост через железнодорожные пути, я не помню. И как-то я направлялся к бабушке и по насыпи поднимался, чтобы перейти линию.

В это время шёл поезд, очевидно маневровый. Завидев меня, машинист пустил сильный пар и я покатился по насыпи вниз. Я пришёл к бабушке и сказал: “Бабушка, бабушка меня сейчас железным дождем облило”. После чего меня уже одного не отпускали. Но всё равно я там бывал часто, меня привлекали разные события, двор был большой, и там то не было много разной живности. Расхаживали индюки, распуская крылья и хвосты, и мотая красными бородами. Среди кур ходил петух с длинным изумрудным хвостом, подняв горделиво по-хозяйски свою голову с красным гребнем, и громко кукарекал. Гусей выгоняли на лужайку, и они, чуть что, вытягивали свои шеи и нарывались вступить в бой. Однажды меня попросили уже вечером загнать гусей во двор. Я взял хворосту и побежал. Но когда я стал к ним приближаться, гусаки с шипением направились ко мне, и я дал дёру. Но они, раскрыв крылья, летели за мной. Но меня спасло то, что была открыта подворотня, и я быстро нырнул туда. По соседству жил мальчик Володя, и он тоже часто приходил ко мне. Мы с ним играли во дворе или катались за огородом в небольшой луже на плоту. Он был старше меня на 1,2 года и силы был необыкновенной. Всегда ходил раздетый. Тело у него было крепкое, как дерево. Если была холодная погода-сентябрь, октябрь - я ему говорил: ”Иди Володя оденься”. Тогда он надевал отцовские валенки и полушубок, ходил по пояс в воде и толкал плот. К побоям он был равнодушен, но не лишен наблюдательности. Говорил: “Бабушка, бабушка, а курица-то ногу лижет”. Бабушка тоже над ним подшучивала. “Володя, петух что-то раскричался. Наверно яичко снёс, поди, посмотри ”- “Да он больно дерётся”.

Мне было интересно бывать в избе. На стенах висели фотографии артистов из опер, и большая цветная репродукция, как я позже узнал, Рембрандт, и книги в кожаных переплетах с застёжками, особенно те, где были репродукции с породами лошадей, и книги с животным миром и сказками. А вечером, когда собиралось всё семейство, моим излюбленным местом были палажи, где я наблюдал за всеми действиями. В доме и во дворе не было уголка, где бы я не побывал. Но однажды я обнаружил в темном коридоре дверь, которая вела в чулан, а там, на стене дома были забиты скобы, которые вели вверх на чердак. Я незамедлительно поднялся туда и увидел светлое большое пространство. Там был совершенно иной мир. Там были предметы, которые уже много лет не пользовались спросом, но были в идеальном порядке. И каждый предмет имел своё место седла, хомуты, сбруй, дуги. Висели на крючьях, а так же рядом весели плетеные плетки и пастушьи хлысты. На скамейках покоились прогулочные коляски. Плетки, искусно сплетенные с уменьшением толщины и с бахромой, пастушьи хлысты на коротких ручках, плетенные так же с утоньшением длиной метра 2, как мне потом сказали - цыганские. Прялки были расписные даже с пряжей, и рядом лежало веретено. Санки выездные, праздничные расписные с застегнутыми полозьями. Сбруй был украшен маленькими колокольчиками разных размеров. Дуги широкие расписные и наверху колокольчик. И ещё разной величины, которой уже не пользовались – это напоминало музей народного прикладного искусства, что я позже видел в музеях, но не так тщательно подобрано. Видно люди, которые это собирали, не знали образа жизни россиян и их уклада. Меня это просто завораживало, и когда я приходил к деду, то забирался на чердак и часами рассматривал всю эту утварь. Но долгое время родные не догадывались, где я был, играл с ребятами на улице. Но однажды дед обнаружил меня. “Вот где ты пропадаешь! А мы и не догадывались!” И он мне долгое время пояснял, что к чему и в какое время это применялось. В зимнее или осеннее время, когда я был у дедушки, он по утрам запрягал своего Гнетка, а меня сажал верхом, и тот всё время норовил стащить меня, прижимая уши. Но дед окрикивал его. Когда мне исполнилось 4-5 лет, мама сшила мне большой альбом из оберточной бумаги. Оказывается, это был крафт, потому что у нас был целлюлозно-бумажный, и выпускалась эта бумага. И я рисовал акварелью всё, что мне читали и рассказывали. Особенно мне нравилось рисовать про сказки “Колобок”, “Серый волк” и “Змей Горыныч”.

Потом родители переехали на другую квартиру, и у деда я стал бывать реже. Летом и весной мы с ребятами пропадали на реке “Ляля”. Там мы купались и бегали по скользким бревнам. Когда был сплав леса, а его часто гнали в комбинаты, и по берегам были большие штабеля леса, этажей на 5-6, по ним часто ходили козы, и забирались на самый верх. Любопытно было смотреть, как козы стоят на самом верху, на фоне неба, точно как на картине. Для нас это было недостижимо, и мы бегали по

скользким бревнам, играя в пятнашки. Однажды, я поскользнулся, и упал в воду. Случайно сошлись бревна, но чудо меня увидел сплавщик, и за волосы вытащил назад. Они большими баграми цеплялись и толкали бревна по направлению. Ещё мы ходили к пожарникам. В конюшнях они держали козлов; они якобы своим запахом отгоняли мелкую живность. Козел изгибался и струю мочи направлял себе в рот, потом вытягивал шею, оттопыривал верхнюю губу и нюхал воздух. В этом обществе лошади себя чувствовали хорошо, и охотно ели сено, где лежали козлы. А мы приходили кататься и играть с козлами. Но чуть зазеваешься, козел сшибет тебя с ног. Пожарники холили лошадей, и чистили свою амуницию и начищали медные каски. Но пожар или учение, они выезжали на тройках. Возница еле сдерживал лошадей, а рядом сидел пожарник и названивал в колокол, висевший рядом. На дугах тоже были колокольчики, посреди телеги стояла бочка с водой, и по бокам сидели пожарные, сверкая своими начищенными медными касками. За ними еле успевали одноколки, нагруженные огромными бочками с водой. Зрелище картинное: прохожие останавливались и говорили: “Ну, куда-то опять козлы поехали”. Их так называли по той причине, что у них жили козлы, и их прозвали “Козлами”. А потом по вечерам шли вереницы повозок осанизаторов. На бочках сидели усаые мужики, с торчащими ковшами на длинных палках, по всем улицам запах был “очаровательный”.

После Ляли мы поехали в Татарстан под Казань в “Синий затон” - это рукав Волги. Местность гористая и со всех сторон была видна река Синяя. Берега крутые, градусов под 40%, и по канатам тянули в лес огромные битюги, тяжеловозы. Все они были одной масти с короткими хвостами, а по вечерам рабочие нас сажали на лошадей, и мы ехали в конюшни. Дело было, перед школой. Она находилась недалеко от нас. Была эта школа в 2 этажа. С дворовыми мальчиками мы играли в разбойники и увлекались работниками, стреляя по мишени, а иногда даже и по окнам. Но мне пришла мысль, как же в этой школе выбить окна. Перед школой располагаться было бессмысленно, и я устроился за рядом стоящим зданием. Когда я стал стрелять из рогатки по окнам, меня заметили и спугнули. Придя домой, я спрятал рогатку за бочку с водой, которая стояла в коридоре. Вечером отец пришел домой сердитый, так как директор школы рассказал о моих проделках. Он нашел эту рогатку, и мне попало.

Осенью, когда застывал “Затон”, я надевал коньки и шёл кататься. Там часто дули сильные ветра, и я по зыбкому льду, раскрыв пальто, летел, а за мной вспучивался волнами лёд. Я был один в ступающих сумерках, а кругом ни души.

После переезда на Урал, мы купили дом недалеко от города. Отец работал на заводе и часто приносил мне игрушки из металла, молоточки, шарики и разные балясины, выточенные токарями. И я как помню, у отца всегда была мастерская, где он точил пилы, исправлял замки и подбирал ключи. Я крутился там и часто слушал звон двуручных пил. Рядом жил сосед Иван Иванович, он работал сторожем. Он был одинок и по вечерам на костре возле дома варил суп, который назывался тюлька. Рацион: вода, хлеб, лучок и соль. Отец ему говорил: “Да вот, хлебнешь хоть горяченького”. Как-то раз он купил грамм 50 сливочного масла, оставил тарелочку на улице, а сам пошёл за солью. В это время пробежала соседская овчарка (тогда эта была редкость), и она слизнула это масло. Иван Иванович схватил ружье и пристрелил её. Прибежали соседи, скандал: “Да мы бы вам заплатили любые деньги. Что вы наделали!”. Хозяева взяли её на руки и уехали домой. Так окончился этот роскошный ужин трагедией.

Я учился в школе, дома рисовал. Значительных событий не происходило. Мы переехали в другой дом. Была очень плохая погода, и наступали холода. По соседству жила семья. У них были дети 5-6 лет, и они прибежали играть с моими сестрами в любой мороз раздетые, а обуви у них не было. Они всегда были с покрасневшими голыми ногами, в рубашках и без головных уборов. Но не было случая, чтобы они заболели.

После Кушайки, мы переехали под Красноуральск в поселок Дrajный. Мы купили дом недалеко от озера. Всё лето мы проводили на озере. Часто мама приходила на берег и звала меня обедать, но я настолько был увлечен купаньем и катанием на лодке, что приходил домой только вечером. Там с нами были наши друзья- собаки. У меня был породистый пес, беговой породы, Джек. Когда мы жили ещё в поселке “Кушайка”, я дружил с одним парнем. Его отец был директором конезавода, и мой отец работал там. Мы часто проводили время на конюшнях, в основном на сеновалах, и катались на лошадях. Склад же охраняли две грязные собаки. Когда одна из них ощенилась, мы подкармливали самку, но щенков уже всех распределили, и нам наказали строго, настрого к ним не подходить. Но мы за ними наблюдали. Когда они подросли и стали есть самостоятельно, мы стащили одного. Это был белый пес с коричневыми пятнами на ушах и холках. Я его назвал Грозный. Это был удивительный пес. Он был наш неразлучный друг. Мы давали ему что-нибудь понюхать, а потом где-то закапывали и заставляли его искать этот предмет, и он искал. А когда он подрос, то катал нас на санках, а потом я его приучил возить меня на лыжах и на коньках. Когда мы переехали в поселок Дrajный, ему было уже года 3. Он всегда был там, где мы: на озере, в лесу. Школа была километров в двух через поляну, а потом шёл чистый березовый лес. Мы часто прогуливали занятия и на полянке гоняли мяч. Особенно это было перед экзаменами. Нас вылавливали и вели в школу. Это было в классе пятом или шестом. И как-то раз меня решил проводить в школу отец. Как всегда, с нами был Джек. Ну и он как всегда погонял коз. Этим очень были недовольны хозяйки, а он вреда им никакого не причинял. Но когда отец пошёл обратно домой, то он решил избавиться от собаки. Придя домой, я сразу почувствовал что-то неладное. Я спросил, где Джек, но мать уходила от ответа и говорила, что где-то бегают. Я пошёл его искать, но не нашел. Я искал его и на второй день, даже бросил школу. Но потом, видя мои мучения, мать сказала, что в лесу на проволоке задавил его. И тут я в первый раз убежал из дома. Ел, где придется, а ночевал на сеновале и в сенах. Через несколько дней, меня обнаружили и привели домой. Потом я убежал ещё несколько раз, но меня ловили на дороге или на вокзале. Учиться я совсем перестал. Часто у меня отбирали портфель, и мы сидели возле учительской и ловили момент, как стащить свою сумку, и удавалось! После школы я приходил домой и с порога швырял свой портфель в комнату. За уроки я не садился, благо у меня память была хорошая, хотя на уроках я не отличался усердием, но на вопросы учителя я отвечал, и даже меня упрекали в этом. Рисовал я мало. В зимнее время вечера мы проводили в коридоре барака. Рассядемся друг против друга, вытянув ноги и рассматривая прохожих. Они перешагивали через нас молча, вернее наши ноги. Рассказывали друг другу разные истории и тем временем наблюдали, кто к кому идет. Особенно нас интересовали девицы. К ним часто приходили новые посетители, но по разговору взрослых, мы слышали не местные отзывы. Мы у них из рогаток выбивали окна, или мазали навозом. У нас был предводитель Филька. Он был старше нас и больше умудрен. Он жил с матерью и ему надо было выполнять все работу по хозяйству. Как-то раз к нам из дет. дома приехал брат моей мамы. До этого он жил в другом городе и ему было уже лет 25. Он устроился на работу и ему выдали спец одежду: телогрейку и ватные огромные брюки, и как бы он их не натягивал ни свою тонкую талию, сзади у него образовывался большой клин. Я его постоянно дергал за пояс, и он плаксиво жаловался: “Лена, ну что он делает?!”. А я быстро ретировался. Ну и через некоторое время этого дядю решили женить. Было грандиозное приготовление. Накупили всякой всячины и наварили браги. И мы тоже решили принять в этом участие. Мы начали бражничать. Но бражка оказалась настолько вкусной, что я начал курсировать с кофейником между Филькиным домом и моим. А бражка была в бачке с краном и стояла на кухне. И мы так разбражничались, что когда мама подошла к бачку, то вскрикнула: “Ой, батюшки, как всё быстро кончилось!”. А по вечерам опять мы сидели в бараке, вытянув ноги друг против друга и рассказывая друг другу небылицы.

Вернемся к детству. Когда мен было 5 лет мои родители часто по выходным ходили в гости. Я не отличался усидчивостью и бежал знакомиться со сверстниками. Но всегда кончалось тем, что я с ними расправлялся, и они бежали за старшими братьями, а я к родителям. Когда мы выходили, я послушно брал за руку отца и его брата Володю. Я всегда был непоседой, помню себя с первого класса. Я выходил из кабинета самым первым и бежал по коридорам. Но в третьем классе у нас был мальчик-задира. Он обливал кого-нибудь чернилами или обижал девочек. Видя такое дело, я решил его усмирить и

напопдавал ему. Он в ярости схватил бритву и резанул по моим глазам и лицу. Благо глаза были не повреждены, а веки и под правым глазом был глубокий шрам. Ия сидел на печке дома с завязанными глазами.

Сестра моей мамы работала в прокуратуре города, а её муж был прокурор. И когда они узнали, что её муж, Афанасий Сергеевич, решил принять такие меры, как выселить из города всю семью. Ещё он рассказывал интересный исторический факт. Будучи молодым, он работал в городе Ирбите в прокуратуре, и ему было поручено везти на расстрел семью Павлика Морозова. На первой телеге ехали дед и отец Павлика, а на второй телеге ехали врач и охранники. Это были сильные работающие люди. Дед был с чёрной окладистой бородой, а сын лет около 30. Была осень, небо было синее и по нему плыли белые облака. Было теплое осеннее утро, а легкий ветерок шевелил листья белых берез. Сын был задумчив, а дед смотрел на небо. Березы прислушивались к шелесту листьев. Дед говорил: “Как прекрасна природа и хочется жить!”. И он рассказывал, как это было. Они были хлебобобы, и у них был заготовлен хлеб на весну, чтобы не умереть с голоду и посеять. Но юный пионер поддался агитации, что дед якобы запрятал хлеб. И как водилось в те времена, пришли и выгребли всё. И их ожидала голодная зима, не говоря уже о весне. И дед с горяча, схватил юного пионера за шею, а ручки были огромные, и позвонки хрустнули, как у цыпленка. Это был горе для семьи. Но из Павлика сделали национального героя, а отец и дед приговорены к смерти, как враги народа. Но молва не умирает, и я был на творческой даче, где был когда-то пионерлагерь. Там стояло несколько памятников Павлику.

Вернусь к тому периоду, когда мы жили под Красноуральском, в поселке “Дражный”. Учиться не хотелось, а барачный университет надоел, и там стали появляться ребята, поступившие в ремесленное училище в ПТУ. Красивая черная форма привлекала всеобщее внимание и плюс, приобретенные специальности, какую ты выберешь. Шла война, отец пока был на брони. И я поехал в Новую-Лялю, где жила бабушка и поступил в ремесленное училище, по началу на столяра краснодеревщика, потом перевелся на каменщика. И всё это меня не устраивало, и я перевелся на слесаря. Тем более, я с детства был с этой профессией, так как отец, приходя после работы домой, шёл в сарай, где у него была оборудована мастерская. Там он точил пилы, ремонтировал замки, ключи. Я там всё время крутился и пытался что-то сделать. Живя в общежитии, кормежка была плохая, и я иногда приходил к бабушке. Она жила в мастерском домике со своей дочерью. Будучи властной и большой приверженкой коммунизма, она была свободной женщиной. Была в доме одна комната и кухня с русской печью. Она работала в милиции. Когда я приходил, бабушка меня угощала очистками от картошки, якобы больше ничего нет, а в комнате возлежала дочь с новым командировочным офицером. Если я засиживался, она бросала одежду в проходе комнаты, я ночевал. Я замечал по выражению её лица, что она опять получила нагоняй и моё присутствие нежелательно. Там, где я учился, в ремесленном, было много людей из других городов. Большая часть была из города Орёл. По вечерам были сборища, как теперь называют разборки между местными и орловскими. Я в этом не участвовал, а дружил с местными ребятами. Нас было трое: Борис Зайцев, Юрка ..., фамилии, к сожалению, не помню, ну и я. По вечерам, молодежь и взрослые гуляли по тротуарам, ведущим к железнодорожному вокзалу и обратно. Как-то мы шли, разговаривая с одним из наших знакомых, а Борис и Юра шли сзади, метров так 100-200. Слышим, шум и крики. Мы оглянулись. В нашу сторону побежали несколько человек. Когда они пробежали мимо нас, я крикнул: “Держи их!”. На этом всё и кончилось. Но когда мы встретились с ребятами, то они нам всё рассказали. У них с орловскими завязалась потасовка, и кто-то из наших пырнул одно из них крошечным ножичком. Дело дошло до милиции. Но мы продолжали гулять все вместе. Утром ребят нашли и посадили в КПЗ, а потом вызвали меня и тоже посадили, как соучастника. Естественно по настоянию тетки осудили и посадили на 1 год, а ребятам - кому 2, кому 3 года. После этого об их судьбе я ничего не знаю. Из КПЗ нас через некоторое время повезли в черных воронках на вокзал и посадили в тюремные вагоны. Ехали мы долго, а в вагонах была жара и духота. Вокруг были нары и решетки. Было слышно скрип железных дверей и лязганье замков. Заключенные просили воды, не говоря о еде. Но слышен был мат и ругань охранников. Через сутки нам выдали по селедке без хлеба и воды. Но я, как самый молодой и шустрый, забрался на самые

нары и лежал. Вся эта перебранка и требования воды меня не касались. Со мной вместе ехали матёрые урки и кричали: “Мы этих охранников пришьём”. Наконец-то мы услышали команду выходить и нас по очереди выталкивали из вагонов. Шёл снег, и было холодно. Нас окружала цепочка охранников со злобными овчарками, рвущихся с поводков и щелкая огромной пастью с белыми клыками. Мы выходили, и тут же была команда “На колени!”, и кто не подчинялся, получал прикладной по затылку. Потом нас несколько раз прочитали по списку и куда-то повели, предупреждая: шаг влево, шаг вправо - расстрел. Нас вели лесом. Потом привели к каким-то баракам и растолкали кого куда. Это был лесоповал Нижнетагильского Гулага. Не дав опомниться, нам указали место, где работать. Там был слышен звон топоров и визжание пил. Быстренько распределили, кто, что будет делать. И сразу же наметилась иерархия. Кто должен был сидеть у костра, кто валить и пилить деревья, кто рубить сучья. Техники никакой. Только и было слышно: “Берегись!” Мне было 16 лет, шёл 1943 год. Я был тощ и не отличался оптимизмом. Мне приказали собирать сучья, поддерживать костер, а кое-что носить в определенное место. По колену в снегу, плохенькая одежонка и легкие ботиночки. Мороз 25-30 градусов. Через день мне выдали спецодежду: старые ботинки, портянки, телогрейку, ушанку и варежки. К вечеру, побледневших и усталых, по счету нас вели к баракам. Барак был разделен по секциям, где были четырехэтажные нары, а по середине железная печка, буржуйка. Там, без шума и гама начали распределяться. Кто располагался ближе к печке и мог сушить свои портянки и промокшую обувь, кто на вторые, третьи и четвертые нары смог повесить и высушить свои портянки и обувь, а кто расстилал их под себя и сушил своими телами. Вонь и гарь, пахло сырой обувью и портянками. Я, как самый молодой, забирался на самый верх. Я находил какой-то крючок, развешивал портянки, клал в изголовье ботинки, накрывался телогрейкой и засыпал. В 4 часа утра был подъем. И мы, кто был наверху, наматывали сырые портянки и обувь, и нас вели на лесоповал. Вечером давали какую-то баланду и кусок хлеба. Со стороны ко мне было какое-то снисходительное отношение. Мат и ругань я не слышал, к костру меня не приглашали и пайки хлеба не лишали, и говорили: “Ты, пацан, не особенно усердствуй”. Но охрана всегда была на чеку. Да и сидя где-то была опасность обморозиться, спасало только движение и как-то могли двигаться пальцы в побледневшей обуви, но были и обмороженные. Но я не помню, сколько я был на лесоповале. Я провел там недели 2, 3 и меня перевели в зону “Нижнетагильская зона Гулага” и поселили в барак. Там я встретил своего отца. У него был срок 3 года за растрату. Наши койки стояли в углу большой комнаты, в другом конце по середине располагались кровати привилегированной публики, законников и воров всех мастей, так называемые “блатные”. Лагерная жизнь их не касалась. Подъем, отбой, работа. Вино, стриптизы и жаргонная речь. Мы для них не существовали. Отца через несколько дней забрали и отправили в штрафной батальон. Прогрузили в вагоны и прямо на фронт. По дороге их состав разбомбили. Было очень много жертв, а оставшихся в живых собрали и не передовую, прямо в бой. Впереди немцы, а сзади войска “Смерч” К.Г.Б. Был самый настоящий ад: строчили пулеметы, от разрыва снарядов люди погибали, их внутренности висели на деревьях и проводах. От бешеного напора немцы в ужасе бросали свои пулеметы и орудия, и бежали. А кто был прикован к пулеметам - считали, с криками “полундра” и “ёб... в рот”. И куда только не кидали штрафников, победа была обеспечена. Их бросали для захвата какой-нибудь высоты, населенного пункта или уничтожали всех. А кого ранили, отправляли в госпиталь, а после лечения, искупившего вину кровью, направляли в действующую армию на фронт. В 6-ой зоне я был определен в цех, где точили на станках стабилизаторы для мин. Это был револьверный станок, куда вставлялась железная заготовка, метра 3-4. Из неё точили стабилизаторы - это была хвостовая часть мины. Вот это изделие отправлялось в цех, где приваривались крылышки, и нарезалась резьба. Меня определили помощником револьверщика, а потом перевели в шорники. Работали станки на ременной передаче, и эти рамки часто рвались, и их надо было зашивать. Работа круглосуточная по 12-14 часов. Холод, полуразбитые окна, зима, длиннющие цеха. Люди изнемогали, валились прямо у станков, но работали, выполняя план. Шла война. А мы тайно с ребятами убегали греться к кочегарке, где стояла большая дымовая кирпичная труба. Потом пошел я на повышение. Меня назначили начальником ночной смены. Под утро сваливался, бегая по огромному цеху, устраняя неполадки где-нибудь под станком. Под утро ни свет, ни заря забегал начальник цеха, огромного роста детина. И громко отборным матом кричал: “Где начальник смены?” Услышав это, я выскакивал в окно и убегал. Год прошел в суете, построениях и шмонах. И я приехал домой. Отец после 20ого

тяжелого ранения демобилизовался. И вскоре был призван в 1926 году. На радостях и с горя устроили мои проводы, и отец на руках занес меня в вагон. По прибытии в часть началось распределение. Меня, как связанного с техникой, направили в танковое училище гор Кургана. Помимо всего прочего нас одели в красные американские ботинки с портянками и обмотками. Нас привезли в военный городок недалеко от Кургана и разместили в часть, где уже были старые сослуживцы. Нас распределили по койкам, и мы легли спать. Утром в 6 часов подъем, а ботинок нет. Мы бежим на построение: кто в портянках, кто босиком. Построились. Выходной старшина посмотрел на нас, и стал ходить возле строя, разводя руками и приговаривая: “Ну я к же так, вечером ложились, чоботы были, а утром встали - чоботов нема”. Так началась наша и моя служба. Учеба, наряды, а по воскресеньям нас выстраивали в каре под гром барабанов. На середину выводили несколько солдат, зачитывался приказ в Штрафбат. С них срывали погоны и ремни и уводили. Но на этом нарушения не прекращались. Как-то раз мы с товарищем заступили в наряд по роте с 4-х часов утра. Вот мне этот друг и говорит: “Знаешь, у меня здесь недалеко живет моя подруга. Сходим, попьем чайку, а к 6 утра вернемся”. Подумав, я согласился. Вот мы пошли. Зима, мороз под 40 градусов, снегу по колено, дороги нет, а только лес и кругом вьюга. Наконец пришли. Стучим в большие деревенские ворота.

-Откройте. Откройте, наконец. - Говорим мы.

-Кто это?

-Да я Вася. Маня дома?

Пауза...через некоторое время снова голос:

- Манька с лейтенантом спит.

- Ну, вы нас хоть погреться впустите.

Впустили и говорят, вот, мол, полезайте на печку. Залезли, легли валиком: туловище на печке, а ноги вверху и уснули. Утром просыпаемся, батюшки, 8 часов! Наверняка нас уже ищут. Вышли мы, ну я и говорю: “Ты вон по этой дороге, а я по другой”. Буквально я отошел метров на 20, и тут навстречу мне идет наряд. “Ну, вот и беглец!” Поговорили. Лейтенант и говорит: “Ну ладно, ты иди, мы тебя не видели”. По приходу в часть мы не отделались легким испугом. Мне дали 5 суток карцера, а другу 15. Потом началась интенсивная учеба, и ни о каких развлечениях не помышляли. С танкеток мы переходили к танкам Т34. Изучали вождение в боевой обстановке, а я механик-водитель танка. Экипаж - 5 человек. Трамплины, канавы, повал леса для танка это не помеха. И вот последние экзамены, и нас направят на фронт. Мне дают старт, экипаж в сборе, и я веду танк. Задание сложное: препятствия, трамплины, ямы, лес, и последнее ров и 2 бревна, а в конце стоит регулировщик с флажком. Но я набрал такую скорость, что, увидев это, регулировщик сбежал. Я это препятствие взял, но случилось непредвиденное: мой танк перевернулся, и мы оказались в пропасти. Я сижу, держусь за рычаги, экипаж мой побился, вылезая, кричит: “На х... такого механика, мы с ним больше не поедem”. Приезжает тягач, вытаскивает нас, капитан и говорит: “На фронте и не это будет, смелый парень”. Я был назначен механиком у командира полка. Потом нас направили в Нижний Тагил, и мы собирали танки каждый для себя. Так как все было механизировано, сборка продолжалась недели 2. А потом нас погрузили на платформы, и на фронт... Шел уже конец войны и нас направили в Курляндскую группировку, где были сосредоточены большие силы немцев. Нас выгрузили в Латвии, и мы были направлены на Митаву и Мобаву. Передвигались мы только ночью, периодически были небольшие стычки, а утром попали под бомбежку. А когда уже вышли на позиции, то столько было техники, а небо покрыто самолетами.

После окончания войны я был демобилизован и приехал домой к родителям в г.Новая-Ляля. Рисовать по-прежнему я продолжал, хотя одобрения от отца я не слышал. Учиться или хотя бы работать в этой области не было возможности (город маленький). И тут приезжает к нам наш родственник из города Ирбита. Посмотрел мои рисунки и говорит: “Поедем к нам, там я тебя устрою учеником в художественную мастерскую”. Там я впервые познакомился с масляными красками, и что меня поразило, так это этюды. Когда смотришь близко - одни мазки, а отойдешь - выявляются предметы. Правде я не помню, в чем заключалась моя учеба, но что я запомнил, так это то, что каждое воскресенье мы всей семьей ходили в художественную галерею. Там было великолепное собрание русской

и зарубежной живописи. Но я там прожил недолго. Я приехал домой, и мы всей семьей поехали в Казахстан город Катманду. Весна. Узкие улочки, шахты, базары, разноцветная публика. Ишаки, верблюды, на лошадях и быках везут нагруженные арбы, баранов, дичь, пшеницу и кумыс. Торговля барахлом со всего света, начиная с иголок, разноголосицы, халатов, и кончая тюрбанами. Всё это меня обворожило, и я утра до вечера пропадал на базаре, всё рисовал, хотя и чувствовал неодобрение публики. И вот как-то я пришел в очередной раз на базар, и, найдя укромное местечко, начал рисовать. И ко мне подошел мужчина и говорит: “Ты, парень, вижу, здесь всё рисуешь, а у нас есть художник из Москвы в клубе Кирова. Сходи к нему и покажи свой рисунок, может и в ученики возьмет”. И я помчался туда. Большой зал, группа людей, ребята разных возрастов показывают свои работы, кто живопись, кто рисунки. Пожилой мужчина интеллигентного вида рассматривает и что-то говорит. Видя всё это, я думаю, куда я попал? Такие работы, живопись, портреты, рисунки и я отошел в сторонку и наблюдал. За спину спрятал свои “шедевры”. Тут стали все понемногу расходиться, и он обращается ко мне: “Ну-ка, подойдите сюда, молодой человек, что там у вас?” Я протягиваю свой альбом. Он внимательно смотрит и говорит: “Где вы учились?” Ну, я ответил, что нигде. А он: “Вы рисовать не умеете, но чувствуете внутреннее состояние человека и природы. Я вас возьму в ученики”. Это был Владимир Александрович Эйферт- зам.директора Третьяковской галереи и друг Грабаря, окончивший Парижскую академию художеств. И так я стал его учеником. До меня был ещё один ученик- Коля Жирнов. Так мы учились вдвоем. Помимо живописи и рисунка Эйферт знакомил нас с историей искусств, с материалами, грунтовкой, лессировкой и т.д. Мой день начинался с 4-ёх часов утра и кончался в 12 ночи. Всё было расписано: живопись, рисунок, изучение истории искусств, отдельные монографии художников, некоторые мы даже копировали, изучая манеру и подход к той или иной работе. В основном у нас были постановки натюрмортов, портреты и живопись пленер. Но это мы делали самостоятельно, а потом был разбор. В зимнее время были такие бураны, что на расстоянии вытянутой руки нельзя было различить предмет и приходилось ходить в студию на ощупь. А этюды я писал даже в сорокаградусный мороз. Краска застывала, и разводить её нужно было керосином. Но это можно было сделать, только забравшись на какую-нибудь крышу. Благо они были плоские. Так прошло 3 года. Как-то Владимир Александрович нам сказал: “Вы уже, ребята, художники, но вам нужно обязательно иметь диплом”.

Мне исполнился 21 год, и я поехал в г. Ленинград и поступил в художественное училище им. Рериха. Но для того, чтобы учиться, мне нужно было работать, т.к. помощи я не ждал. И вот я взял несколько работ и пошел по мастерским, где хотел устроиться учеником. Но когда я показывал свои работы, посмотрев на них, мне отказывали. И вот я пришел ещё в одну мастерскую и показал свои работы, на что мне сказали: “Иди парень отсюда, ты украл эти работы”. И мне ничего не оставалось делать, как пойти грузчиком. Я устроился в кафе возить продукты на коляске со склада. Осень, мороз, одежда, легкие ботинки плохоньки и я заболел. При температуре под 40 я сказал хозяйке, где жил и пошел в Русский музей. А когда пришел, меня уже ждала скорая помощь с милиционером, температура 41, и меня на носилки и увезли в больницу. Долго меня возили по всем больницам, но диагноз определить не могли. Наконец меня привезли в военно-медицинскую академию и там определили: бруцеллез. Это был профессор Рагоза. Мне давали таблетки, выписанные в США на золото, но это ничего не помогало, и я лежал в отдельной палате, как подопытный. Каждый день собирался консилиум из студентов и врачей. Ноги были замотаны ватой, запах пищи я не выносил, вес мой был менее 40 кг.

И так это клеймо, только в другой форме, осталось на всю жизнь, или недоверие, или поиск аналогов. Но в творчестве была и есть никому непонятная особенность. Я начинал новую работу, никогда не думал о ранее сделанной, забывал напрочь поиск и мученье. А если был перерыв 2-3 дня, я не мог приступить к работе, и ходил, и смотрел ранее сделанные работы, но они для меня были забытыми. Вот почему на просмотрах на выставке говорили, почему разные работы есть мастерство, но нет лица, нет школы, а школа-это ходьба по проторенному пути, называется творчество. Мне это не ведомо. Это всё равно, что идти шить сапоги или колоть дрова, скука. Творчество- это эксперимент. Здесь нет потолка, нет горизонта, и со временем не очень многие стали это понимать.

Меня обуревали всевозможные фантазии, ни коем образом не связанные с окружающим миром. Я делал небольшие зарисовки, и к некоторым возвращался через 30 или более лет. И с них писал картины. Здесь я столкнулся с некоторой проблемой. Купаясь в цветочных отношениях природы, я опускал некоторые детали в рисунок, и, просматривая ранее написанные работы, я ловил себя на этом. Несмотря на то, сколько лет ты в искусстве, должна быть гармония взаимоотношений, иначе твой труд умрет раньше автора. И каждое утро у меня из носа текла кровь по целой плевательнице, и чтобы поддерживать моё состояние ежедневно, мне проводили переливания крови-150-200ед. Так прошло около 2.5 лет. В результате ничего не смогли сделать и меня отправили домой на родину, где я родился - на Урал. Родители купили дом за городом, и я лежал с ежедневным посещением врача. Но вот ходил коновал, подмешивал телят, поросят. И отец его позвал, ну и говорит: "Мой сын болеет бруцеллезом, можешь вылечить?" И он ответил, что сможет. Он сделал настойку из трав, куда входили сулема, мышьяк и ещё что-то. Он сказал, что всё это надо настоять на 1 литре водки и пить каждый день от наперстка до стакана, и он пойдёт. А лекарства забыть. Так я выпил стакан и осенью пошел в студию к преподавателю Шмелёву. В.Ф. Это был известный ученик Машкова. Одновременно я учился и работал в школе, преподавателем черчения и рисования. Отработав год, на следующую осень я поступил в Свердловское художественное училище. После окончания, отработав год и получив направление, я уехал в город Ташкент, чтобы поступить в худ. институт. Сдали экзамены. Но нас отправили в Россию, ссылаясь на то, что приедут поступать свои. Сдал я документы в институт Репина г. Ленинград. Но, просмотрев мои работы, мне сказали, что мне здесь делать нечего. И я пошел в ЛВХПУ. Когда я сдавал свои работы, ко мне подошел мужчина и говорит: "Будем знакомы". В ЛВХПУ просмотрев мои работы, документы взять тоже отказались. "Боря, я бы хотел, чтобы ты учился в Москве. Я председатель приемной комиссии Волошин". Я блестяще сдал экзамены на отделение ткани. После 2-ух лет учебы, я перевелся на отделение стекла и керамики. Учеба в Строганове проходила весьма интересно. Внеклассная живопись и рисунки, великолепная библиотека, музей. Зав кафедрой был известный художник Васильев, а скульптуру вел художник Витачин. На каникулы я уезжал и привозил не менее 300 этюдов за 2 месяца. По приезду Васильев в залах Строгановки устраивал выставку с ворчанием "этюды лучше меня пишешь". И я в очередной раз получал путевку в Дзинтари и опять, отдыхая, писал. Так я был совершенно свободен и независим. Я устраивал товарищеские выставки, свободные беседы о творчестве в аудитории и с преподавателями. Кончается 5-ый курс. Ко мне подходит профессор по живописи и говорит: "Поздравляю! Вы чрезвычайно одаренный человек!" По основным предметам 5, а по идеологии и политической экономике 3. Но тут случается непредвиденное. Уходит в мир иной зав кафедрой, профессор Васильев. И я и не подозревал, что за мной идет слежка. Как я заметил, за колонной стояла лаборантка и записывала время и мои разговоры в классе, а я говорил о свободе творчества и не очень местно о соц. Реализме. И со временем выяснилось, что я для их группы был белой вороной среди коммунистов и комсомольцев, пришедших из школы. После смерти Васильева назначается новый зав кафедрой, коммунист, бывший лаборант Селезнев. И тут, как бы внезапно, мы с ним ведем беседу о состоявшихся выставках западного и советского искусства, о мотивах и о развитии. И тут начинается просмотр работ и рекомендация к диплому. Как позже выясняется, что моя кандидатура не подходит по идеологическим соображениям. Но вопрос в том, как исправить оценку! Идет обработка преподавателей. Идет неделя вторая, и чувствую что-то неладное. Тут вызвал меня зав института и говорит: "Боря, тебя хотят исключить. Ректор и кафедра настаивают, но причина в оценках. Ты будешь работать на производстве. Я тебе сделаю перевод в ЛВХПУ г. Ленинград".

Ленинград меня встретил не очень доброжелательно. На выставке осенних работ в Мухинском, мои работы были замазаны. Просмотрев работы по живописи и рисунку, еле-еле поставили 3. Но до диплома я был допущен, хотя студенты-однокурсники были равнодушны. Диплом был детский сервиз. Все работы я выполнил самостоятельно. Роспись и обжиг я сделал на Ленинградском фарфоровом заводе, и также получил заслуженную 3 с оговоркой. Художника не получится, но будет мастер. После окончания был направлен в художественную школу №90. В этой школе я так же пришелся не ко двору. Директор был полковник в отставке, и ему тоже не понравилось мое свободолобие, и на педсовете был поставлен вопрос о моем дальнейшем пребывании, но случилось

непредвиденное. Отработав год, я был приглашен на стекольный завод. Побывав в цехах, я был обворожен. Всё блесит, сверкает, звон стекла, волшебное движение людей. Но жилищных условий никаких. Я нашел в частном доме у бабки коморку, но тут по ночам на меня набрасывались полчища клопов, и я сбежал. Взял со склада матрац, одеяло и простынь. Устроил лежанку на рабочем столе в лаборатории завода. Благо рабочее место было прилично и состояло из 2-х комнат, где ещё работали две художницы. Поговорив с ним об условиях работы, выяснилось, что мастеров для выдувания изделий не дают. Точить формы некому и все приходится выбивать через управления и главного художника. И как они сказали, но нас теперь трое. Ознакомившись со всем, я понял, что обстановка у них накалена до предела. Они, как две клуши, ходят друг за другом от цеха к цеху. Попад в суровые условия жизни, они никак не хотели с этим мириться, а условия завода были иные. Прежде всего, план, а художники, как пришельцы, говорят о какой-то культуре ново введениях. И чтобы жить в этих условиях надо самому уметь что-то делать и обходить острые углы. И когда по графику мне нужно было работать с мастерами, я их пригласил в лабораторию. Там показал свои эскизы, и мы обсудили, как это можно выполнить. Для того чтобы изготовить то или иное изделие, нужны формы, формы деревянные. А для того, чтобы изготовить эти формы, нужны березовые чурки. В данный момент, нам этого никто делать не будет. И мы вооружись пилой, ломом и топором пошли на склад. Благо мне всё это было знакомо. В то время в городах и деревнях было печное отопление, и мне с отцом приходилось делать заготовку дров. Напилив чурбаков, мы их отнесли в токарный цех. После переговоров с начальником цеха и мастерами, когда будут готовы формы, мы их должны отнести в столярный цех. Там тоже свой план и свои проблемы. Наконец достигается компромисс, и формы будут готовы. Так, вникая во все дыры производства, то ремонт, то горит план, и мы как бы 5-тое плечо в телеге.

При заводе мной был организован музей. Несмотря на все пережитки, я собрал дореволюционные изделия, и получилась прекрасная экспозиция современного и дореволюционного стекла, чем ни мало гордилась дирекция завода и рабочие. Проходили экскурсии. Но всё больше меня охватывали новаторские идеи. Помимо злопыхателей, находились люди с более современными взглядами, и я всегда выходил победителем и чувствовал себя на высоте. Но на достигнутом успехе я не останавливался. Кроме работы в лаборатории мы шли на этюды. А в творческие дни я возил мастеров в музей Эрмитаж и Русский музей. Всячески повышал их творческий уровень. Это повлияло на художественный процесс при выполнении произведений из стекла. Работы нашего завода, а в частности мои, вывозились на выставки за рубеж (Америку, Францию и т.д.).

В 1974-75 гг. я был приглашен на Международную выставку в Японии, где мои произведения были выставлены в отдельном павильоне. Нашими корреспондентами был снят фильм, который демонстрировали в Москве в Союзе художеств. В это время я начал работать над новой серией работ из стекла. Наклонный график и 6 стопок, русское барокко, бокалы Кабальеро и большая серия “Мезозойская эра”. Несмотря на всю эту занятость, я продолжал работать в живописи и в графике. Я успешно участвовал на официальных выставках. С живописью мне в Союзе художников доступ был закрыт. Никаких новаторств не признавали, хотя многие к этому относились доброжелательно. Помимо всего прочего на заводе полагались творческие командировки 1 раз год, и можно было ехать в любую точку Союза. Я и поехал в Грузию и Армению. И как раз в это время из Франции приехал Ерван Семёныч Кочар - известный художник - и я пришел к нему. Принял он меня очень хорошо. Я начал показывать ему слайды из стекла. Он всё говорил “да, да” и “хорошо”. Но когда я стал показывать рисунки из альбома, Кочар вскочил, стал рассматривать мои работы и судорожно кричать: “Ты кто? Еврей, поляк, австрияк???”...а я ему в ответ “Я русский!!!”. “Не может быть! У русских нет таких художников!” Потом позвал жену и попросил её принести его каталоги. На столе появились всякие яства, а потом он пригласил меня в свою мастерскую и наш разговор закончился далеко за полночь. И сколько бы я ни был там, я всё время заходил к нему. Окрыленной таким успехом, я пошел к художнику Сарьяну, в его роскошные апартаменты. Через некоторое время ко мне выехал сам хозяин на кресле. У нас был общий разговор: кто я, да откуда и чем занимаюсь. На том наша беседа и окончилась. Под этим очевидно была какая-то подоплека. Но меня ждал завод и работа со стеклом. Стекло

– огонь. Это материал завораживает, увлекает, из горячей массы стекла получается произведение, а художник, как колдун, сам себе подвластен. Но время неумолимо. Начальство менялось, уехали художники за рубеж. Надо было набирать новый коллектив, а у меня уже другие мысли. Я подготовил ряд изделий, как бы в завершение моей долголетней работы и собрался уйти.

Много было побед и огорчений, но стекло – это огонь, который глубоко ранил мою душу. И я, уходя, как бы расставался с самым любимым существом. И я оставлял друзей, которые были моими спутниками в творчестве. Переходя на работу в художественный фонд по витражам, я принес тот весь опыт по стеклу, который был наработан. В частности стекание стекла, свободную композицию и применением контрастов и введение молочного стекла в витраж, ну и другие технологические процессы. Хотя меня и обвиняли в нетрадиционном решении композиции и в шутку называли “привет авантюрист”, но потом всё уладилось, и постепенно это стали использовать и другие художники. Работа над эскизами у меня занимала немного времени, которое я больше использовал для живописи и графики. В витражах также можно экспериментировать, но технологические возможности были ограничены. Первая выставка, в Летнем саду, где я выставил стекло, живопись и графику. Были корреспонденты даже из Новгорода, и приехала съемочная группа. В новостях был показан сюжет и короткометражный фильм перед началом кино. В Москве начали снимать фильм “Синяя птица”, сюжет фантастического стекла найти не могли, и вот они появились у меня в лаборатории, и чрезвычайно были образованы. Потом у меня дома сделали персональную выставку.

1974 год. Персональная выставка в Дека Дома Культуры “Пять углов”.

1981 год. Дом учёных, Эрмитаж

1974-75гг. Участие в выставке в Японии, Осака, Санноро, где для моих произведений из стекла был выделен отдельный павильон. И был снят фильм, который демонстрировался в Москве в Союзе художников. Работа с витражами не очень обременяла, и у меня день весь был расписан. Живопись – это работа с композицией, цветоведение, посещение библиотеки Эрмитаж, изучение произведений старых мастеров, а также труды философов и ученых. Я также делал неоднократные выставки в Союзе художников “Голубая гостиная”. Под видом стекла я также выставял живопись и графику, которая не очень одобрялась дирекцией и по тому поводу много дебатировали. В заводскую бытность устраивались выставки, где я принимал непосредственное участие, Германия, Австрия, Франция, США.

1993 год. Выставка живописи, г.Марсель, Франция.

1994 год. Международная выставка в Италии, Венеция. Там я участвовал по рекомендации моего друга Эрнста Фукса. Только я был из Санкт – Петербурга удостоен этой чести. Я был принят там очень хорошо, я выступал от имени Эрмитажа, т.к. мои произведения находились там, а так же в Русском музее.

Мои произведения находятся в Москве, Загорске, Красноярске и в других городах и республиках. Так же есть частные коллекции за рубежом: Австрии, Германии, Италии, США, Японии, Франции. В советское время я уже не работал на заводе. Я периодически выезжал на творческие базы по стеклу, керамике, на творческую базу “Торячий ключ”, Старую Ладугу и другие города. Но вот началась перестройка и для дальнейших экспериментов и развития творчества были невозможны. Были закрыты крупнейшие заводы стекла, керамики, разрушены творческие дачи, где воспитывались многие поколения художников, и обменивались своими достижениями. И теперь каждый как может перебивается.

На чем я и закончу своё повествование. Пусть художники и загнаны в жалкие комнатенки коммуналок, но они и там будут творить!

2009 год.

Б. Четков